

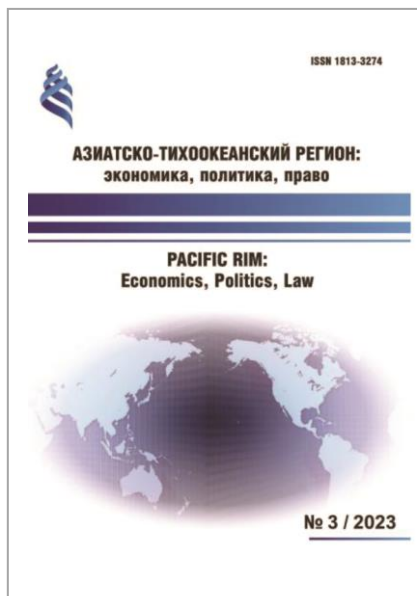
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: **экономика, политика, право**

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Подписано в печать 18.09.2023.
Тираж 500 экз. Заказ 255.
Дата выхода в свет 27.09.2023.
Цена свободная.

Адрес редакции:

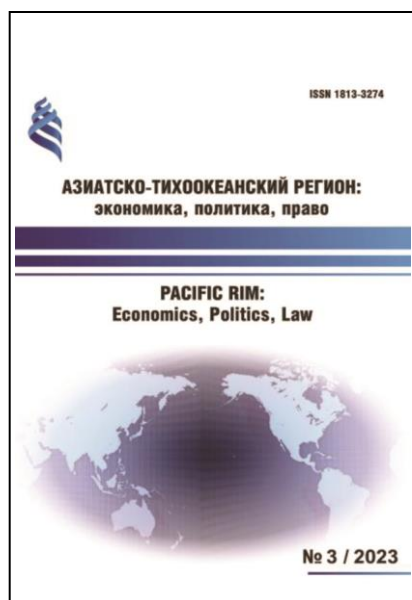
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корпус А, к. А920–923

Редактор *Л. В. Студенчикова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *Г. П. Писаревой*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (eLibrary), Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Signed for publication 18.09.2023.
The circulation is 500 copies. Order 255.
Release date 27.09.2023.
The price is free.

Editor *L. V. Studenchikova*
Translation into English by *N. V. Betancourt*
References editor *T. V. Polikarpova*
Computer layout *G. P. Pisareva*

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталия
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

БАКЛАНОВ Пётр Яковлевич	академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
БЕЛКИН Виктор Григорьевич	советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
ВАНДЕРХЗВААГ Дэвид	директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович	ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
КАПУСТИН Анатолий Яковлевич	научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич	проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
КУРИЛОВ Владимир Иванович	член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
ЛИ Ик Хён	вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
ПАК Ноенг	профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
РОГОВ Игорь Иванович	заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Редакционная коллегия журнала

ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Санкт-Петербург, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychnev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

Lyudmila I. Votintseva	Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia
Evgeny P. Zharikov	Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
Natalia N. Korotkikh	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Vitaly A. Nomokonov	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Sergey K. Pestsov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала.....	11
ЭКОНОМИКА	15
Хараберюш И. Ф. Техническое обеспечение экономической безопасности ДНР как субъекта Российской Федерации: концептуальный подход	15
Павлова М. Б. Технология создания пространственных данных в региональных информационных системах для целей устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера	31
Доленина О. Е., Подкладова А. С. Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития регионов Китая	47
ПОЛИТИКА	60
Насхулиян О. С. Институт частной жизни в контексте обеспечения национальной безопасности: историко-правовой и теоретико-правовой аспекты.....	60
Процевский В. А., Горлов Е. В., Шириня А. А. Проблемы реализации конституционного права на свободу мысли и слова в России	70
Прасов А. А. Проблема изучения современного состояния образа политических партий на примере выборов в Государственную Думу 2016 и 2021 гг.	83
Красиков В. В. Трансформация подходов России к КНДР в начале XXI века.....	97
ПРАВО	106
Номоконов В. А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы.....	106
Жмуров Д. В. Противодействующая жертва как виктимологический феномен	117
Грибкова К. В. Судебная практика как источник права в России.....	127
Аракелян А. А. Предпосылки применения и основания закрепления в законодательстве оценочных понятий гражданского права.....	133
Каримова Ю. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): пути и способы совершенствования уголовно-правовой нормы.....	143
Ксенофонтов Д. В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными по законодательству США и стран Азии	152

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	15
Kharaberiush I. F. Technical support of the economic security of the DNR as a subject of the Russian Federation: a conceptual approach.....	15
Pavlova M. B. Technology for creating spatial data in regional information systems for the purposes of sustainable development of the indigenous peoples of the North	31
Dolenina O. E., Podkladova A. S. Cross-border cooperation as a factor of economic development of China regions	47
POLITICS	60
Naskhuliyani O. S. The institute of private life in the context of ensuring national security: historical-legal and theoretical-legal aspects	60
Protsevskiy V. A., Gorlov E. V., Shirinya A. A. Problems of realization of the constitutional right to freedom of thought and speech in Russia.....	70
Prasov A. A. The problem of studying the current state of the image of political parties on the example of elections to the State Duma in 2016 and 2021	83
Krasikov V. V. Transformation of Russia's approaches to the DPRK at the beginning of the XXI century.....	97
LAW	106
Nomokonov V. A. Anti-criminal policy: methodological and moral foundations.....	106
Zhmurov D. V. The confrontational victim as a victimological phenomenon	117
Gribkova K. V. Judicial practice as a source of law in Russia.....	127
Arakelyan A. A. Prerequisites for the application and grounds for fixing the evaluation concepts of civil law in the legislation.....	133
Karimova Y. V. Obstacles to the legal professional activities of journalists (art. 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): ways and ways to improve the criminal legal regulation	143
Xenofontov D. V. Criminal responsibility for animal cruelty under the legislation of the USA and countries of Asia	152

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUS-SIA, prof. A. I. Korobehev. E-mail: akorobehev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 15–30.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 15–30.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338(470-32):004.056

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/15-30>

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДНР КАК СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Иван Федорович Хараберюш

Институт экономических исследований, Донецк, Россия,
hif52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4968-5421>

Аннотация. Обеспечение экономической безопасности вновь принятых субъектов в состав РФ играет важную роль, поскольку уровень их социально-экономического развития влияет на национальную безопасность страны. Донецкая Народная Республика как новый субъект РФ требует совершенствования экономической безопасности согласно требованиям нормативно-правовых актов РФ. Важную роль в этом процессе играет информационно-техническое оснащение структур, обеспечивающих безопасность региона. Создание многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг позволило с использованием современных информационных технологий оказывать государственные и муниципальные услуги без участия заявителя, что соответственно подрывает основы коррупции. Технические средства охраны в системе экономической безопасности региона играют важную роль, обеспечивая безопасность субъектов хозяйственной деятельности региона. Выделяются основные требования к подсистеме технических средств охраны интегрированной системы технической безопасности. Перспективным направлением в информационно-аналитической работе и ОРД оперативных подразделений являются информационные ресурсы сети Интернет. Использование интеллектуальных систем существенно влияет на повышение уровня экономической безопасности региона.

Ключевые слова: экономическая безопасность, услуги, техническое обеспечение, технические средства охраны, интеллектуальные системы, информационно-аналитическая работа, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Хараберюш И. Ф. Техническое обеспечение экономической безопасности ДНР как субъекта Российской Федерации: концептуальный подход // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 15–30.

ECONOMICS

Original article

TECHNICAL SUPPORT OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE DNR AS A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: A CONCEPTUAL APPROACH

Ivan Fedorovich Kharaberiush

Institute for Economic Research, Donetsk, Russia,
hif52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4968-5421>

Abstract. Ensuring the economic security of newly admitted subjects to the Russian Federation plays an important role, since the level of their socio-economic development affects the national security of the country. The Donetsk People's Republic, as a new subject of the Russian Federation, requires the improvement of economic security in accordance with the requirements of regulatory legal acts of the Russian Federation. An important role in this process is played by the information and technical equipment of the structures that ensure the security of the region. The creation of multifunctional centers for the provision of state and municipal services made it possible to provide state and municipal services using modern information technologies without participation of the applicant, which contributes to undermining the foundations of corruption. Technical means of protection in the system of economic security of the region play an important role, ensuring the safety of business entities in the region. The main requirements for the subsystem of technical means of protection of the integrated system of technical safety are highlighted. A promising direction in the information-analytical work and operational activities of the operational units are the information resources of the Internet. The use of intelligent systems significantly affects the increase in the level of economic security of the region.

Keywords: economic security, services, technical support, technical means of protection, intelligent systems, information and analytical work, operational-search activity

For citation: Kharaberiush I. F. Technical support of the economic security of the DNR as a subject of the Russian Federation: a conceptual approach // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 15–30.

В современных условиях вопросы обеспечения экономической безопасности отдельных субъектов РФ играют важную роль, поскольку именно от уровня их социально-экономического развития зависит национальная безопасность страны. Не является исключением и Донецкая Народная Республика, которая в соответствии с Федеральным конституционным законом «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ входит в состав России в своих административных границах 2014 г. [1, ст. 2, 3]. Это актуализирует вопрос технического обеспечения экономической безопасности ДНР при учете положения «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030» (Стратегия ЭБ) и другие нормативные акты РФ, регулирующие обеспечение экономической безопасности.

Однако проблема обеспечения экономической безопасности регионов остается недостаточно полностью исследованной, что объясняется рядом причин: экономическое развитие регионов РФ имеет свою собственную специфику, которая требует определенной модификации показателей, используемых для оценки экономической безопасности; проблемы обеспечения экономической безопасности регионов РФ рассматриваются с разных методологических позиций, которые зачастую противоречат друг другу; дефицит открытых региональных статистических данных; неразработанность цифровых инструментов, позволяющих оценить уровень региональной экономической безопасности и создать эффективные механизмы ее обеспечения; недостаточная оснащенность современными техническими средствами субъектов хозяйственной деятельности.

В соответствии со Стратегией ЭБ для своевременного выявления вызовов и угроз экономической безопасности, оперативного реагирования на них, выработки управленческих решений и рекомендаций в настоящее время формируется *система управления рисками* (СУР) [2, п. 24]. Необходимость создания такой СУР обусловлена следующими обстоятельствами, такими как:

- потребность в своевременном и оперативном выявлении вызовов и угроз экономической безопасности, организационных, технологических, логистических, правовых и иных факторов их возникновения как на федеральном и отраслевом, так и на региональном уровне, оперативном реагировании на них, выработке управленческих решений и рекомендаций;

- возможности современных информационных технологий по мониторингу, сбору, обработке и проблемно-ориентированному анализу значительных массивов

информации; развитие методов и инструментов системного анализа и имитационного моделирования динамики сложных организационно-технических и социально-экономических объектов в условиях высокой неопределенности;

– совершенствование механизмов оперативной выработки рекомендаций по оптимальному реагированию органов государственного и корпоративного управления на внезапно возникающие риски в экономической сфере [3, с. 5–6].

Целью СУР является создание и внедрение механизмов своевременного выявления вызовов и угроз экономической безопасности в закрепленной сфере ответственности федеральных органов исполнительной власти и субъектов Российской Федерации, выявление уязвимых мест в системе обеспечения экономической безопасности, оценка рисков, а также выработка органами государственного и корпоративного управления решений по оперативному планированию и реагированию на выявленные угрозы и риски, нейтрализация уязвимостей в рамках единого регламента взаимодействия [3, с. 6]. В плане этих решений считаем, что для обеспечения экономической безопасности важное место должна занимать оснащенность техническими средствами защиты организаций и предприятий ДНР как субъекта РФ.

Изучением вопросов обеспечения и усиления экономической безопасности регионов России занимались многие ученые и специалисты [4–11]. Однако вопрос технического обеспечения экономической безопасности отдельных субъектов, которые недавно вошли в состав РФ, требует дополнительного рассмотрения.

Цель настоящего исследования – проанализировать различные подходы к обеспечению экономической безопасности субъектов Российской Федерации и на концептуальном уровне показать необходимость и важность технического обеспечения экономической безопасности ДНР как субъекта РФ.

В последнее время регионы РФ, как правило, отождествляются с субъектами федерации или федеральными округами. Анализ уровня экономической безопасности субъектов Российской Федерации является базой для проведения комплексной оценки экономической безопасности в масштабах региона, что позволит выявлять основные направления региональной технической политики в аспекте обеспечения экономической безопасности.

Существует множество подходов к пониманию сущности экономической безопасности региона. Так, В. В. Акбердина и О. П. Смирнова экономическую безопасность региона рассматривают многосторонне. Целью системы экономической безопасности региона, по их мнению, является достижение благосостояния его экономики, в том числе эффективное удовлетворение потребностей населения, защита его экономических интересов, способность региона устойчиво развиваться. Ими предложена система индикаторов экономической безопасности региона, включающая следующие модули: финансовый, технологический, инновационно-инвестиционный, инфраструктурный, правовой, кадровый, интеллектуальный [4, с. 1509].

Особенностью данного подхода является учет направлений государственного регулирования экономической безопасности и самоорганизации субъектов хозяйствования региона. Это позволяет выделять внешние и внутренние угрозы, своевременно выявлять риски межотраслевых связей внутри региона, что предполагает использование современных систем безопасности.

По мнению Л. С. Архиповой, в российской экономической практике оценка экономической безопасности, независимо от рассматриваемого уровня, также должна проводиться на базе использования критериев экономической безопасности – качественных признаков, на основе которых проводится оценка уровня развития отдельных сфер экономики и соответствия процессов, происходящих в этих сферах. Для учета уровня экономической безопасности большое значение имеет количественная оценка состояния экономики, которая проводится на базе анализа социально-экономических индикаторов. В процессе оценки большую роль играют пороговые значения индикативных показателей, с помощью которых объект исследования анализируется с позиции соответствия тенденций ее состояния национальным интересам страны. Она отмечает, что высокий уровень безопасности достигается лишь при условии, что вся система индикаторов экономической безопасности находится в допустимых пределах [5, с. 704].

А. И. Назарова и С. В. Беликова считают, что экономическая безопасность региона включает в себя многообразие связанных между собой подсистем и их взаимоотношений. Авторы выделяют механизм обеспечения экономической безопасности региона, представляющий собой совокупность ресурсов, методов, форм, а также инструментов и рычагов воздействия на протекающие в регионе процессы, которые позволяют снизить или устранить воздействие негативных факторов, влияющих на развитие экономики, решить накопившиеся социально-экономические и институциональные проблемы [6, с. 50–51]. При таком подходе, по нашему мнению, одним из основных инструментов обеспечения региональной экономической безопасности является современное информационно-техническое оснащение систем безопасности субъектов хозяйственной деятельности.

На примере Кемеровской области Д. А. Скотников и С. В. Вик показывают, что экономическая безопасность региона аналитически реализуется в системе индикаторов экономической безопасности. Они позволяют количественно и качественно оценить развитие экономических процессов в регионе, дать сигнал о возможной опасности, помочь разработать и осуществить комплекс мероприятий по стабилизации обстановки. Критичными для территории экономической безопасности являются предельные пороговые значения показателей, превышение или недо-стижение которых ведет к дисбалансу и появлению деструктивных процессов в экономике региона. По их мнению, вполне достаточно 13–15 индикаторных показателей. Уровень экономической безопасности региона при этом будет либо ориен-

тирован на достижение идеальных параметров, либо останется на прежнем месте, либо, напротив, снизится [7, с. 69–70].

А. А. Коновалов отмечает, что региональная система обеспечения экономической безопасности означает совокупность условий и факторов, институтов и механизмов, которые направлены на защиту экономических интересов субъекта РФ, совершенствование сферы жизнедеятельности его населения [8, с. 62]. Таким образом, обеспечение экономической безопасности региона представляет собой систему, то есть способность региона проводить собственную экономическую политику благодаря своим внутренним ресурсам и подсистемам, построенным на базе современных информационно-технических средств.

Исходя из вышесказанного в качестве одного из элементов системы обеспечения экономической безопасности региона можно выделить институт оказания государственных услуг как инновационную технологию взаимодействия органов власти и общества. Это многофункциональные центры (МФЦ) предоставления государственных и муниципальных услуг, которые в своей работе используют современные информационные технологии и являются одним из факторов устойчивости экономического положения территории, способного нивелировать или снизить воздействие возникающих рисков и угроз.

А. А. Куклин, М. С. Печеркина, А. Н. Тырсин, А. А. Сурина рассматривают экономическую безопасность как защищенность, жизнеспособность субъектов, объектов и систем от внутренних и внешних угроз. По их мнению, неопределенность функционирования региона, изменчивость внешних и внутренних условий делают необходимым выявление и оценивание рисков социально-экономического развития региона. Благополучие личности и территории проживания они понимают как сложную социально-экономическую категорию, характеризующую обеспеченность личности и территории жизненно необходимыми благами и обеспечение потребности в экономической безопасности в условиях минимизации социально-экономических рисков для личности и территории [12, с. 1031–1032]. Повысить уровень экономической безопасности региона позволит комплексное применение современных технических средств, информационных систем и технологий.

Следует отметить исследование влияния уровня преступности как меры негативного социального капитала на рост экономики регионов Российской Федерации, проведенное Т. В. Краминым и А. А. Шакировой. Согласно полученным результатам, преступность оказывает негативный эффект на экономический рост регионов РФ [9, с. 1211] и повышает социально-экономические риски для личности и территории. Некоторые авторы весьма справедливо, по нашему мнению, считают одним из главных тормозов экономического роста в России экономическую преступность. Они утверждают, что реальным индикатором этого процесса является абсолютно высокий удельный вес экономической преступности – до 80% в общей структуре

преступности, и главными объектами посягательств со стороны организованных преступных группировок становится национальная экономика России [13, с. 54]. Это позволяет нам также уделить внимание правоохранительной составляющей в обеспечении экономической безопасности ДНР как субъекта (региона) РФ, а именно информационно-технической оснащенности структур, обеспечивающих безопасность субъектов хозяйствования.

Исходя из анализа рассмотренных работ под экономической безопасностью региона нами понимается устойчивое функционирование всей экономической системы, способной на основании показателей-индикаторов своевременно выявлять, систематизировать и устранять внешние и внутренние угрозы, а также путем разработки комплексных мер предупредительного характера снижать последствия различного вида угроз за счет применения современных технических средств, информационных систем и технологий.

Анализ исследований позволил нам также выделить угрозы, влияющие на состояние экономической безопасности регионов, а именно:

- 1) уровень производственного потенциала, моральный и физический износ машин и оборудования;
- 2) уровень инновационной и инвестиционной активности;
- 3) состояние бюджетно-налоговой и денежно-кредитной сфер;
- 4) конкурентоспособность товаров и услуг;
- 5) качество жизни, уровень безработицы, социального обеспечения населения;
- 6) уровень безопасности субъектов хозяйственной деятельности в регионе;
- 7) уровень правопорядка в регионе;
- 8) степень криминализации экономики и распространения теневой экономической деятельности;
- 9) степень оснащенности систем безопасности современными информационно-техническими средствами.

Характеризуя государственные и муниципальные услуги, мы поддерживаем мнение, что они являются важной точкой соприкосновения населения и государства. Поэтому от качества и результатов данного взаимодействия зависит и ощущаемый населением уровень качества жизни [14], что существенно влияет на уровень экономической безопасности региона. То же можно сказать и об услугах, оказываемых юридическим лицам. Качество услуг положительно влияет на эффективность их работы и, соответственно, на уровень экономической безопасности самого юридического лица и регионального объединения в целом.

Для повышения качества оказания услуг и эффективности работы государственных и муниципальных органов в их работу был внедрен порядок предоставления государственных услуг по принципу «одного окна», заимствованный из мировой практики взаимодействия государства и общества в сфере предоставления

социальных и других публичных услуг. Это обусловило серьезный качественный сдвиг в правоприменительной системе обеспечения реализации прав граждан на различные услуги и льготы и привело к созданию многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг. Взаимодействие с органами, предоставляющими государственные услуги, или органами, предоставляющими муниципальные услуги, осуществляется МФЦ без участия заявителя, что способствует подрыву основ коррупции.

На основе данных об охвате населения услугами нами было проведено исследование уровня развития сети многофункциональных центров, организованных в субъектах РФ (областях, краях, республиках), а также представлены рекомендации по совершенствованию деятельности МФЦ Донецкой Народной Республики по оказанию услуг физическим и юридическим лицам в целях повышения экономической безопасности региона. Исследование проводилось на основе материалов, полученных из открытых данных, публикуемых органами государственной власти в соответствии с законодательством РФ, и трудов отечественных ученых [15–19].

Было установлено, что количество и наименование государственных услуг, предоставляемых в МФЦ региональными органами исполнительной власти и местными администрациями, разнятся от субъекта к субъекту РФ, что значительно усложняет процесс регламентации их предоставления и обобщения опыта применения. Поэтому для проведения анализа работы МФЦ и выделения новаций для последующего внедрения их в ДНР были рассмотрены МФЦ регионов РФ, имеющих общие черты по различным параметрам. Здесь брались во внимание направленность и уровень промышленного развития, площадь, количество населения в целом и плотность населения на 1 кв. км, географическое расположение региона, климатические условия и т.д. Учитывалось также число и качество предоставляемых услуг в МФЦ, зависящие от уровня регионального взаимодействия госструктур, предоставляющих госуслуги, их обеспеченности современными информационно-коммуникационными средствами и организационных способностей органов местного самоуправления.

Анализ ситуации в регионах позволил установить, что надлежащее оказание услуг обеспечивают Башкортостан, Татарстан, Удмуртская Республика, Хабаровский край, Красноярский край. Наиболее развита система обслуживания в Ростовской области, Республике Башкортостан, Алтайском крае, которые рассмотрены как объекты для обобщения опыта работы МФЦ по оказанию государственных и муниципальных услуг. Взяты на вооружение опыт МФЦ Республики Татарстан и Орловской области, в которых созданы обособленные подразделения МФЦ по предоставлению услуг малому и среднему предпринимательству, а также опыт Санкт-Петербурга и Алтайского края по выделению специальных окон в МФЦ для обслуживания предпринимателей, что значительно снижает уровень коррупции и

повышает роль информационных технологий в обеспечении экономической безопасности регионов.

Бесспорным, по нашему мнению, является утверждение, что одной из основных угроз экономической безопасности региона следует считать криминализацию экономики, о чем свидетельствует общая статистика преступности и положения Уголовного кодекса РФ.

По данным МВД РФ, около 80% преступлений в России являются преступлениями экономической направленности. Ущерб от них в 2019 г. составил 447,2 млрд руб. – 77,2% от общего ущерба от преступлений, а в 2021 г. – около 642 млрд руб., то есть более 77% от общего ущерба от всех преступлений. И хотя в 2022 г. ущерб от преступлений экономической направленности составил 45,3% (339,1 млрд руб.) от общего ущерба, это свидетельствует о значительном уровне экономики РФ и снижении уровня ее экономической безопасности в общем и безопасности регионов в частности. Кражи в 2022 г. составили 35,6% от общего числа преступлений, а преступления против собственности, в отношении которых следствие обязательно, – 35,5% [20].

Наибольшего эффекта в обеспечении противодействия преступлениям экономической направленности можно добиться, обеспечив надлежащее использование передовых технических средств и современных информационных технологий и систем по таким направлениям, как:

- охрана объектов с использованием технических средств охраны;
- информационно-аналитическая работа подразделений по обеспечению *экономической безопасности и противодействию коррупции* (ЭБиПК);
- оперативно-розыскная деятельность подразделений ЭБиПК.

Услуги охраны в России предоставляют частные охранные предприятия в соответствии с Законом РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», подразделения вневедомственной охраны войск национальной гвардии в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», а также подразделения ведомственной охраны в соответствии с Федеральным законом от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране».

Как установлено, экономическая безопасность региона зависит от состояния экономической безопасности субъектов хозяйственной деятельности, входящих в состав данного региона. При этом надежная защита экономики любого субъекта хозяйственной деятельности возможна только при комплексном и системном подходе к ее организации, что обеспечивает *система экономической безопасности субъекта хозяйственной деятельности* (СЭБСХД) [21].

Концептуально разработаны основные направления построения СЭБСХД [22, с. 339–341], однако в указанной структуре не учтена важная и необходимая на сегодня

составная системы безопасности – *интегрированная система технической безопасности* (ИСТБ), состоящая из подсистем в зависимости от конкретной структуры субъекта хозяйственной деятельности. В данном случае одной из таких подсистем является подсистема охраны объектов с помощью *технических средств охраны* (ТСО).

Оснащение субъектов хозяйственной деятельности региона ТСО, на наш взгляд, должно отвечать ряду основных требований.

1. В системах безопасности должна проводиться единая техническая политика в области выбора, внедрения и технической эксплуатации ТСО.

2. Конкретная номенклатура ТСО определяется «Перечнем технических средств охраны, разрешенных к применению в регионе», который является основополагающим документом при проведении единой технической политики.

3. «Перечень технических средств охраны, разрешенных к применению в регионе» носит обязательный характер в рамках представленных в нем групп однородной продукции. Используемые технические средства охраны должны соответствовать модульному принципу построения.

4. Технические средства, относящиеся к другим группам однородной продукции, не включенным в Перечень, выбираются по усмотрению заказчика исходя из сопоставления решаемых задач с тактико-техническими характеристиками и стоимостными показателями.

5. Технические задания и проектная документация на оборудование объектов ТСО должны согласовываться со Службой безопасности субъекта хозяйственной деятельности и совмещаться с ИСТБ.

6. Выбор организаций (фирм) для проведения монтажа ТСО и пусконаладочных работ на объектах должен осуществляться заказчиком на конкурсной основе. К конкурсу допускаются организации (фирмы), имеющие лицензии на проведение соответствующих работ.

7. Техническая эксплуатация ТСО должна производиться силами инженерно-технических специалистов службы безопасности субъекта хозяйственной деятельности. Допускается привлечение к этой работе специалистов частных охранных предприятий или вневедомственной охраны (на охраняемых ее силами объектах), а в случае, когда введение в штаты соответствующего специалиста экономически нецелесообразно – работников сторонних специализированных организаций на договорной основе.

8. Инженерно-технический персонал службы безопасности должен осуществлять технический надзор за проведением монтажных и пусконаладочных работ и участвовать в приемке систем ТСО в эксплуатацию.

Для повышения эффективности ТСО необходимо рассмотреть возможные перспективы развития систем охраны объектов. Таким направлением усовершенствования организации охраны является применение *интеллектуальных систем* (ИС).

Для охраны объектов наиболее перспективными направлениями могут быть ИС видеонаблюдения, информационно-справочного обеспечения и централизованной охраны объектов.

Функциональность всего объектного программного обеспечения ИС видеонаблюдения подразделяется на две большие группы: распознавание и классификация объектов видеонаблюдения, отслеживание пути объекта видеонаблюдения.

Развитие информационно-справочного обеспечения охранной деятельности связано с появлением *геоинформационных систем* (ГИС), предоставляющих информацию о пространственном размещении объектов с использованием карт или планов, что очень важно для своевременного противодействия преступным проявлениям против собственности.

К ИС охраны объектов можно отнести системы централизованной охраны, например «Орлан», «КРОНОС», «АИ-Грифон» и др., которые представляют комплекс технических средств и программного обеспечения для централизованного наблюдения за состоянием устройств охранной и пожарной сигнализации с использованием сотовой сети GSM-900/1800 и проводной линии АТС.

Современные условия, новая социальная, экономическая и институциональная среда, в которой осуществляют свою деятельность оперативные подразделения ЭБиПК, значительно снизили эффективность традиционных методов информационно-аналитической работы и ОРД. Поэтому возникла необходимость поиска новых путей их совершенствования. Многообразие субъектов хозяйствования, упрощенный формат регистрации физических и юридических лиц, трудно контролируемые коммуникации граждан и организаций, экономическая свобода значительно осложнили получение целевой оперативно-розыскной информации. Перспективным направлением в информационно-аналитической работе и ОРД могут быть информационные ресурсы сети Интернет (интернет-каталоги, поисковые системы, онлайн-овые полнотекстовые базы данных, доски объявлений, форумы, чаты, блоги, социальные сети и т.д.), которые необходимо использовать для получения оперативно значимой информации и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В совершенствовании ОРД для противодействия экономическим преступлениям перспективным видится также использование ИС. Примером может служить *Система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий* (СОРМ) и ее новейший вариант СОРМ-3, который обеспечивает объединение СОРМ-1 (слежение за аналоговой связью, телефонными переговорами), СОРМ-2 (прослушивание мобильной связи и контроль Интернета) и дополнительно контролирует часть VPN серверов, прослушивает в прямом эфире Skype, ICQ, спутниковую связь и ряд других нововведений. Но ключевым фактором является

то, что СОПМ 3 – это единая глобальная база данных, которая взаимосвязана с различными направлениями СОПМ [23].

Таким образом, для повышения экономической безопасности Донецкой Народной Республики и других регионов РФ необходимо: расширять сеть МФЦ и перечень оказываемых услуг, открывать МФЦ для предоставления услуг физическим лицам; оборудовать субъекты хозяйственной деятельности ТСО, соответствующие указанным выше требованиям, и внедрять в их деятельность ИС видеонаблюдения, информационно-справочного обеспечения и централизованной охраны объектов; в информационно-аналитической работе региональных оперативных подразделений ЭБиПК использовать информационные интернет-ресурсы, в оперативной работе – возможности Системы технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий.

Список источников

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 5-ФКЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 15 мая 2017 г. № 208. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/
3. Формирование эффективной системы экономической безопасности регионов России с участием органов внутренних дел: учеб. пособие / Ю. Г. Наумов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2021. 188 с.
4. Акбердина В. В., Смирнова О. П. Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 8. С. 1506–1517. DOI: 10.24891/re.16.8.1506
5. Архипова Л. С. Аналитические аспекты оценки экономической безопасности регионов в контексте устойчивого развития // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 699–718. DOI: 10.18334/eo.10.3.110748
6. Беликова С. В., Назарова А. И. Обеспечение экономической безопасности региона: сущность, механизмы и инструменты управления // Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 21 декабря 2022 г. Чебоксары: Среда, 2022. С. 49–52.
7. Вик С. В., Скотников Д. А. Теоретические подходы к комплексному анализу состояния экономической безопасности субъекта РФ на примере Кемеровской области // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. С. 69–71.

8. Коновалов А. А. Обеспечение экономической безопасности региона // Ростовский научный журнал. 2017. № 4. С. 62–67.
9. Крамин Т. В., Шакирова А. А. Влияние преступности на экономическое развитие регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 2. С. 1202–1214. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1202-1214
10. Филипенко Т. В. Правовое обеспечение экономической безопасности субъектов хозяйствования ДНР // Актуальные проблемы юриспруденции: публич-но-правовые аспекты: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь: Институт «Таврическая академия» «КФУ им. В.И. Вернадского», 2023. С. 97–100.
11. Экономическая безопасность субъектов хозяйствования как институт хозяйственного права / Н. Л. Шелухин [и др.]. Донецк: Ноулидж (Донецкое отделение), 2013. 412 с.
12. Методический инструментарий диагностики рисков для благосостояния личности и территории проживания / А. А. Ку克林, М. С. Печеркина, А. Н. Тырсин, А. А. Сурина // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1030–1043.
13. Казиахмедов Г. М., Багмет А. М. Проблемы преступности в сфере экономики // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 5. С. 54–58.
14. Соболев Т. С. Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020. № 3 (34). С. 7–12.
15. Сергеева Н. В., Романова О. А. Формирование сети МФЦ: региональный аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 1. С. 111–119.
16. Бушуева Н. В., Герасимова Л. М. Социальная ответственность государства: зарубежный опыт, проблемы и перспективы // Потенциал роста современной экономики: возможности, риски, стратегии: материалы V международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 171–179.
17. Рязанов А. А., Меграбян Р. А. Отечественный опыт повышения качества государственных и муниципальных услуг, оказываемых населению через многофункциональные центры // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижневартовск, 2019. С. 621–623.
18. Этапы формирования и развития сети МФЦ / Н. В. Сергеева, Е. В. Рубцова, Н. П. Суптело, О. А. Романова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 1–2. С. 94–100.
19. Суптело Н. П. Многофункциональные центры как механизм оптимизации предоставления государственных и муниципальных услуг // Потенциал роста рос-

сийской экономики: возможности, риски, стратегии: материалы V международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 495–502.

20. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 года. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf

21. Гильфанов М. Т. Организационно-методический инструментарий оценки детерминантов и обеспечения экономической безопасности предприятия // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8. С. 19–27.

22. Доронин А. И. Бизнес-разведка. М.: Ось-89, 2003. 384 с.

23. Система оперативно-розыскных мероприятий. URL: <https://www.tadviser.ru/a/197747>

References

1. On the admission to the Russian Federation of the Donetsk People's Republic and the formation of a new entity within the Russian Federation – the Donetsk People's Republic: Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 5-FKZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (In Russ.).

2. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 15, 2017 No. 208. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (In Russ.).

3. Naumov Yu. G. et al. Formirovanie effektivnoi sistemy ekonomicheskoi bezopasnosti regionov Rossii s uchastiem organov vnutrennikh del [Formation of an effective system of economic security of the regions of Russia with the participation of internal affairs bodies: a textbook]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 188 p. (In Russ.).

4. Akberdina V. V., Smirnova O. P. Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: otsenka i perspektivy [Economic security of the region: assessment and prospects]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2018, vol. 16, no. 8, pp. 1506–1517. DOI: 10.24891/re.16.8.1506 (In Russ.).

5. Arkhipova L. S. Analiticheskie aspekty otsenki ekonomicheskoi bezopasnosti regionov v kontekste ustoichivogo razvitiya [Analytical aspects of assessing the economic security of regions in the context of sustainable development]. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 699–718. DOI:10.18334/eo.10.3.110748 (In Russ.).

6. Belikova S. V., Nazarova A. I. Obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti regiona: sushchnost', mekhanizmy i instrumenty upravleniya [Ensuring the economic security of the region: the essence, mechanisms and tools of management]. In: *Sotsial'noekonomicheskie protsessy sovremennogo obshchestva: teoriya i praktika* [Socio-economic processes of modern society: theory and practice: materials of All-Russ. scientific-practical. conf. (Cheboksary, 21 Dec. 2022)]. Cheboksary: Sreda Publ. House, 2022, pp. 49–52. (In Russ.).

7. Vik S. V., Skotnikov D. A. Teoreticheskie podkhody k kompleksnomu analizu sostoyaniya ekonomicheskoi bezopasnosti sub"ekta RF na primere Kemerovskoi oblasti

[Theoretical approaches to a comprehensive analysis of the state of economic security of a constituent entity of the Russian Federation on the example of the Kemerovo region]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2016, no. 5, pp. 69–71. (In Russ.).

8. Konovalov A. A. Obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti regiona [Ensuring the economic security of the region]. *Rostovskii nauchnyi zhurnal*, 2017, no. 4, pp. 62–67. (In Russ.).

9. Kramin T. V., Shakirova A. A. Vliyanie prestupnosti na ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii [Influence of crime on the economic development of Russian regions]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 1202–1214. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1202-1214 (In Russ.).

10. Filipenko T. V. Pravovoe obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti sub"ektov khozyaistvovaniya DNR [Legal support of the economic security of economic entities of the DPR]. In: *Aktual'nye problemy yurisprudentsii: publichno-pravovye aspekty* [Actual problems of jurisprudence: public law aspects": materials of the VIII All-Russian scientific-practical conf with international participation of the teaching staff, graduate students and students]. Simferopol: Institute "Tauride Academy" "KFU im. IN AND. Vernadsky", 2023, pp. 97–100. (In Russ.).

11. Shelukhin N. L. et al. Ekonomicheskaya bezopasnost' sub"ektov khozyaistvovaniya kak institut khozyaistvennogo prava [Economic security of business entities as an institution of economic law]. Donetsk: Noulidzh Publ. (Donetsk branch), 2013. 412 p. (In Russ.).

12. Kuklin A. A., Pecherikina M. S., Tyrsin A. N., Surina A. A. Metodicheskie instrumentarii diagnostiki riskov dlya blagosostoyaniya lichnosti i territorii prozhiva-niya [Methodological tools for diagnosing risks for the well-being of the individual and the territory of residence]. *Ekonomika regiona*, 2017, vol. 13, iss. 4, pp. 1030–1043. (In Russ.).

13. Kaziakhmedov G. M., Bagmet A. M. Problemy prestupnosti v sfere ekonomiki [Problems of crime in the economy]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2015, no. 5, pp. 54–58. (In Russ.).

14. Sobol T. S. Uroven' zhizni naseleniya Rossii: sovremennyyi vzglyad na de-istvitel'nost' [The standard of living of the population of Russia: a modern view of reality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*, 2020, no. 3 (34), pp. 7–12. (In Russ.).

15. Sergeeva N. V., Romanova O. A. Formirovanie seti MFTs: regional'nyi aspekt [Formation of the MFC network: regional aspect]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, no.1, pp. 111–119. (In Russ.).

16. Bushueva N. V., Gerasimova L. M. Sotsial'naya otvetstvennost' gosudarstva: za-rubezhnyi opyt, problemy i perspektivy [State Social Responsibility: Foreign Experience, Problems and Prospects]. In: *Potentsial rosta sovremennoi ekonomiki: vozmozhnosti, riski, strategii* [Growth potential of the modern economy: opportunities, risks, strategies: materials of the V International scientific and practical conf.]. Moscow, 2018, pp. 171–179. (In Russ.).

17. Ryazanov A. A., Megrabyan R. A. Otechestvennyi opyt povysheniya kachestva gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug, okazyvaemykh naseleniyu cherez mnogo-funktsional'nye tsentry [Domestic experience in improving the quality of state and municipal services provided to the population through multifunctional centers]. In: *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, science, education: problems and prospects: materials of the VII All-Russian scientific and practical conf. with international participation]. Nizhnevartovsk, 2019, pp. 621–623. (In Russ.).

18. Sergeeva N. V., Rubtsova E. V., Suptelo N. P., Romanova O. A. Etapy formirovaniya i razvitiya seti MFTs [Stages of formation and development of the MFC network]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2020, no. 1–2, pp. 94–100. (In Russ.).

19. Suptelo N. P. Mnogofunktsional'nye tsentry kak mekhanizm optimizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug [Multifunctional centers as a mechanism for optimizing the provision of public and municipal services]. In: *Potentsial rosta rossiiskoi ekonomiki: vozmozhnosti, riski, strategii* [Growth potential of the Russian economy: opportunities, risks, strategies: materials of the V international scientific and practical conf.]. Moscow, 2018, pp. 495–502. (In Russ.).

20. The state of crime in Russia for January – November 2022. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/-12/mvd_22_11_.pdf (In Russ.).

21. Gilfanov M. T. Organizatsionno-metodicheskii instrumentarii otsenki determinan-tov i obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya [Organizational and methodological tools for assessing the determinants and ensuring the economic security of an enterprise]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2013, no. 8, pp. 19–27. (In Russ.).

22. Doronin A. I. Biznes-razvedka [Business intelligence]. Moscow: Os'-89 Publ., 2003. 384 p. (In Russ.).

23. The system of operational-search activities. URL: <https://www.tadviser.ru/a/197747> (In Russ.).

Информация об авторе

И. Ф. Хараберюш – доктор юридических наук, профессор, ведущий специалист Института экономических исследований, г. Донецк, Россия

Information about the author

I. F. Kharaberiush – Doctor of Law, Professor, Leading Specialist of the Institute for Economic Research, Donetsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 31–46.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 31–46.

Научная статья

УДК 63-028.78(571.56):001.891:004.9

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/31-46>

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДАННЫХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Мария Борисовна Павлова

ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», г. Якутск, Россия,
mpavlova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-7787>

Аннотация. В последнее время резко возрос интерес к освоению природных ресурсов севере-восточной части России. Рост деятельности горнодобывающей отрасли в этом направлении обусловлен увеличением потребности в промышленном производстве в мире. Добывающие компании ежегодно вовлекают в свою деятельность все больше территорий исконных угодий коренных малочисленных народов, в результате происходит нарушение среды обитания биологических ресурсов, обеспечивающих развитие их традиционной хозяйственной деятельности.

Исследование направлено на изучение современного состояния объектов традиционного природопользования объединений коренных малочисленных народов в Республике Саха (Якутия) и их формализацию в виде пространственных данных.

В статье показан порядок организации исследований по составлению пространственных данных традиционного природопользования коренных народов Анабарского и Оленекского районов республики. Представлен обзор видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, проживающих на обследуемых территориях. Рассмотрены проблемы, с которыми столкнулись при сборе информации у родовых общин. Составлены пространственные данные по результатам обследования родовых общин коренных малочисленных народов по районам исследования. Научная новизна исследования в том, что впервые проведена работа по систематизации объектов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов на региональном уровне и уточнены факторы, влияющие на наполняемость тематической базы пространственных данных.

Ключевые слова: традиционная хозяйственная деятельность, традиционное природопользование Севера, родовые общины, пространственные данные, мониторинг, домашнее северное оленеводство, традиционное рыболовство, охотпромысел.

Для цитирования: Павлова М. Б. Технология создания пространственных данных в региональных информационных системах в целях устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 31–46.

Original article

TECHNOLOGY FOR CREATING SPATIAL DATA IN REGIONAL INFORMATION SYSTEMS FOR THE PURPOSES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

Maria Borisovna Pavlova

Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia,
mpavlova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-7787>

Abstract. There has recently been a sharp increase in the interest in the development of natural resources in the north-eastern part of Russia. Growth of the mining industry in this area is due to the increase in the need for industrial production in the world. Mining companies annually involve in their activities more and more territories of native lands of indigenous peoples, which leads to the violation of the habitat of biological resources that ensure the development of their traditional economic activities.

The article reveals the procedure for conducting research on the compilation of spatial data on the traditional nature management of the indigenous peoples of the Anabar and Olenek regions of the Republic of Sakha (Yakutia). An overview of the types of traditional economic activities of indigenous peoples living in the surveyed territories is presented. The problems encountered in the collection of information from tribal communities are considered. Spatial data based on the results of a survey of tribal communities of indigenous peoples in the study areas have been compiled.

Keywords: traditional economic activity, traditional nature management of the North, tribal communities, spatial data, monitoring, domestic reindeer husbandry, traditional fishing, hunting.

For citation: Pavlova M. B. Technology for creating spatial data in regional information systems for the purposes of sustainable development of the indigenous peoples of the North // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 31–46.

Введение

Традиционное природопользование является исторически сложившимся способом использования природных ресурсов исходя из принципа возобновляемости и устойчивого воспроизводства на долгосрочной основе. Такие виды хозяйственной деятельности коренных народов, населяющих Арктику, как северное домашнее оленеводство, охотничий промысел и рыболовство, составляют основу их жизнеобеспечения. Применение природных ресурсов в традиционных видах деятельности, а именно биологических ресурсов (растения, животные), является образом традиционного уклада жизни, источником дохода для дальнейшего существования, базой для защиты и сохранения языка, культуры малочисленных этносов.

Сегодня реализуются различные виды государственных программ и мер поддержки традиционных видов деятельности коренных малочисленных народов на федеральном и региональном уровнях [1; 2]. Согласно данным Всероссийской переписи населения (2010 г.), Республика Саха (Якутия) занимает второе место среди субъектов Российской Федерации по численности коренных малочисленных народов, или 15,5% от общего числа населения в стране. В республике проживает 39 936 граждан, относящих себя к числу коренных малочисленных народов: эвенки – 52,6% от общего числа коренных малочисленных народов, эвены – 37,7%, долганы – 4,8%, юкагиры – 3,2% и чукчи – 1,7%.

Республика Саха (Якутия) входит в Арктическую зону Российской Федерации в составе 13 арктических муниципальных районов, к числу которых относятся Анабарский и Оленекский национальные районы. Этнический состав коренных малочисленных народов этих районов представлен в основном эвенками и долганами [3].

В рамках государственного задания Академия наук Республики Саха (Якутия) реализует проект по исследованию традиционной хозяйственной деятельности обследуемых районов и формированию пространственных данных объектов по видам традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов республики. Цель исследования заключается в формировании базы пространственных данных традиционного природопользования коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия). Основная задача, которую решает проект, – это составление базы ГИС-данных по оценке состояния традиционной хозяйственной деятельности в районах промышленного освоения на территории региона. Практические результаты исследования станут базовыми элементами государственной информационно-аналитической платформы устойчивого развития коренных малочисленных народов данного региона [4; 5].

Методология исследования

В 2022 г. для исследования были выбраны два национальных района – Анабарский и Оленекский. Основанием для выбора районов обследования послужило веде-

ние северного домашнего оленеводства как главной отрасли сельского хозяйства и основы традиционного уклада жизни и занятости коренных народов Севера. По месторасположению оленьих пастбищ Анабарский район относится к тундровой природно-климатической зоне ведения оленеводства, а Оленекский район – к лесотундровой. Их организационно-экономические условия ведения домашнего оленеводства различаются [6].

В процессе решения задач исследования был проведен поиск и сбор информации с помощью взаимодополняющих кабинетных и полевых исследований.

Поиск информации о родовых общинах, осуществляющих деятельность в обследуемых районах, производился на основе зарегистрированной базы данных Академии наук РС(Я) «Родовые общины коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [7]. База данных структурирована по муниципальным образованиям и метаданным, которые включают наименование общины, организационно-правовую форму, адрес местонахождения, сведения об основном виде деятельности, руководителе организации, наличии поголовья оленей.

В администрации 6 национальных наслегов этих районов были направлены запросы о сборе и предоставлении информации по объектам видов традиционной хозяйственной деятельности, с местом отметки расположения производственных объектов на картах земельных угодий хозяйств. В список запрашиваемой информации были включены объекты домашнего оленеводства (пастбища, маршруты, стоянки, пункты корализации), промысловой охоты (избы, маршруты диких северных оленей), сбор дикорастущих ягод (ягодники), рыболовство (рыболовные участки). Отдельно направлялись запросы в структурные подразделения администрации муниципальных районов и учреждений в сфере культуры для сбора информации по священным местам коренных малочисленных народов Севера.

С мая по сентябрь 2022 г. были проведены полевые исследования на местах (выезды в районы обследования) по уточнению данных об объектах традиционного природопользования, сбору дополнительной информации о наличии и праве владения земельными участками объединений коренных малочисленных народов. Проведены анкетирование и экспертное интервью в целях выявления объектов, знаний и мнений, относящихся к священным местам коренных малочисленных народов Севера.

Полученная информация в виде карт-схем объектов традиционной хозяйственной деятельности обработана на геоинформационной системе ГИС «Панорама», предназначенной для сбора пространственных данных, ведения базы пространственных данных, создания и обновления цифровых карт и планов, создания информационных систем различного назначения. Используется векторный формат данных ESRI shape-файл [8; 9].

Результаты сформированы в виде данных о пространственных объектах родовых общин Анабарского, Оленекского районов и их наборах (слоях). Наборы пред-

ставлены в виде границ территорий или земельных участков, координатного описания объектов. Составлены также атрибутивные данные пространственных объектов (идентификатор, адрес, описание объекта) [10; 11].

Описание объектов традиционной хозяйственной деятельности

В Республике Саха (Якутия) традиционная хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов может осуществляться на территориях традиционного природопользования и за их пределами. Территории традиционного природопользования образованы на основании федерального закона № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Закона Республики Саха (Якутия) 370-З № 755-III «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» и Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 22 июня 2006 г. № 267 «Об утверждении Положения о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». На территориях традиционного природопользования расположены места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. В сельских поселениях зарегистрированы объединения коренных малочисленных народов, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность на местах [3; 12].

Анабарский район

Территория традиционного природопользования (ТТП) местного значения «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)» образована согласно решению очередного заседания улусного (районного) Совета депутатов МО «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)» № 44 от 19 марта 2015 г. Общая площадь ТТП составляет 2 839 934 га.

Рельеф территории равнинный, тундровый. Большая часть территории расположена на восточной окраине Северо-Сибирской низменности. На северо-востоке расположен кряж Прончишева средней высотой 100–200 м.

Главной водной артерией является р. Анабар и многочисленные озера. Истоки реки начинаются от слияния рек Большая и Малая Куонамки. Самым крупным озером можно считать оз. Улахан-Кюель длиной 10 км и шириной 5 км. Озеро через узкий перешеек соединяется с другим озером Саппыя, которое также имеет длину от 5 км и ширину до 4 км. Много мелких озер расположено по долинам рек Суолема, Анабар и Уэле.

Северная часть ТТП лежит в пределах арктического климатического пояса, характеризующегося низкими температурами зимой ($-32...-36^{\circ}\text{C}$) и прохладным и пасмурным летом ($+2...+8^{\circ}\text{C}$). Годовое количество осадков составляет 150–300 мм. В южной части ТТП преобладает субарктический климат, резко континентальный.

Растительность территории представлена арктическими и субарктическими тундрами, на юге встречаются притундровые редкостойные лиственничные леса. Фауну района составляют представители арктической и субарктической тундр. Среди млекопитающих характерны белый медведь, дикий северный олень, песец, копытный лемминг, а из птиц можно встретить гребенушку, черную казарку, бургомистра, пуночку, белую сову.

В Анабарском районе развиты традиционные виды природопользования коренных народов, такие как домашнее оленеводство, рыболовство (традиционное и промышленное) и охотничий промысел.

На территории ТТП расположены два места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера: *с. Саскылах (районный центр) Саскылахского национального (эвенкийского) наслега* и *с. Юрюнг-Хая Юрюнг-Хаинского национального (долганского) наслега* [3].

По данным 2020 г., численность постоянного населения Анабарского улуса составила 3653 чел. Ежегодный рост рождаемости и миграция положительно повлияли на рост населения: в 2020 г. он составил к 2016 г. 106,4%. В Анабарском улусе проживают более 27 национальностей. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., более 71,6% составляли представители коренных малочисленных народов, в том числе 42,4% – долганы, 22,7% – эвенки, 6,4% – эвены.

На сегодня в Анабарском районе действует 17 предприятий, занимающихся традиционными видами хозяйствования. Из них 4 предприятия и организации заняты в сельском хозяйстве: 9 – родовых общин, 4 – муниципальных унитарных предприятий.

Оленеводство

Численность оленей в Анабарском улусе составляет 12,1% к общему поголовью оленей республики. В оленеводческих бригадах работают 5 предприятий: МУОПП им. И. Спиридонова, МУП «Арктика», РО «Большой Бегичев», РО КМНС (Д) «Балыксыт», КРО КМНС (Д) «Сэдэмэ».

Среднегодовая численность работников, занятых в оленеводстве, составляет 105 чел., из них: бригады – 12 чел., зоовет-специалист – 1, чум-работники – 75 чел., оленеводы-пастухи – 17 чел.

Численность поголовья оленей на конец 2020 г. достигла 17 935 голов, в том числе в муниципальной собственности – 15 501 голов, родовых общинах –

2434 головы. Во время осенней корализации были проведены мероприятия по чипированию оленей, охват составил 4908 голов, а также проведены мероприятия по вакцинации оленей.

Таблица 1

Поголовье оленей в Анабарском улусе в 2016–2020 гг., гол.

Наименование организации	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
МУОПП им. Героя труда И. Спиридонова	10 006	11 233	12 124	12 124	13 481
РО «Большой Бегичев»	-	-	501	706	861
МУП «Арктика»	-	-	1 585	1 882	2 020
РО КМНС (Д) «Балыксыт»	-	-	-	933	1 035
КРО КМНС (Д) «Сэдэмэ»	-	-	366	445	538
Итого по району:	10 006	11 233	14 576	16 090	17 935

Источник: Оперативная информация Министерства сельского хозяйства РС(Я), 2020.

Динамика поголовья оленей Анабарского района показала, что за период с 2016 по 2020 г. отмечается их стабильная численность. Удельный вес маточного поголовья составляет 42,7%. В 2020 г. родилось тугутов 5119 голов, за пять лет рождаемость увеличилась на 9,6%.

Сохранность взрослого поголовья составляет 85,8%. Основными причинами убыли в оленеводческих стадах являются падеж – 59,3%, потери – 37,5% и травеж волками – 3%.

Охотпромысел

Площадь территории района составляет 5555,8 тыс. га, из них земли лесного фонда насчитывают 450,0 тыс. га, которые полностью представлены защитными лесами. По состоянию на 1 января 2021 г. площадь территорий охотничьих угодий составляет 4331,7 тыс. га (77,9%), в том числе площадь закрепленных охотничьих угодий за охотпользователями – 3807,5 тыс. га, (68,5%), площадь общедоступных охотничьих угодий – 524,2 тыс. га (9,4%).

Количество охотучастков 17, из них 14 закреплены за охотпользователями. Всего в Анабарском улусе зарегистрировано 676 охотников. По состоянию на 1 января 2021 г. на 47% охотничьих участков были проведены работы по внутрихозяйственному охотустройству.

Охотпользователи ведут экстенсивный метод ведения хозяйства, которое ограничено предоставлением путевок на любительскую охоту и заготовку пушного сырья.

Специфика охотничьего хозяйства в районе заключается в преобладании общин малочисленных народов Севера, также занятых на промысле дикого северного

олени. Охота на дикого северного оленя обеспечивает коренные народы питанием на зимний период и переходные сезоны в течение года.

Другими видами промысловых животных являются песец, горностай, соболь. Местные жители охотятся в основном на гусей и уток, реже на куропаток и глухарей. Одним из актуальных вопросов охотничьего и сельского хозяйств в районе является проблема высокой численности хищников. Напряженность с хищниками выходит в ряд главных факторов, лимитирующих численность основных объектов охоты. С 2016 по 2020 г. травеж домашних оленей хищниками составил 558 голов., за этот период хозяйствами был произведен отстрел 42 волков.

Рыболовство

Рыболовные участки на территории района: промышленное рыболовство – 48, традиционное в целях осуществления традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера – 14. В промышленном и традиционном рыболовстве заняты 6 объединений коренных малочисленных народов Севера (РО КМНС-Д «Уэле», ИП Большаков Ю.Н., СП КРО «Берелех», ПК РКО «Арылаах», ПК КРО «Улахан-Кюель», МУП «Терпий»).

Общий объем квоты на Анабарский район составляет 94,154 т, из них: промышленное рыболовство (виды рыб, включаемые и не включаемые в общий допустимый улов) – 80,339 т, омуль арктический, распределяемый специальной Комиссией по регулированию добычи (вылова) анадромных видов рыб – 9,93 т, в том числе традиционное рыболовство – 3,885 т.

Фактический вылов в бассейне Анабара за последние 10 лет составляет в среднем 45,349 т, при максимальном значении 89,875 т. Основными промысловыми видами рыб в Анабарском районе являются чир, сиг-пыжьян, муксун и пелядь. Небольшой объем вылова рыб связан с недостаточной изученностью запасов и малой численностью заготовителей рыб. Рыбный промысел осуществляется для реализации и собственного потребления, он является серьезным подспорьем для коренных малочисленных народов Севера, занятых на промысловой охоте.

По результатам экспертного интервью руководителей хозяйств, в некоторых участках тундровой зоны наблюдаются перевыпас оленьих пастбищ (о. Большой Бегичев), наличие объектов накопленного вреда окружающей среде в виде остатков конструкций буровых установок, отсутствие промышленных квот при наличии рыболовных участков, проблемы коммуникационного взаимодействия по вопросам оленьих пастбищ.

Таким образом, традиционное природопользование долган и тундровых эвенков в Анабарском районе представлено более развитым северным домашним оленеводством, промышленным рыболовством и промыслом на диких северных оленей.

Оленекский район

Территория традиционного природопользования местного значения «Оленекский эвенкийский национальный район» образована согласно решению очередного заседания улусного (районного) Собрания (Сугулаан) МО «Оленекский улус (район)» № IV-5 от 5 июня 2003 г. Общая площадь территории составляет 26 310 466 га.

Большая часть территории расположена на Среднесибирском плоскогорье. Южная часть располагается на Вилуйском плато высотой от 700 до 900 м над уровнем моря. Центральная часть к югу относится к Северо-Сибирской низменности, которая расположена между приустьевыми отрезками рек Оленек и Енисей. С северо-западной стороны территории простирается Анабарское плато высотой до 900 м. Ландшафт характеризуется как равнинный.

Главная водная артерия района – р. Оленёк протяженностью 2292 км, площадь бассейна 220 тыс. кв. км. В речную сеть района входят малые реки: Арга-Сала, Большая и Малая Куонамки, Силигир, Марха, Муна, Биректе, Уджа и др.

Климат территории резко континентальный. Зима холодная, продолжительная, регулярны критические температуры до -50°C . Тёплый сезон длится с мая по сентябрь, а лето приходит в июле. В почвах распространена вечная мерзлота.

Растительность Оленекского района относится к лесотундровой зоне. Лиственничные леса занимают около 20% территории. Небольшие участки еловых лесов встречаются вдоль русел крупных рек. В редколесьях помимо мхов и лишайников хорошо развит кустарничковый ярус (ивы, березы, арктоус, багульник, шикша, голубика, толокнянка и др.). Промысловое значение имеют соболь, лось и дикий северный олень, регулярно мигрирующий из тундровой зоны в лесную.

На территории традиционного природопользования расположены четыре места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера: *с. Жилинда Жилиндинского национального наслега, с. Харыялах Кирбейского национального наслега, с. Оленек (районный центр) Оленекского национального наслега и с. Эйик Шологонского национального наслега* [3].

По данным 2020 г., численность постоянного населения Оленекского района была 4247 чел. Прирост населения в 2020 г. к 2016 г. составил 6,6%, что связано с демографическим ростом и положительной внутрирегиональной миграцией [13; 14].

По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Оленекском улусе проживали 76,0% граждан, относящихся к коренным малочисленным народам, из них 22,7% представляли эвенки – 3117 чел. (75,5% от общей численности населения) и эвены – 20 чел. (0,5%).

Оленеводство

В Оленекском районе оленеводством занимаются два муниципальных унитарных предприятия – «Жилиндинский» и «Оленекский». В 2020 г. общее поголовье домашних оленей в районе составило 6095 голов. Динамика поголовья оле-

ней с 2016 по 2020 г. показывает в среднем ежегодный рост 9,2%. Удельный вес маточного поголовья составляет 42% от общего, родилось тугутов 1693 голов в 2020 г.

Сохранность взрослого поголовья составляет 87,4%, Основными причинами потерь являются травеж хищниками – 379 голов, падеж при болезни и угон дикими оленями.

Таблица 2

Поголовье оленей в Оленекском районе в 2016–2020 гг., гол.

Наименование организации	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
МУП «Жилиндинский»	888	1 061	1 305	1 529	1 737
МУП «Оленекский»	3 299	3 580	3 561	3 608	4 358
Итого по району:	4 187	4 641	4 866	5 137	6 095

Источник: Оперативная информация Министерства сельского хозяйства РС(Я), 2020.

Среднегодовая численность работников – 72 чел., в том числе работников оленеводства – 68 чел. На начало 2020 г. среднемесячная заработная плата оленеводов составила 38 422 руб. Выплаты заработной платы работникам оленеводческих хозяйств осуществляются по субсидии на одну голову оленя [14].

Охотпромысел

Общая площадь территорий охотничьих угодий составляет 17 350 тыс. га, в том числе площадь закрепленных охотничьих угодий — 11 816,2 тыс. га (68,1% от общего числа охотугодий), общедоступные охотничьи угодья – 5533,8 тыс. га (31,8%). Всего охотпользователей в районе насчитывается 30 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрировано 918 охотников.

В 2020 г. общая площадь охотугодий, закрепленных за коренными малочисленными народами и их объединениями, составила 10 015,7 тыс. га, более 84%.

Наибольшие территории заняты МУП «Жилиндинский» общей площадью 5095,7 тыс. га, ПК КРО МНС «Кирбэй» – 885,0 тыс. га, МУП «Оленекский» – 821,0 тыс. га. Муниципальные предприятия используют охотничьи угодья для кочевья стад с оленеводческими бригадами. По состоянию на 1 января 2021 г., только в 15% охотничьих участков были проведены работы по внутрихозяйственному охотустройству.

В районе основными промысловыми животными являются дикий северный олень, лось и соболь. Добыча копытных животных производится для собственного потребления и реализации местному населению. Район является ареалом обитания бурого медведя, волка, песца, лисы и росوماхи, белки, зайца, ондатры. В 2020 г. выдано коренным малочисленным народам разрешений на отстрел диких северных оленей в размере 3960 ед., лося – 3 ед. и соболя – 241 ед.

Одним из сложных вопросов является причинение урона сельскому хозяйству при травеже оленьих стад хищниками.

Рыболовство

Важной водной артерией является река Оленек. Общая протяженность водотока равна 2292 км, площадь бассейна – 220 тыс. кв. км, Исток реки начинается с горы Янгкан и впадает в Оленекский залив моря Лаптевых, образуя дельту площадью 475 км. В речную сеть входят такие реки, как Арга-Сала, Улахан-Куонапка, Кыра Куонапка, Силигир, Марха, Муна, Бириктэ, Уджа и др. В Оленекском районе имеется крупное озеро Эйик.

На территории Оленекского района имеются 3 рыболовных участка для промышленного рыболовства: ПСХК (РО) «Тааннаах», МУП «Жилиндинский», ИП Иванов А. К. [14].

Ихтиофауна района располагает следующими видами рыб: речные (таймень, ленок, тугун, голянь), озерно-речные (сиг, хариус, щука, налим, пелядь и окунь), озерные (карась, озерный голянь).

Квоты добычи водных биологических ресурсов распределены для осуществления промышленного рыболовства на виды рыб, общий допустимый улов которых не устанавливается (карась, щука, налим, елец, плотва, окунь и т.д.) в объеме 0,5 т. Распределено водных биологических ресурсов в целях ведения традиционного образа жизни КМНС в размере 9,8 т.

Таким образом, традиционное природопользование эвенков в Оленекском районе представлено развитым северным домашним оленеводством, традиционным рыболовством, промыслом на диких копытных животных и пушной добычей. Огромное влияние на специфику видов традиционной хозяйственной деятельности в обследуемом районе имеет перечень ресурсов, доступных для лесотундровой природно-климатической зоны. Специфика видов традиционной хозяйственной деятельности в большей степени зависит от биологических ресурсов, характерных для тундровой природно-климатической зоны.

Результаты

Сведения, собранные по результатам исследования, преобразованы в пространственные данные в универсальной форме согласно утвержденным национальным стандартам [8; 9]. Полученные сведения сформированы в пространственные данные в виде слоев с атрибутивными таблицами [15]: «Территории традиционного природопользования», «Оленьи пастбища», «Стойбища», «Охотничьи угодья», «Избы», «Рыболовные участки», «Сбор дикоросов» [7; 16–18].

Предоставили сведения 9 хозяйств Анабарского района, из них 2 муниципальных унитарных предприятия, 5 родовых общин и 2 индивидуальных предпринимателя, относящиеся к коренным малочисленным народам. В Оленекском улусе сведения

об объектах были получены у 5 хозяйств, из них 1 муниципальное унитарное предприятие и 4 родовые общины.

Таблица 3

**Созданные пространственные данные объектов
традиционного природопользования по районам обследования, ед.**

Районы	Анабарский	Оленекский
Количество хозяйств	9	5
Охотучастки	16	32
Охотничьи избы	9	12
Маршруты диких северных оленей	6	4
Оленьи пастбища	5	2
Стойбище	8	-
Кораль	5	-
Рыболовные участки	41	7
Места для рыбалки	11	5
Участки сбора дикоросов	4	4

Заключение

Создание пространственных данных традиционного природопользования является этапом формирования базовой части модуля «Мониторинг традиционного природопользования коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия)». Информация о горных участках и промышленных объектах дает наглядное представление о степени их влияния на традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов в местах промышленного освоения.

В рамках проекта создания региональной системы мониторинга традиционного природопользования коренных малочисленных народов исследователями Академия наук РС(Я) проводятся научно-методическое обоснование и сбор информации в пилотных районах. Исследования 2022 г. являются продолжением работы, начатой в 2019 г. Планируется передача собранной информации в Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера РС(Я) для дальнейшего развития данного проекта, а именно – технико-технологического решения и внедрения в информационные системы государственного управления в регионе.

Реализация проекта позволит сформировать массив данных для принятия управленческих решений в сфере развития северного домашнего оленеводства, сохранения традиционных промыслов и национальной культуры.

Работа выполнена в ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия) в рамках государственного задания Республики Саха (Якутия) 2.2 «Оценка состояния и тенденции социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в условиях промышленного освоения территории Республики Саха (Якутия)».

Список источников

1. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/
2. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/
3. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 08 мая 2009 г. № 631-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902156317>.
4. Бакланов П. Я., Ермошин В. В., Краснопеев С. М. Региональные геоинформационные системы в природопользовании на Дальнем Востоке // Открытое образование. 2010. № 5. С. 12–23.
5. Сабанчиева Д. Х. Экономический мониторинг в системе управления предприятиями в сфере природопользования // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2011. № 20. С. 202–206.
6. Марова А. А. Адаптивные механизмы мониторинга земель сельскохозяйственного назначения: автореф. дис. ... канд. тех. наук: специальность 25.00.26 «Землеустройство, кадастр и мониторинг земель». М., 2013. 24 с.
7. БД родовых общин КМНС. 2019. ГБУ «Академия наук РС (Я)». URL: <https://asrsya.ru/>. Локальный доступ из сети Академии наук Республики Саха (Якутия).
8. ГОСТ Р 52155-2003 Географические информационные системы федеральные, региональные, муниципальные. Общие технические требования. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200034761>
9. ГОСТ Р 52438-2005 Географические информационные системы. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200044680>
10. Карпик А. П. Методологические и технологические основы геоинформационного обеспечения территорий: монография. Новосибирск: СГГА, 2004. 259 с.
11. Пахахинова З. З., Бешенцев А. Н., Гармаев Е. Ж. Создание ГИС-мониторинга природопользования бассейна озера Байкал // Оптика атмосферы и океана. 2018. Т. 31, № 8. С. 647–651. DOI: 10.15372/AOO20180808
12. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон от 07 мая 2001 г. № 49-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/

13. Стратегия социально-экономического развития муниципального района «Оленекский эвенкийский национальный район» Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года. URL: <https://mr-olenekskij.sakha.gov.ru>
14. Стратегия социально-экономического развития муниципального района «Оленекский эвенкийский национальный район» Республики Саха (Якутия) на период до 2032 года. URL: <https://mr-olenekskij.sakha.gov.ru>
15. Бешенцев А. Н. Картографический мониторинг природопользования: информационная концепция / отв. ред. Е. Ж. Гармаев. Новосибирск: Гео, 2018. 188 с. DOI: 10.21782/B978-5-6041445-6-5
16. БД мамонтовой фауны. 2020. ГБУ «Академия наук РС (Я)». URL: <https://asrsya.ru/> Локальный доступ из сети Академии наук Республики Саха (Якутия).
17. БД недропользователей. 2019. ГБУ «Академия наук РС (Я)». Локальный доступ из сети Академии наук Республики Саха (Якутия). URL: <https://asrsya.ru/>
18. Якутская АССР. Атлас. Атлас сельского хозяйства Якутской АССР / Гос. агропром. ком. Якут. АССР, Гос. ком. РСФСР по нар. образованию, Якут. гос. ун-т; [редкол.: И. А. Матвеев, к.э.н. и др.]. М.: ГУГК, 1989. 1 атл. (115 с.).

References

1. On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation: Federal Law No. 82-FZ dated April 30, 1999. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (In Russ.).
2. On the general principles of organizing communities of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Federal Law of July 20, 2000 No. 104-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/ (In Russ.).
3. On approval of the list of places of traditional residence and traditional economic activities of the indigenous peoples of the Russian Federation and the list of types of traditional economic activities of the indigenous peoples of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 08.05.2009 No. 631-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902156317> (In Russ.).
4. Baklanov P. Ya., Ermoshin V. V., Krasnopeev S. M. Regional'nye geoinformatsionnye sistemy v prirodopol'zovanii na Dal'nem Vostoke [Regional geoinformation systems in nature management in the Far East]. *Otkrytoe obrazovanie*, 2010, no. 5, pp. 12–23. (In Russ.).
5. Sabanchieva D. Kh. Ekonomicheskii monitoring v sisteme upravleniya predpriyatiyami v sfere prirodopol'zovaniya [Economic monitoring in the management system of enterprises in the field of environmental management]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta*, 2011, no. 20, pp. 202–206. (In Russ.).

6. Marova A. A. *Adaptivnye mekhanizmy monitoringa zemel' sel'skokhozyaistvennogo naznacheniya* [Adaptive mechanisms for monitoring agricultural land]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsis. Specialty 25.00.26 «Land management, cadastre and land monitoring». Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.).
7. Database of tribal communities of indigenous peoples. 2019. GBU «Academy of Sciences of the RS (Y)». URL: <https://asrsya.ru/> Local access from the network of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). (In Russ.).
8. GOST R 52155-2003 Geographical information systems federal, regional, municipal. General technical requirements. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200034761> (In Russ.).
9. GOST R 52438-2005 Geographic Information Systems. Terms and Definitions. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200044680> (In Russ.).
10. Karpik A. P. *Metodologicheskie i tekhnologicheskie osnovy geoinformatsionnogo obespecheniya territorii: monografiya* [Methodological and technological foundations of geoinformation support for territories: monograph]. Novosibirsk: SGA Publ., 2004. 259 p. (In Russ.).
11. Pakhakhinova Z. Z., Beshentsev A. N., Garmaev E. Zh. *Cozdanie GIS-monitoringa prirodopol'zovaniya basseina ozera Baikal* [Creation of GIS-monitoring of environmental management in the Baikal basin]. *Optika atmosfery i okeana*, 2018, vol. 31, no. 8, pp. 647–651. DOI: 10.15372/AOO20180808 (In Russ.).
12. On the territories of traditional nature management of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Federal Law of 07.05.2001 No. 49-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/ (In Russ.).
13. Strategy for the socio-economic development of the municipal district «Oleneksky Evenki National District» of the Republic of Sakha (Yakutia) for the period up to 2035. URL: <https://mr-olenekskij.sakha.gov.ru> (In Russ.).
14. Strategy for the socio-economic development of the municipal district «Oleneksky Evenki National District» of the Republic of Sakha (Yakutia) for the period up to 2032. URL: <https://mr-olenekskij.sakha.gov.ru> (In Russ.).
15. Beshentsev A. N. *Kartograficheskii monitoring prirodopol'zovaniya: informatsionnaya kontseptsiya* [Cartographic monitoring of environmental management: information concept]. Novosibirsk: Geo Publ., 2018. 188 p. DOI: 10.21782/B978-5-6041445-6-5 (In Russ.).
16. Database of mammoth fauna. 2020. GBU «Academy of Sciences of the RS (Y)». URL: <https://asrsya.ru/> Local access from the network of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). (In Russ.).
17. Database of subsoil users. 2019. GBU «Academy of Sciences of the RS (Y)». URL: <https://asrsya.ru/> Local access from the network of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). (In Russ.).

18. Matveev I. A. et al. (eds.). Yakut ASSR. Atlas. Atlas of agriculture of the Yakut ASSR. State. agroindustrial com. Yakut. ASSR, State. com. RSFSR according to Nar. education, Yakut. state un-t. Moscow: Main Directorate of Geodesy and Cartography Publ., 1989. 1 atl. (115 p.). (In Russ.).

Информация об авторах

М. Б. Павлова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических наук ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», г. Якутск, Россия.

Information about the authors

M. B. Pavlova – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Department of Ethno-social and Ethno-economic Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 47–59.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 47–59.

Научная статья

УДК 339.92:332.146.2(510-04)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/47-59>

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КИТАЯ

Ольга Евгеньевна Доленина¹, Анна Сергеевна Подкладова²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹dolenina@mail.ru,

²anna.podkladova01@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена активизацией процессов глобализации и международной интеграции, которые довольно сильно влияют на курсы экономики, прокладываемые правительствами для развития своих стран. Расширение области своего влияния ставит перед государствами необходимость приграничного и трансграничного сотрудничества, поддержания международного сотрудничества соседствующих стран. Цель исследования – выявление наиболее результативных направлений и форм сотрудничества между Китаем–Вьетнамом и Китаем–Казахстаном, изучение влияния реализации трансграничного сотрудничества стран на данные территории, а также перспектив развития подобных отношений между странами.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, транспортно-логистическая система, трансграничный район, экономическое развитие, СЭЗ.

Для цитирования: Доленина О. Е., Подкладова А. С. Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития регионов Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 47–59.

CROSS-BORDER COOPERATION AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHINA REGIONS

Olga Evgenievna Dolenina¹, Anna Sergeevna Podkladova²

^{1, 2}St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

¹dolenina@mail.ru

²anna.podkladova01@gmail.com

Abstract. The relevance of this study is due to the intensification of the processes of globalization and international integration, which quite strongly influence the courses of economy laid by governments for the development of their countries. Expansion of its area of influence puts before the states the need for border and cross-border cooperation, maintaining international cooperation between neighboring countries. The purpose of this study is to identify the most effective areas and forms of cooperation between China - Vietnam and China – Kazakhstan, to study the impact of the implementation of cross-border cooperation between countries on these territories, as well as the prospects for the development of such relationships between countries.

Keywords: economic cooperation, transport and logistics system, cross-border area, economic development, SEZ.

For citation: Dolenina O. E., Podkladova A. S. Cross-border cooperation as a factor of economic development of China regions // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 47–59.

Возрастающая роль Китая в мире, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, влияние Китая на государства Центральной Азии заставляют страны задуматься о партнерских отношениях с ним. Особенно актуально это для стран, имеющих непосредственную границу с КНР, что позволило бы направить совместные усилия на социально-экономическое развитие трансграничных территорий.

Мощнейшее поступательное развитие КНР привело к диспропорциям внутреннего экономического развития. Условно «периферийные» провинции отстают от «локомотивов» с приморским географическим положением. Отдаленность территорий от основных экономических центров усложняет планирование их развития путём налаживания отношений между внутренними регионами страны. Поэтому отношения с провинциями страны, с которой имеются общие границы, значительно упрощает пути развития данных территорий. Результатом региональной политики Китая стали, в частности, проекты по развитию трансграничных территорий страны.

Наиболее активно данная политика проводится в провинциях на границах с Вьетнамом и Казахстаном. Активное развитие Китайской Народной Республики и Вьетнама, а также расширение областей их взаимоотношений в торговле, туризме, энергетическом сотрудничестве и многих других сферах закономерно привело к формированию трансграничного района. А довольно протяженная граница с Казахстаном и высокая численность казахов в пограничных провинциях КНР обусловили необходимость проработки проекта по развитию приграничного сотрудничества, тем более при том, что КНР – один из главных экономических партнеров Казахстана (второе место после РФ).

Китай также является наиболее крупным торговым партнёром Вьетнама. Менее чем за 20 лет товарооборот между Китайской Народной Республикой и Вьетнамом увеличился в несколько тысяч раз. Кроме того, Китай активно инвестирует экономику Вьетнама, в основном разработку различных месторождений полезных ископаемых и строительство аграрных секторов [1].

Во многих аспектах сотрудничество между Китаем и Вьетнамом происходит на базе международной ассоциации стран – АСЕАН. Сотрудничество с Китаем в рамках международной торговли позволило Вьетнаму экспортировать созданные непромышленные товары, продукцию агропромышленного комплекса, а для КНР появилась возможность создания новых предприятий на территории соседа. После присоединения Вьетнама к САФТА в 2015 г. торговля между СРВ и КНР была освобождена от жесткого контроля и постоянного государственного регулирования, а тарифы на большинство импортных и экспортных товаров снижены до нуля.

С тех пор, как Китай и Вьетнам в 1991 г. возобновили отношения между собой, были восстановлены и приграничные рынки в городах, селах и других местах. На данный момент на границе между двумя странами насчитывается около 200 больших и малых торговых точек. Рынки в большинстве случаев сконцентрированы в провинциях Хазянг, Каобанг и немногим меньше – в провинции Диенбиен [2].

Наиболее богатой минерально-ресурсной базой обладает северо-восточная пограничная зона. Данный фактор делает эти районы довольно привлекательными для иностранных инвестиций, так как обеспеченность ресурсами позволяет создавать на их территориях различные предприятия горнодобывающей промышленности: по добыче и обогащению железной руды, меди, свинца, цинка, олова, а также производству древесного угля и соли.

Из-за географической близости провинций Вьетнама и Гуанси-Чжуанского автономного района отраслевой состав промышленности и природных ресурсов во многом идентичен, что имеет негативный эффект в развитии приграничной торговли ввиду отсутствия необходимости покупки ресурсов или продуктов производства. Однако преимущество Гуанси-Чжуанского автономного района заключается в производстве трудоёмких товаров – текстильная промышленность и машиностроение,

а продукция Вьетнама демонстрирует конкурентоспособность в своей ресурсоёмкости – сельское хозяйство и резиновые изделия. Основные предметы, которые экспортируются из провинций Вьетнама в Гуанси: минеральные ресурсы (уголь), сельскохозяйственная продукция (зерно и фрукты), а также каучук и древесина. В основном это первичные необработанные продукты, которые имеют невысокую стоимость.

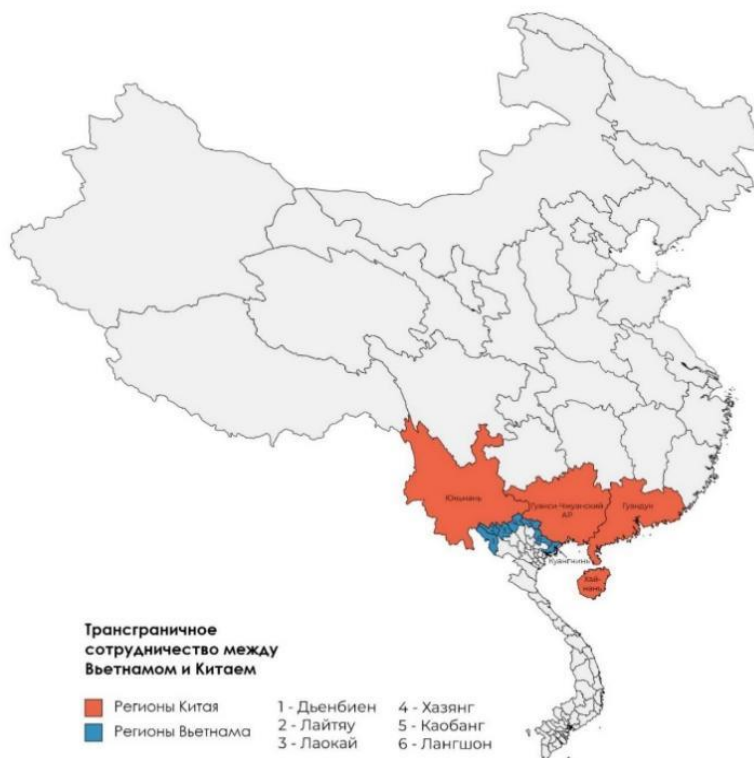

Рис. 1. Приграничные регионы Китая и Вьетнама, в которых реализуются программы сотрудничества

Fig. 1. Border regions of China and Vietnam, where cooperation programs are being implemented

В то же время из Гуанси во Вьетнам экспортируются машины и различное оборудование, ткани, одежда и многое другое. Взаимодополняемость потребностей регионов Китая и Вьетнама обеспечивается ведением активных приграничных торговых отношений. Однако то, что импорт Вьетнама в основном составляет готовая продукция, а экспорт – необработанная, показывает зависимость провинций Вьетнама от китайского импорта, что оказывает негативное влияние на развитие регионов, поскольку экспортируемая продукция имеет более низкую стоимость в отличие от импортируемой.

Довольно успешное трансграничное сотрудничество между Вьетнамом и Китаем наблюдается как в регионах Китая – в провинции Юньнань и Гуанси-Чжуанском автономном районе, так и во вьетнамских провинциях – Лао Кай, Куанг Нинь. Наибольшая доля в приграничной торговле между Китаем и Вьетнамом приходится на три северные провинции Вьетнама: Лао Кай, Ланг Сон и Куанг Нинь.

Провинция Куанг Нинь – один из ключевых экономических регионов в северной части Вьетнама, что обусловлено ее прибрежным расположением и близостью к КНР. Провинция стала одним из трёх регионов с самыми быстро развивающимися населёнными пунктами, что во многом способствует и тому, что в этой провинции создаются различные китайские предприятия. Например, TCL Technology и Foxconn, которые специализируются на производстве электронных компонентов и техники, расположены в промышленном парке Донг Май – г. Куанг Йен.

Вьетнам активно поддерживает развитие приграничной торговли, особенно экономических зон, которые являются «пограничными воротами» (Дунсин – Монг Кай). Предприятия на данных территориях получают ставку подоходного дохода в размере 10% в течение 15 лет, а в первые четыре года и вовсе освобождаются от него. Для физических лиц подоходный налог также может быть снижен практически на 50% [3].

Общая площадь территории трансграничного города Дунсин – Монг Кай составляет около 24 кв. км, из которых большая часть (около 13,5 кв. км) принадлежит Вьетнаму. В 2021 г. товарооборот данного региона составил 5,02 млрд долларов США, при среднегодовом росте в 12,4%. Общий вклад инвестиций в экономическую зону достиг почти 300 млн долларов США.

В городе постепенно упрощаются и ускоряются процедуры, связанные с таможенным контролем. В 2018 г. система таможенного контроля была модернизирована, что значительно сократило время досмотра туристов, которые проходят границу между Китаем и Вьетнамом. Время досмотра человека было уменьшено с 40 до 6 секунд. В связи с модернизацией в 2021 г. через контроль прошло около 15 млн человек туристов и приграничных торговцев.

Однако, несмотря на улучшение условий досмотра людей, проверка грузов остается не лучшего качества, так как не был введен режим «единого окна» между Китаем и Вьетнамом, что значительно замедляет работу. Кроме того, на «воротах» присутствует нехватка как людей, так и места для грузов, а документы для оформления сложны и затратны по времени. Экономическая база, на которую опирается развитие пограничных ворот, все ещё довольно слабая [4]. Можно отметить и тот факт, что в зоне трансграничного сотрудничества не была сформирована новая система налогообложения, что стало финансовым бременем для органов местной власти.

Трансграничные экономические зоны позволяют государствам помимо производственных отношений развивать ещё и туристические. Относительно туристической сферы проводится специальная политика, которая помогает ее развитию, смягчая правила пересечения границ, ведения торговли и многого другого. Страны стремятся к тому, чтобы приграничные территории стали более развитыми и урбанизированными.

В результате реализации программ по сотрудничеству в туристической сфере наиболее благоприятной зоной стала провинция Вьетнама – Куанг Нинь и трансграничная зона – Монг Кай – Дунсин. Эти территории имеют как сухопутную, так и морскую границу, что позволяет легче перемещаться между ними, в связи с чем провинция имеет довольно привлекательные условия для более активного развития трансграничного туризма с китайской провинцией Гуанси. С 2013 г. Китаем было введено разрешение на согласование пересечения границы стран прямо в городе Дунсин, что упростило процедуру обмена тургруппами между государствами. Также стороны продолжают развивать сотрудничество в сфере развития трансграничного туризма с районом Фанчэн и городом Дунсин. Правительством Монг Кай и города Дунсин было заключено соглашение, касающееся сферы туризма и туристического курорта Цзяншань, который расположен на полуострове Фанчэнган. Страны с каждым годом наращивают сотрудничество в области управления трансграничным туризмом, а также организуют различные мероприятия для привлечения туристов на данные территории. Каждый год на территории трансграничной зоны Монг Кай–Дунсин организуются торговые и туристические ярмарки, активно поддерживаются туристические перемещения через границы, упрощаются условия для пересечения границы на автомобиле.

Между тем в развитии трансграничного туризма имеются проблемы, так как обе стороны не вкладывают должных усилий в расширение разнообразия туристических направлений. Страны в основном делают упор на развитие уже созданных мероприятий, не пытаясь охватить новые сферы и не решая некоторые имеющиеся проблемы. В этой сфере отмечается определенный дисбаланс, поскольку у вьетнамской стороны нет стратегии по развитию туризма в приграничной зоне с Китаем, в то время как китайская сторона развивает свои территории довольно быстрыми темпами. Кроме того, отсутствует единая правовая система на трансграничных территориях, что усложняет контроль над ними. Помимо всего прочего, на развитие отношений также влияют и исторические факторы, а именно имевшие место в прошлом китайско-вьетнамские войны [5].

Таким образом, основными направлениями сотрудничества между Китаем и Вьетнамом на территориях, имеющих общую границу, являются туристическая, торговая и производственная сферы. Большое внимание уделяется увеличению торговли между приграничными регионами, а также созданию и регулированию

трансграничных экономических зон, таких как Монг Кай – Дунсин, Пинсян – Донг Данг и др.

Китайская Народная Республика старается наладить политические и экономические отношения со многими странами мира. Большое внимание уделяется и странам, расположенным в Центральной Азии. Для укрепления отношений с этими странами Китаем продвигаются различные инициативы, такие как «Один пояс, один путь», а также осуществляется участие в работе международных организаций, в частности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Казахстан входит в число полноправных членов ШОС с момента её создания, что подчёркивает важность отношений между ним и Китайской Народной Республикой. Казахстан имеет протяжённую сухопутную границу с Китаем, что обуславливает необходимость организации сотрудничества в приграничных районах для обеспечения развития территорий и во избежание конфликтных ситуаций.

Таблица 1

**Основные показатели внешней торговли между Китаем и Казахстаном
в 2015–2022 гг.**

Main indicators of foreign trade between China and Kazakhstan						
		2015	2019	2020	2021	2022
Экспорт	Всего, тыс. долларов США	5480137,5	8003867	9420579	9772506	13164638,5
	Удельный вес страны в общем объ- еме экспорта, %	11,9	13,8	19,8	16,2	15,6
Импорт	Всего, тыс. долларов США	5087813,4	6788626	6377989	8228457	10981200,5
	Удельный вес страны в общем объ- еме импорта, %	16,6	17,1	16,4	19,9	21,9
Торговый баланс		392324	1215241	3042591	1544049	2183438
Внешнеторговый оборот		10567951	14792492	15798568	18000963	24145839

Составлено на основе [6].

Китайская Народная Республика – один из главных экономических партнёров Казахстана. Для обеих стран важно расширение торгово-экономических отношений, особенно в приграничных районах. Основными статьями экспорта Казахстана выступают такие продукты, как минеральное сырьё, металлы и продукция химиче-

ской промышленности, импорта – машины, оборудование, приборы, продукция химической промышленности, а также металлы и изделия из них.

Торговый баланс в отношении Казахстана является положительным, а уровень торговли между странами продолжает расти. Однако несмотря на то, что экспорт продукции Казахстана превышает импорт, удельный вес импорта продолжает расти, в то время как удельный вес экспорта уменьшается. С каждым годом постепенно повышается зависимость Казахстана от импорта продукции из Китая.

Трансграничное сотрудничество – важное направление политических отношений между странами, так как через территорию Китая и Казахстана проходит общая железная дорога, которая относится к стратегически важному сообщению Китай–Европа [7].

Рис. 2. Приграничные регионы Китая и Казахстана

Fig. 2. Border regions of China and Kazakhstan

На границах Китая и Казахстана расположены такие регионы, как Синьцзян-Уйгурский автономный район со стороны Китая и четыре области Казахстана: Восточно-Казахстанская, Абайская, Жетысуская и Алматинская. Положение регионов способствует продвижению активного сотрудничества между государствами на региональном уровне.

Синьцзян-Уйгурский автономный район является наибольшей провинцией Китая. Регион расположен в северо-западной части страны и имеет существенные запасы минеральных ресурсов. На его территории ведётся добыча угля, золота, нефрита, соли, соды. Синьцзян-Уйгурский АР, кроме того, это один из основных поставщиков поликремния в мире. В провинции добываются нефть и природный газ, который признается основой экономики региона. Активно развивается сельское хозяйство: выращиваются хлопок, фрукты, зерно, овощи.

Приграничные регионы по сравнению с общей территорией страны имеют высокий уровень социально-экономического развития. Большая часть водных ресурсов Казахстана (реки Чёрный Иртыш, Бухтарма, Курчум, Калжыр, Нарым, Уба, Ульба) сосредоточена на северо-востоке страны. В приграничном регионе наиболее развиты горнодобывающая, металлургическая, химическая, деревообрабатывающая отрасли промышленности, машиностроение и сельское хозяйство. Область благодаря уникальным природным ландшафтам обладает значительным туристическим потенциалом.

Приграничные территории Казахстана на границе с Китаем имеют наиболее благоприятные условия для развития экономических отношений между странами. Здесь создаются приграничные зоны свободной торговли, а также развивается транспортно-логистическая система.

На территории Синьцзян-Уйгурского автономного района проживает около полутора миллионов казахов. В основном большая часть казахского населения сосредоточена в Или-Казахском автономном округе субпровинциального значения. В связи с тем, что в северо-западной части региона проживает наибольшее количество казахского населения и данный округ располагается на границе с Казахстаном, большая часть проектов по сотрудничеству между странами реализуется именно на его территории.

На территории Или-Казахского автономного округа и Алматинской области расположена свободная экономическая зона (СЭЗ) «Хоргос–Восточные ворота», созданная в целях реализации транспортно-логистического и индустриального развития регионов. Свою работу СЭЗ начала в 2016 г. как «сухой порт» Казахстана, так как страна не имеет выхода к морю. На территории СЭЗ происходит перевалка контейнеров с узкой китайской железной дороги на широкую, действующую на территории стран СНГ, которая соединяет Китай с Европой. «Хоргос» имеет важное значение в реализации глобального китайского проекта «Новый шелковый путь», поскольку позволяет перенести большой поток товаров из КНР на широкую колею и продолжить его движение дальше. СЭЗ является достаточно мощным транспортным узлом, связывающим Восточный Китай с Западной Европой.

Сотрудничество приграничных территорий Китая и Казахстана в основном касается сфер торговли, туризма и транспортировки грузов. Посещаемость СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» туристами в общей сложности достигает почти 8 млн человек в год и постоянно увеличивается, причём больше половины туристов – уроженцы Китайской Народной Республики. Кроме того, благодаря транспортировке грузов через «сухой порт» объёмы обрабатываемой продукции увеличиваются в 2,5 раза ежегодно и составляют около 700 тысяч грузов 20-фунтового эквивалента. Общий объем грузоперевозок, проходящих через таможенные ворота Хоргос, в 2021 г. достиг 7 млн тонн.

Сегодня на территории СЭЗ расположены логистическая и индустриальная зоны, «сухой порт», населённый пункт и инфраструктура, необходимая для обслуживания территории.

На территории СЭЗ действуют направленные на привлечение инвесторов льготы: освобождение от налогов на корпоративный доход, землю, имущество, добавленную стоимость, а также от выплаты таможенных пошлин на товары, сырьё и оборудование при ввозе их на территорию зоны.

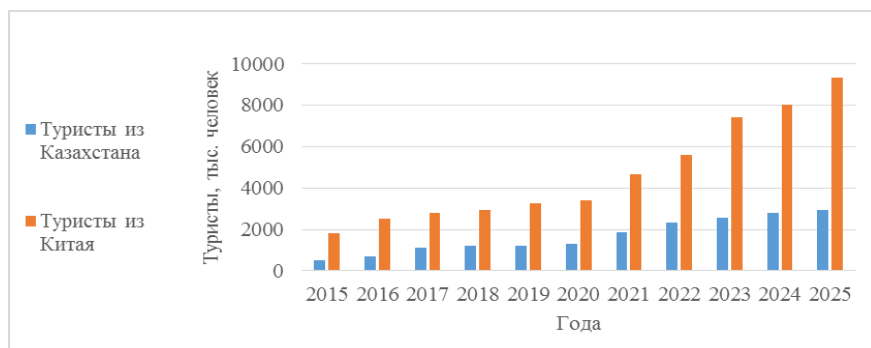

Рис. 3. Фактические и прогнозные туристические потоки [8]

Fig. 3. Actual and forecast tourist flows [8]

«Хоргос–Восточные ворота» имеет потенциал и в развитии туризма, СЭЗ привлекает население из Китая в основном как туристический объект. Для населения Казахстана данная территория интересна как место для покупок товаров, поскольку здесь присутствуют магазины китайских производителей. В результате основными направлениями сотрудничества на приграничных территориях Китая и Казахстана являются туристическая и торговая деятельность, а также транспортно-логистические услуги. Правительства стран уделяют большое внимание развитию транспортных путей между государствами, трансграничных территорий, активному использованию трансграничных рек, протекающих по территориям двух государств.

На приграничных территориях реализуются проекты согласно инициативе «Один пояс, один путь», а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества, в частности такой, как «сухой порт» в Алматинской области, обеспечивающий передвижение грузов из Китая в Европу.

В настоящее время трансграничное сотрудничество стало неотъемлемой частью развития дружеских взаимовыгодных отношений между странами, которые имеют общие границы. Это в основном связано с тем, что многие территории, расположенные на границах, имеют схожие проблемы в развитии и не являются территориями, на которые делается упор в развитии страны в целом. В связи с этим развивать данные территории становится экономически более выгодным совместно со страной, на границе с которой они расположены.

Сегодня граница между государствами является не только сухопутной или морской границей, но и границей товаров и культур. Взаимовыгодное сотрудничество на этих территориях может помочь в установлении дружеских экономических отношений в регионах.

Активное сотрудничество Китая и Вьетнама на их общей границе привело к улучшению экономического положения данных регионов. Торговля между территориями к 2021 г. увеличилась почти в 3 раза по сравнению с 2012 г., когда активное проведение программ сотрудничества только начиналось. Кроме того, пересечение границы между территориями стало проще и намного быстрее, что привело к увеличению количества людей, пересекающих границу (в 3 раза), а также прибыли от туристической сферы. Так, в Гуанси-Чжуанском автономном районе прибыль увеличилась в 3 раза, а во вьетнамской провинции Куанг Нинь – практически в 6 раз.

Трансграничные территории помогают улучшать партнёрские отношения с приграничными странами. Китай активно поддерживает территории Вьетнама и Казахстана, с которыми граничат его провинции. На территориях Вьетнама активно развивается стратегия «Два коридора, один пояс», что увеличивает товарооборот между странами, создаются трансграничные экономические зоны (Дунсин–Монг Кай, Пинсян–Донг Данг), развивается туризм. Многие компании инвестируют в развитие промышленности во вьетнамских провинциях и создание промышленных парков, в частности Донг Май. Территории Казахстана также получают инвестиции со стороны КНР. В результате создаются совместные заводы (Asia Steel Pipe Corporation строит завод на территории Алматинской области), образуются трансграничные экономические зоны – «Хоргос– Восточные ворота»).

Китай с Вьетнамом и Китай с Казахстаном имеют довольно перспективные проекты, направленные на развитие приграничных территорий и улучшение трансграничного сотрудничества в целях усиления национальных экономик.

Список источников

1. Ибрагимов А. Р. К вопросу о торгово-экономическом сотрудничестве Вьетнама и Китая // Аллея науки. 2018. Т. 3, № 11 (27). С. 122–125.
2. Нгуен Тхи Тхань Бинь, Та Тхи Там. Трансграничные этнические отношения на вьетнамско-китайских приграничных рынках после 1990 г. // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 3. С. 71–89.
3. Sino-Vietnamese Border Trade Relations-under the context of regional integration // Gothenburg university Library / GUPEA. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/67015>
4. Zhang F., Zhang. X. 广西东兴边境贸易发展调查报告. 西部发展研究. Чжан Фан, Чжан Сянь. Отчет об исследовании развития приграничной торговли в городе Дунсин, провинция Гуанси // Исследования западного развития = Western Development Research. 2019. № 1. С. 201–215. URL: <https://xianxiao.ssap.com.cn/cata->

log/2426408.html

5. The Current Development of Cross-Border Tourism Between Vietnam and China: A Perspective from Vietnam / H. V. Duong, T. T. Bui, D. T. Nguyen, V. V. Vu. Preprints 2022, 2022080524. DOI: 10.20944/preprints202208.0524.v1

6. Статистика внутренней торговли // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/17/statistic/6>

7. Сотрудничество Республики Казахстан с Китайской Народной Республикой // Министерство иностранных дел Республики Казахстан URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/470?lang=ru#:~:text=>

8. Казахстанская часть // KHORGOS. URL: <https://khorgos.kz/kazahstanskaya-chast/>

References

1. Ibragimov A. R. K voprosu o torgovo-ekonomicheskom sotrudnichestve V'etnama i Kitaya [On the issue of trade and economic cooperation between Vietnam and China]. *Alleya nauki*, 2018, vol. 3, no. 11(27), pp. 122–125. (In Russ.).

2. Nguyen Thi Thanh Binh, Tai Thi Tam. Transgranichnye etnicheskie otnosheniya na v'etnamsko-kitaiskikh prigranichnykh rynkakh posle 1990 g. [Cross-border ethnic relations in the Vietnamese-Chinese border markets after 1990]. *V'etnamskie issledovaniya. Ser. 2*, 2021, no. 3, pp. 71–89. (In Russ.).

3. Sino-Vietnamese Border Trade Relations-under the context of regional integration // Gothenburg university Library. GUPEA. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/67015>

4. Zhang F., Zhang. X. Investigation report on the development of border trade in Dongxing, Guangxi. Western Development Research 2019. (In Chin.).

5. Duong H. V., Bui T. T., Nguyen D. T., Vu V. V. The Current development of cross-border tourism between Vietnam and China: A Perspective from Vietnam. Preprints 2022, 2022080524. DOI: 10.20944/preprints202208.0524.v1

6. Internal trade statistics // Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/17/statistic/6>. (In Russ.).

7. Cooperation of the Republic of Kazakhstan with the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/470?lang=ru#:~:text=> (In Russ.).

8. Kazakhstan part // KHORGOS. URL: <https://khorgos.kz/kazahstanskaya-chast/> (In Russ.).

Библиографический список

1. Мухаметжанова, А. В. Логистические возможности СЭЗ «МЦПС «Хоргос» / А. В. Мухаметжанова, Ш. Ш. Шайкенов // Актуальные проблемы транспорта и энергетики: пути их инновационного решения: материалы X Международной науч-

но-практической конференции, Нур-Султан, 17 марта 2022 года / Сост. Г. Т. Мерзадинова, Т. Б. Сулейменов, Т. Т. Султанов. Нур-Султан: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2022. С. 107–111.

2. Zhu H. L. **全面开放新格局下提升沿边口岸经济的路径探析——基于广西东兴市的调查与思考** 创造 Чжу Хуали. Анализ путей качественного экономического развития прибрежных портов в соответствии с новой моделью полной открытости. На основе исследования порта Дунсин в Гуанси // Администрация и право (行政与法). 2019. № 7. С. 35–43. URL: <http://www.cqvip.com/qk/80605x/201907/7002565915.html>

3. **广西统计年鉴** // **广西壮族自治区统计局** URL: <http://tjj.gxzf.gov.cn/tjsj/tjnj/> Статистический ежегодник Гуанси // Бюро статистики Гуанси-Чжуанского автономного района. URL: <http://tjj.gxzf.gov.cn/tjsj/tjnj/>

Информация об авторах

О. Е. Доленина – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

А. С. Подкладова – студентка специальности «Зарубежное регионоведение», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the authors

O. E. Dolenina – Candidate of Geography, Associate Professor, Department of Regional Economics and Environmental Management, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

A. S. Podkladova – student of Foreign regional studies, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 60–69.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 60–69.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/60-69>

ИНСТИТУТ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Ольга Суреновна Насхулиян

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
aum.07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются место и роль института частной жизни в механизме обеспечения национальной безопасности в теоретико-правовом, доктринальном и историческом измерении. Автор показывает, что именно правовой статус частной жизни является индикатором реализуемой в конкретном социуме модели обеспечения национальной безопасности. Проводится анализ сущностных аспектов политики национальной безопасности, важнейших юридических и иных средств ее осуществления в прошлом и настоящем, в разных типах государств. Отдельным вопросом статьи является определение эвристической и практической значимости метода «взвешивания» ценностей в национальном политико-правовом пространстве, использование которого определяет значение и гарантии института частной жизни в рамках обеспечения безопасности общества, государства и личности.

Ключевые слова: частная жизнь, государство, национальная безопасность, законы, личность, публичные интересы, правовая система, политическая система, правовые ценности, Конституция

Для цитирования: Насхулиян О. С. Институт частной жизни в контексте обеспечения национальной безопасности: историко-правовой и теоретико-правовой аспекты // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 60–69.

POLITICS

Original article

THE INSTITUTE OF PRIVATE LIFE IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY: HISTORICAL-LEGAL AND THEORETICAL-LEGAL ASPECTS

Olga Surenovna Naskhuliyan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
aum.07@mail.ru

Abstract. The article identifies and analyzes the place and role of the institution of private life in the mechanism of ensuring national security in the theoretical-legal, doctrinal and historical dimension. The author shows that it is the legal status of private life that serves as an indicator of the national security model implemented in a particular society. The paper studies the essential aspects of national security policy, the most important legal and other means of its implementation in the past and present, in different types of states. A separate issue of the article is the definition of the heuristic and practical significance of the method of "weighing" values in the national political and legal space, the use of which determines the significance and guarantees of the institution of private life in the framework of ensuring the security of society, the state and the individual.

Keywords: private life, state, national security, laws, personality, public interests, legal system, political system, legal values, Constitution

For citation: Naskhuliyan O. S. The institute of private life in the context of ensuring national security: historical-legal and theoretical-legal aspects // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 60–69.

Национальная безопасность в политико-правовом дискурсе: идеи и структура

Концептуализация феномена «национальная безопасность» начинается не в XX в., когда эта категория уже используется, например, в США, Канаде и в иных западных государствах, а также в политико-правовой практике стран, принадлежащих к другой цивилизационной традиции. Представления о природе и значимости национальной безопасности, ее базовых признаках и принципах, правовом механизме обеспечения имеют свои истоки в «глубинном» прошлом, а именно в возникших и развивающихся философско-правовых и политико-правовых дискурсах – от европейской Античности и Средневековья, Нового времени до отечественного

(классического) понимания ее сущности и специфики. Исследование основ государственности, выявление ключевых ее структур и функций уже в достаточно ранний период выводит исследователей на многообразие проблем обеспечения безопасности общества и личности, той или иной политической системы, тем более, что по мере эволюции последних, усложнения системы социальных связей, правовых и властных отношений (как особого их вида) количество угроз национальной безопасности постоянно возрастает, а «Вызов» (как это известно хотя бы из исторических работ А.Д. Тойнби) всегда предполагает в той или иной мере адекватный ему «Ответ».

Итак, разумеется, в самом общем виде **национальная безопасность** – это достигаемое с помощью разных средств и методов (например, юридических или неправовых), политических, духовно-нравственных (включая и религиозные), материальных и иных ресурсов состояние упорядоченности общественных отношений, стабильности базовых политико-правовых и социально-экономических институтов и соответствующих им связей, отвечающее интересам властных элит, человека и общества, потребностям в сохранении и постоянном воспроизводстве ключевых ценностей, мировоззренческих установок и норм, определяющих прогрессивное развитие нации в условиях рискогенного социального пространства.

В этом плане в разные века и тысячелетия исторические события проявляли выходящие на национальную «сцену» угрозы безопасности, некоторые из которых имеют еще «библейскую» основу: голод, война, эпидемии, депортации и «пленение» целых народов (здесь стоит обратить внимание на Ветхий Завет), разного рода политическое давление или откровенное насилие в сфере вероисповедания (например, принудительная исламизация или «окатоличивание» населения, либо «православизация» еврейского населения разных империй и т.п.).

Причем даже поверхностный взгляд на этот вопрос позволяет сделать вывод о том, что вряд ли теоретически верно и практически целесообразно отождествлять такие понятия, как «государственная безопасность» и «национальная безопасность», так как последнее, очевидно, выходит за пределы государственного поля и включает в себя иные, иногда не только негосударственные, но даже и неполитические элементы, виды национальной безопасности.

Трудно спорить и с тем, что далеко не всегда интересы и ценности государства как центрального института политической системы в полной мере совпадают с интересами социума и тем более отдельной личности, семьи, корпорации и т.п. Хотя нельзя отрицать и тот факт, что в особо опасных, кризисных или даже катастрофических ситуациях, когда политический (или политико-правовой) режим неизбежно (для спасения государства, общества, нации да и отдельных граждан) ужесточается, трансформируется, естественно, в сторону его авторитарно-тоталитарных разновидностей, диктаторских форм и соответствующих трендов либо происходит вполне

конституционно-правовое (например, ст. ст. 56, 88 Конституции РФ устанавливают возможность введения правового режима чрезвычайного положения, а ст. 87 этого же НПА – правовой режим военного положения) или иное установление особых правовых режимов (без изменения базового государственно-правового курса), государственные интересы максимально приближаются к общесоциальным, частным, индивидуальным.

Война (особенно война оборонительная), пандемии и эпидемии, голод, другие бедствия и разрушения при любом, даже самом либеральном и демократическом, государственно-правовом режиме выводят на первый план публичные интересы, разумеется, и чаще всего в ущерб частным интересам, частной (личной) жизни, юридически урезая соответствующие ей права и свободы (хотя в ряде конституций можно увидеть гарантии для некоторых из последних, даже после установления чрезвычайного режима, как этот имеет место, например, в ч.3. ст.56 Конституции РФ), что здесь просто неизбежно.

В общем же соотношение *частных* и *публичных* начал в правовом регулятивно-охранительном поле всегда значимо и для властных элит, и для населения, и для отдельного человека: оно имеет явный и вполне ощутимый характер, отражается на многих сторонах жизни социума, находит свое воплощение в идеологических установках, функциях государственного механизма, деятельности отдельных государственных органов (включая и суды, «силовые» правоохранительные структуры), конечно же, в законодательстве (по тексту действующих в конкретный момент законов и подзаконных актов можно определить место и роль всего «частного», а также «публичного» в государстве, оценить возможные перспективы развития этих институтов, по крайней мере, на ближайшее будущее).

Для понимания сущности и особенностей генезиса, развития и функционирования *механизма обеспечения национальной безопасности* вообще и специфики соотношения ее частноправовых и публично-правовых институтов необходимо остановиться на своего рода «архитектонических» его элементах.

Доктринальный «слой залегания» – это бытующие и оказывающие влияние на обыденное и профессиональное (юридическое, политическое, экономическое, религиозное и др.) сознание концепции, теории, отдельные идеи, типы правопонимания, представления о природе «политического» человека, политической системы, догматы и каноны, в рамках которых: во-первых, возникает и фиксируется на весьма долгий срок понимание антропологической природы человека, его духовной сферы, прав, свобод и обязанностей, сущностных основ этнической принадлежности, сути государственной (публичной) власти, ее форм и методов осуществления; во-вторых, закладываются базовые начала и ценности при осмыслении сути и особенностей национальной безопасности, ее гарантий и возможных угроз; в-третьих, фиксируются *аксиологические основы* в широком плане, в том числе и по отноше-

нию к отдельному *человеку, семье, общине*, социуму в целом; в-четвертых, определяются место и роль государства, его аппарата в жизни общества и отдельного человека, устанавливается допустимая (для конкретной антропологической модели, например «атомарной»¹ или «холистически-коллективистской») граница «вторжения» государственных органов в жизнь народа вообще и в личную сферу жизнедеятельности в частности. Здесь, разумеется, могут быть разные подходы и решения проблем национальной безопасности (либеральный дискурс, консервативный подход, теологические модели и др.). Например, Дж. Локк считал («Два трактата о правлении»), что государство по природе своей должно решать две основные задачи: «гарантировать естественные права человека» (свобода, равенство и собственность) и в то же время обеспечивать «мир и безопасность», причем возможность возникновения противоречий между этими действительно важнейшими государственными функциями он серьезно не предполагал и на рассматривал. В XX в. в политический, а затем в научный оборот термин «национальная безопасность», как известно, вводится в 1904 г. президентом США Т. Рузвельтом, который употребляет его в своем послании конгрессу США. И только затем политолог Г. Моргентау предлагает собственные теоретико-методологические наработки в этой области политико-правовых и социальных отношений, считая, что национальная безопасность – это состояние защищенности отдельных граждан, государства и общества.

1. Юридико-стратегический и нормативно-правовой компонент. Он включает имеющие правоориентационный характер *стратегии* обеспечения национальной безопасности, меняющие друг друга по мере изменения первоочередных задач в этой сфере властных отношений, например, последней Стратегией национальной безопасности России является документ 2021 г., утвержденный Указом Президента РФ от 2.07.2021 г., № 400 и заменивший Стратегию национальной безопасности России 2015 г. Однако более устойчивыми во времени являются «Белые книги», известные в Великобритании, Германии, Франции, Китае, Японии и др., и целая система НПА разной юридической силы (в Российской Федерации – федеральные законы, подзаконные нормативно-правовые акты и др., но впервые в мировом нормативно-правовом пространстве только в 1947 г. был принят закон США «О национальной безопасности»). Конечно, и в идеале, и в реальном своем выражении этот уровень суть нормативное выражение господствующих в тот или

¹ «Гражданское общество – это конгломерат атомарных индивидуумов, комбинирующихся друг с другом произвольным (случайным) образом. В этом обществе нет границ, нет строго определенных социальных функций, нет сословий, нет каст и классов. Каждый атомарный гражданин следует за своими эгоистическими устремлениями... ограничения же возникают спонтанно только при столкновении с интересами другого гражданина. Задача «гражданского общества» состоит в том, чтобы максимально расширить свободу действий гражданина, ввести в правовые рамки формы столкновения интересов, устранив возможность насильственного разрешения конфликтных ситуаций» [1, с. 286].

иной исторический период доктринальных основ в области национальной безопасности, понимания значимости и иерархии ее разных видов (например, государственной, общественной или гуманитарной, военной, экологической и др.). Однако в условиях разного рода хаотических проявлений в государственно-правовом поле конкретного народа (в случае переходного типа государства и правовой системы, в случае кризисов и даже катастроф) неизбежно происходит своего рода рассогласование доктринального публичного дискурса и нормативно-правового «архитектонического слоя»: доктрины, как правило, меняются быстрее, чем их нормативно-правовое отражение, что естественно, и в этот период происходит неминуемый «разрыв» между «идеями», «концепциями», входящими, так или иначе, в *идеологию национальной безопасности*, и соответствующими НПА, возможно даже начиная с Конституции (например, в России в период конца 80-х–начала 90-х гг. XX в., в ФРГ в годы «денацификации» общества и государства в 1945–1950 гг. и т.п.).

2. Организационно-институциональный и материально-ресурсный компонент. Он включает в себя государственные и (в ряде стран) муниципальные органы власти, негосударственные структуры, вовлеченные в той или иной мере в механизм обеспечения национальной безопасности вообще или отдельных ее видов. Конечно, в первую очередь здесь следует назвать главу государства (Президента, монарха и др.), который в рамках своих конституционных либо иных полномочий наделен правом определения общей стратегии безопасности общества, человека и всей политической системы, формирования системы государственных структур, занимающихся этим вопросом, решения вопроса о вовлечении в сферу обеспечения национальной безопасности различных региональных и местных органов и организаций, а также «негосударственного» институционального сектора. Кроме него, разумеется, следует подчеркнуть особую роль правительств и, конечно же, отметить важность формирования и функционирования *специальных* властных органов, например, известный во всем мире Совет национальной безопасности США, созданный в 1947 г. (консультативный орган при Президенте США для решения наиболее важных вопросов в этой области) или Совбез РФ как конституционный государственный и консультативно-совещательный орган при Президенте РФ (п. «ж» ст. 83 Конституции РФ) и др. Собственно, деятельность этих властных структур и должна быть направлена на реализацию статей соответствующих НПА, принятых в тот или иной исторический момент политико-правовых доктрин в сфере национальной безопасности, а значит и на утверждение в этом проблемном поле ценностных начал, включающих представления о допустимой мере (рамках) свободы личности, важности гарантий частной жизни, уровне государственного (и иного публичного) вмешательства (правового, репрессивного, смешанного) в последнюю в силу необходимости обеспечения национальной (государственной, обществен-

ной, военной и иной) безопасности. Обратим внимание и на то, что институциональная конфигурация органов государственной власти, например, в соответствии с принципом *разделения* или, наоборот, *соединения* ветвей (или отраслей) властей не будет играть никакой роли, а именно влиять на эффективность их функционирования в плане обеспечения национальной безопасности, этот критерий оценки организации властного пространства в данном случае оказывается просто излишним. Ясно, что функционирование этих и иных органов, обеспечивающих национальную безопасность, будет невозможно без опоры на необходимые финансовые, материальные, технические (в первую очередь информационные, связанные с процессами «цифровизации» и искусственным интеллектом) ресурсы.

3. Право на частную жизнь в аксиологическом измерении: метод «взвешивания ценностей» и необходимые «жертвы» для обеспечения национальной безопасности. Такой, «трехслойный», но в полной мере системный характер механизма национальной безопасности, да еще когда последний рассматривается в своем функциональном и динамическом измерении, в правокультурном и правоментальном пространстве, оказывается неизбежно «заточенным» (особенно в своем функциональном измерении, в плане выбора допустимых средств и способов действия) на использование так называемого метода «взвешивания» ценностей, определяющего своего рода «цивилизационное» лицо этого социально-властного феномена.

Вообще, ценности – это «широкие тенденции предпочтения определенного положения дел перед другими, чувства, имеющие положительные и отрицательные стороны» [2, с.]. Т. Парсонс считал, что «ценности... это составные части социальной системы... общепринятые представления о желательном типе социальной системы» [3, с. 6]. В свою очередь Н. Смелзер усматривал в ценностях «...разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения («терминальные» и инструментальные ценности)» [3, с. 6].

Понимание места и роли института частной жизни, личностного (семейного, корпоративного) пространства в системе национальной безопасности, взятое в социально-аксиологическом ракурсе, предполагает праксеологический подход к проблеме, а именно (для начала) формулировку ответов на существенный вопрос, связанный с соотношением прав человека и публичного (государственного) интереса в контексте эффективности механизма политико-правового противодействия угрозам государству, обществу и личности: «что лучше – ограничить, а то и вовсе «не заметить» права человека (например, принудить лицо к выдаче личных или профессиональных тайн) и благодаря этому предотвратить угрозу какому-либо виду национальной безопасности или раскрыть преступное деяние лиц или организаций (например, шпионаж, террористический акт или его подготовку), подрывающее основы защищенности властных структур, общественных организаций, социальных

и возрастных групп (например, детей, инвалидов, женщин и др.), т.е. является ли неким «абсолютом» частная жизнь, ее юридическая и фактическая неприкосновенность (личных, семейных или профессиональных тайн), которой нельзя пренебречь даже вопреки сохранению безопасного существования государства, этноса, социума и др., в общем, окружающего большинства?»

Метод взвешивания ценностей предполагает построение иерархии социально-правовых и иных приоритетов. Так, ориентируясь на принятые в конкретном обществе, соответствующие его архетипической и цивилизационной природе аксиологические установки, этот метод действует по принципу крайней необходимости, а именно всегда приносится в «жертву» меньшая социальная ценность ради сохранения большей (предпочтительной) ценности [3, с. 16–20]. Ясно, что это весьма сложная дилемма, которую должны осуществлять прежде всего органы государственной власти, руководствуясь многими обстоятельствами, факторами как объективного, так и субъективного порядка. В отношении института частной жизни в качестве таковых следует выделять:

1) признаваемую или, наоборот, отрицаемую в определенном типе цивилизации ценность института частной жизни со всеми следующими из нее правовыми и политическими принципами, этическими и религиозными установками большинства населения в отношении индивидуализма и коллективизма, «частности» и «публичности», сохранения либо разглашения тайн частной жизни (семейных, нотариальных, медицинских, усыновления и др.), неприкосновенности жилища человека (тайного проникновения, обыска и др.). Это своего рода правокультурная, а точнее – правоментальная основа для использования метода «взвешивания ценностей» и в правотворческой, и в правоприменительной сфере, что и определит выбор позиции властных элит в механизме обеспечения национальной безопасности;

2) социально-ценностные ориентиры представителей высшей государственной власти, которые, разумеется, имеют субъективный характер, но в рамках конкретных политических режимов (прежде всего авторитарно-тоталитарного характера) могут самым существенным образом изменить ранее привычную и устоявшуюся (причем даже тесно сопряженную с ментальной основой) юридико-аксиологическую среду. Здесь можно вспомнить хотя бы Нюрнбергские расовые законы, пакет которых был направлен на обеспечение «семейной», «этнической» и «демографической» безопасности, разумеется, в их националистической транскрипции, органичной идеологическому пространству III Рейха (например, известные имперские законы от 14.07.1933 г. и от 18.10.1935 г., ограничивающие браки с «неарийским» населением, и др.). Указанные законы прямо регулировали семейно-интимную сферу, деторождение и даже возможный выбор мужа или жены, причем не с позиции какого-либо правового стимулирования формирования семей и рождения детей, а в первую очередь в плане использования запретительно-обязывающих юри-

дических средств (элементов правового воздействия). Здесь ценностный выбор очевиден: вопросы безопасности государства и общества выше важности сохранения правовой автономии частной жизни, юридических гарантий «личного суверенитета», гражданин лишен права на личностный (нравственный, эмоциональный и др.) выбор, причем заметьте, что такая ситуация произошла в государстве, всецело принадлежащем к западному типу культуры и цивилизации, а значит прошедшему и «впитавшему» в себя базовые принципы «атомистической» социально-духовной парадигмы Нового времени, в ходе которой как раз на уровне общественного сознания и был зафиксирован европейский гуманизм, протестантский индивидуализм, иные «эгоцентристские» ценности. В СССР в ходе также хорошо известных сталинских репрессий складывается юридическая практика публичных отказов от родителей – «врагов народа», возникают особые юридические статусы «жена врага народа», «сын врага народа» и т.п., которых можно избежать только, если вовремя прервать соответствующие брачно-семейные связи и отношения. Ценность частной жизни, таким образом, приносилась на «алтарь» государственной, военной и некоторым иным видам безопасности (уже в 60-х годах XX в. В.М. Молотов в своих воспоминаниях отмечал, что такого рода жесткая репрессивная политика И.В. Сталина самым прямым образом повлияла на отсутствие «пятой колонны» в СССР в период Великой Отечественной войны);

3) преобладающие в том или ином обществе в конкретный исторический момент доктринально-политические и доктринально-правовые основы «взвешивания» ценностей. Например, можно вспомнить и оценить влияние философско-правовых и философско-политических построений Т. Гоббса (теория «суверена») и Дж. Локка (классический либерализм) на понимание места и роли государственной (верховой) власти в механизме обеспечения национальной безопасности в европейских государствах в Новое время, на возможность «вторжения» властных институтов в частную жизнь или провести анализ влияния марксистско-ленинской идеологии на советскую политику в этой области, либо в этом контексте рассмотреть содержание разного рода анархистских политико-правовых учений, противоположных им монархически-охранительных (консерватизм К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова и др.), евразийских (Н.Н. Алексеев, Н.С. Трубецкой) и др. При этом, конечно, стоит учесть вид политического режима, в котором разворачивается действие тех или иных доктрин или концепций, выявить допустимый уровень «плюралистичности» мнений, позиций, взглядов.

Список источников

1. Дугин А. Г. Философия политики. М., 2004. 614 с.
2. Hofstede G. Culture's Consequences: international differences in work-related values. New York, 1980. 328 p.

3. Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. 45 с.
4. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М.: Институт государства и права РАН, 1998. 230 с.

References

1. Dugin A. G. Filosofiya politiki [Philosophy of politics]. Moscow, 2004. 614 p. (In Russ.).
2. Hofstede G. Culture's Consequences: international differences in work-related values. New York, 1980. 328 p.
3. Mamut L. S. Gosudarstvo v tsennostnom izmerenii [State in the value dimension]. Moscow: Norma Publ., 1998. 45 p. (In Russ.).
4. Petrukhin I. L. Lichnye tainy (chelovek i vlast') [Personal secrets (person and power)]. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 1998. 230 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. С. Насхулиян – преподаватель кафедры финансового права, Юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия.

Information about the author

O. S. Naskhuliyan – Lecturer, Department of Financial Law, Faculty of Law, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 70–82.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 70–82.

Научная статья

УДК 342.727(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/70-82>

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ МЫСЛИ И СЛОВА В РОССИИ

**Виктор Александрович Процевский¹, Евгений Владимирович Горлов²,
Анастасия Артемовна Шириня³**

^{1, 2, 3} Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

¹ VAProtsevskiy@sevsu.ru

² evgorlov@sevsu.ru

³ anastasia.shirinya@gmail.com

Аннотация. В статье проанализировано закрепление исследуемого права не только в нормах национального законодательства Российской Федерации, но и в международных договорах, конвенциях и законах о защите прав человека и его основных свобод, что нашло отражение в конституциях развитых государств. Целью статьи является изучение и анализ способов реализации конституционного права на свободу мысли и слова в РФ. Особое значение для достижения поставленной цели имеют способы реализации права на защиту мысли и слова, их имплементация в национальном законодательстве и процессуальной практике. В качестве объекта научной работы выступают конституционные материальные и процессуальные нормы международного и внутригосударственного законодательства. Предметом исследования являются проблемы реализации правовых способов защиты права на свободу мысли и слова, которое должно сочетаться с конституционными установками о признании идеологического и политического разнообразия.

Ключевые слова: Конституция РФ, национальное законодательство, материальные и процессуальные правовые нормы, право на свободу мысли и слова, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

Для цитирования: Процевский В. А., Горлов Е. В., Шириня А. А. Проблемы реализации конституционного права на свободу мысли и слова в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 70–82.

Original article

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREEDOM OF THOUGHT AND SPEECH IN RUSSIA

**Viktor Alexandrovich Protseviskiy¹, Evgeny Vladimirovich Gorlov²,
Anastasia Artemovna Shirinya³**

^{1, 2, 3} Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

¹ VAProtseviskiy@sevsu.ru

² evgorlov@sevsu.ru

³ anastasia.shirinya@gmail.com

Abstract. This article analyzes the consolidation of this right not only in these normative legal acts, but also in other international treaties, conventions and laws on the protection of human rights and fundamental freedoms, which is reflected in the constitutions of developed countries. The purpose of the article is to study and analyze the ways of implementing the constitutional right to freedom of thought and speech in the Russian Federation. The ways of realizing the right to the protection of thought and speech, their implementation in national legislation and procedural practice are of particular importance for achieving this goal. The object of scientific work is the constitutional substantive and procedural norms of international and domestic legislation. The subject of the study is the problems of the implementation of legal ways to protect the right to freedom of thought and speech, which should be combined with constitutional provisions on the recognition of ideological and political diversity.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, national legislation, substantive and procedural legal norms, the right to freedom of thought and speech, Organization for Security and Cooperation in Europe

For citation: Protseviskiy V. A., Gorlov E. V., Shirinya A. A. Problems of realization of the constitutional right to freedom of thought and speech in Russia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 70–82.

Право на свободу мысли и слова относится к первому поколению прав человека, закрепленных в Конституции РФ [1] и содержащихся в положениях, которые нашли своё отражение во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. [2] и Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. [3].

Раскрывая природу права на свободу мысли и слова, необходимо отметить, что с ними напрямую связаны такие конституционные права, как свобода средств массовой информации (СМИ), свобода совести и вероисповедания, свобода поиска,

получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом и т.п. В совокупности данные положения образуют правовое поле, в соответствии с которым осуществляется построение гарантий прав личности в области свободного выражения идей, мыслей, мнений [4].

В современной России достаточное множество проблем в области реализации права на свободу слова и мысли, которые нуждаются в разработке с точки зрения путей их разрешения. В их числе, например, слабая регламентация правовых механизмов реализации и защиты данного права. В то же время стремительность и быстрота развития социальных отношений, в том числе и развитие институтов гласности, появление новых способов выражения мнений людей требуют их правовой регламентации со стороны государства, именно поэтому рассмотрение данной темы очень важно для дальнейшего развития современной России [5, с. 65].

Важнейший элемент основных гражданских прав человека заключается в возможности свободно говорить о том, какие позиции им выдвигаются, или какого мнения придерживается по поводу того или иного вопроса, или какие ограничения в этой связи на него возлагаются. Данное право человек реализует свободно. Не должно быть какого-либо принуждения со стороны государства или общества. Однако наряду с такой свободой имеются и некие ограничения, например запрет на принуждение другого человека к принятию неприемлемой для него позиции.

Не всегда государственные органы и иные государственные структуры могут в полной мере реализовывать положения Конституции РФ, ведь если её структура и закрепленные в ней правовые нормы на первый взгляд четко сформулированы, это не всегда означает, что их реализация достигает конечной цели [6, с. 94].

Для качественного изучения уровня реализации права на свободу мысли и слова существует немало инструментов. Примером может служить социологический опрос, посредством которого строится некая диагностика, фиксирующая острые проблемы общества. Такой инструмент можно считать объективным, он также популярен в различных странах мира, поэтому, основываясь на таких данных, не сложно определить уровень качества деятельности структур власти.

Возьмем данные Индекса свободы прессы («World Press Freedom Index»), он составляется организациями западных стран, но такие данные часто критикуют страны, считающие себя в каком-либо плане несправедливо оцененными. Ознакомившись с данными Индекса с 2017 по 2022 г., считаем, что в РФ отмечается неоднозначная ситуация (несмотря на опровержения правозащитников, утверждающих наличие оппозиции в стране и оппозиционных СМИ) по доступу к различным источникам сети Интернет, а значит, и по наличию доступа к альтернативным источникам. Во Всемирном Индексе свободы прессы 2022 г. Россия занимает 155-ю позицию из 180. Первая пятерка стран в данном источнике – Норвегия, Дания, Швеция, Эстония, Финляндия, а последние пять – Мьянма, Туркменистан, Иран,

Эритрея, Северная Корея [7]. По сравнению с 2017 г. Россия потеряла семь пунктов позиции (переместившись с 148-го на 155-е место). В то же время США поднялись на одну позицию (с 43-го на 42-е место), Франция – на тринадцать позиций (с 39-го на 26-е).

Определяя проблемы, замедляющие процесс реализации права на свободу мысли и слова, можно выделить такое направление, как развитие плюрализма в различных сферах, тесно связанных с телерадиовещанием, печатными изданиями и новыми СМИ, в результате перехода на цифровое вещание. Плюрализм представляет собой наличие различных направлений в мнениях, интересах, многообразие политических взглядов. Плюрализм, наравне с правом на свободу мысли и слова, можно определить как один из принципов демократического государства. В современном российском государстве можно говорить о наличии плюрализма в этой сфере, например наличие гласности в СМИ, поскольку многие федеральные, региональные и местные СМИ открыто и широко обсуждают вопросы общественной жизни, устройства государства, его проблемы, население имеет определенное мнение и формирует представление о деятельности государственных органов. Но даже при наличии названных факторов проблема не получила полного урегулирования, поэтому решение этого вопроса остается открытым.

Ещё одна проблема заключается в защите свободы интернет-СМИ и борьбе с умышленным разжиганием ненависти и вражды в обществе и сети Интернет при условии сохранения свободы слова. Несмотря на активные и своевременные действия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в социальной сети часто можно заметить информацию, нарушающую права граждан на безопасность и свободное выражение своих мнений, поскольку противозаконные высказывания пользователей сети Интернет могут способствовать разжиганию этнических, национальных и иных социальных конфликтов, вражды и ненависти, за что предусмотрена юридическая ответственность в национальном законодательстве (ст.ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ [8], ст. 282 УК РФ [9]).

Часто на различных и многочисленных сайтах сети Интернет можно встретить агитационную информацию террористических организаций, таких как «ИГИЛ»*, «Аль-Каида»*, «Боко Харам»* и др. Их информационная деятельность негативно воздействует на психику человека, в результате чего под таким влиянием могут возникать террористические наклонности. Это затрагивает и сферу распространения нацистской символики на различных сайтах и иных источниках сети Интернет. Поэтому государству важно обезопасить общество, особенно молодое поколение, которое наиболее восприимчиво к усвоению различного рода информации и часто

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

подвергается негативному влиянию со стороны более опытных группировок, убересть его от такого воздействия путем ограничения доступа к опасным источникам, материалам, тем самым сужая границы свободы для получения и распространения информации в общественно полезных целях.

Важно отметить проблему доступности общества к правительственной информации, ведь часто источников телевидения и радио, транслирующих новости, недостаточно для освещения деятельности государства, новых законопроектов и законов, вступивших в силу. Можно отметить тенденцию, заключающуюся в том, что молодежь в возрасте от 18 до 35 лет все реже обращается к традиционным средствам получения информации (радио и телевидение), что ведёт к возникновению проблемы непросвещённости молодежи РФ в области государственного устройства, функционирования государственного аппарата, деятельности должностных лиц. Между тем право на информацию является предметом серьезных научных исследований таких ученых, как В. С. Хижняк [10], З. Р. Гаджиева [11], Н. О. Травников [12] и др.

В отечественной науке существуют неоднозначные взгляды к наличию и реализации права на свободу мысли и слова. Одни исследователи полагают, что «свобода слова в России ограничена Конституцией и иными законами, направленными на сохранение тех нравственных ценностей, которые выработались исторически и считаются непреходящими, фундаментальными, базовыми для государства» [13, с. 58]. Другие, например В. Третьяков, считают свободу мысли и слова в России абсолютно реальной, ее развитие получило гораздо больший потенциал, чем на Западе [14]. С этим утверждением нельзя не согласиться: в РФ есть все реальные правовые механизмы и возможности для того, чтобы свободно выражать свои интересы и позицию. Свобода мысли и слова в нашей стране охраняется национальным правом и находится под юрисдикцией Конституционного Суда РФ.

Из данных, приведенных выше, можно сделать противоречивые выводы: проблемы в реализации права на свободу мысли и слова в российском государстве есть, однако это право активно развивается и реализуется. У социальных единиц есть все инструменты и возможности говорить о своих интересах на радио, телевидении, в сети «Интернет», через различные газеты и книги. Однако стоит помнить, что эта свобода всегда ограничена в интересах соблюдения законности, сохранения и защиты конституционного строя и охраны общества и личности.

Для сравнения уровня свободы деятельности СМИ и оппозиционных информационных организаций можно привести статью Российского информационного агентства, являющегося крупнейшим государственным источником информации, о событиях в РФ и мире. Так, согласно данной статье, в Украине введены санкции в отношении некоторых оппозиционных СМИ. В частности, была ограничена деятельность таких телеканалов, как «NewsOne», «ZIK» и «112.Украина» на пять лет.

Санкции предполагают ограничения и запреты финансового, торгового и иного

экономического характера. Санкции в отношении данных СМИ означают приостановление исполнения их обязательств (экономических и финансовых), аннулирование их лицензий, недопущение выхода активов СМИ за пределы Украины и иные. В такой связи устанавливаются запреты и гражданам, имеющим оппозиционные взгляды и мнения в отношении существующего строя и власти, выражать свою позицию, конструктивно и в пределах, определенных законодательством, критиковать деятельность органов государственной власти и отдельных должностных лиц [15, с. 69].

В дополнение к вышеуказанной ситуации также стоит отметить, что в документе, определяющем вступление в действие санкций против СМИ, не указана причина введения таких запретов. Решения по данному вопросу являются крайне противоречивыми и не отражают объективность ситуации, сложившейся в результате таких действий.

Для того чтобы решить некоторые проблемы, имеющие место при реализации закрепленного в Конституции РФ права на свободу мысли, можно рассмотреть предложения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Стоит учесть недавние новости, затрагивающие реализацию этого права, относящиеся к деятельности ОБСЕ. Так, в марте 2021 г. представитель ОБСЕ Тереза Рибейру призвала восстановить нарушенное право о свободе выражения мысли и слова после удаления каналов RT с видеохостинга «YouTube». Тереза Рибейру отметила, что всем заинтересованным сторонам важно учитывать свободу выражения мнений, свободу СМИ и доступ к информации, принимая во внимание решения об удалении аккаунта с канала, а также быть транспарентными в том, что касается причин принятия такого решения.

Основными направлениями действий по решению вышеуказанных проблем являются:

1. *Продвижение плюрализма в сфере телерадиовещания, печатных и новых СМИ с акцентом на вопросах перехода на цифровое вещание.* Такой аспект очень важен в условиях широко распространения Интернет-ресурсов, поскольку государственные органы блокируют информацию и ее распространение от источников, не входящих в сферу регулирования со стороны государства. Решением указанной проблемы может послужить регистрация СМИ в Роскомнадзоре, при этом проверка на соблюдение правил распространения информации должна быть объективной и справедливой. Также предлагаем уменьшить размеры государственной пошлины при регистрации СМИ.

2. *Защита свободы Интернет-СМИ.* Становится понятным, что с ростом числа террористических актов государство обязано принимать активные действия для их предупреждения и ликвидации. Часто именно Интернет-СМИ могут способствовать распространению терроризма как в информационной сфере, так и в реальной жизни. Однако следует выработать модель, с помощью которой можно было

бы четко отграничить добросовестную деятельность какого-либо рода СМИ от противоправной их деятельности. Такие модели были продемонстрированы в разработках Совета Европы, ЮНЕСКО, Альянса независимых советов прессы в Европе, «Артикле 19». Они подготовили документы, содержащие в себе этические принципы и профессиональные рекомендации при составлении репортажей в целях соблюдения в деятельности СМИ норм о праве человека на свободу мысли и слова.

3. *Содействие доступу к правительственной информации.* Информация, касающаяся деятельности органов власти, часто бывает неопубликованной и недостаточно гласной, такая проблема возникла вследствие популяризации сети Интернет. Нередко можно наблюдать, что с помощью теле- и радиосредств информация о принятии законопроекта, затрагивающего право человека на свободу мысли и слова, а также деятельность должностных лиц, государственных органов в этой сфере, не была в достаточной степени оглашена и в различных социальных сетях не получила должного публичного освещения. Поэтому правительственным органам важно использовать все средства для повышения уровня информированности общества о деятельности органов государственной власти.

4. *Ведение борьбы с умышленным разжиганием ненависти и вражды в обществе при условии сохранения свободы слова.* Здесь уместно привести пример, касающийся организации Свидетели Иеговы «Таганрог», который является показательным. Решение по данному делу не только способствовало утилизации источника разжигания нравственных конфликтов в сфере религии, но и выступило в качестве защитника интересов граждан, чьи права были нарушены навязыванием и пропагандой, а также умалением важности религиозных убеждений. Поэтому государство должно тонко чувствовать и определять грань для введения ограничений свободы слова одних в целях обеспечения безопасности других.

5. *Повышение роли организаций общественного вещания.* Некоторым социальным группам вследствие дифференциации пользования источниками информации становится недоступно получение информации о каких-либо процессах, материалах или социальных данных. Например, более взрослому населению, не обеспеченному средствами радио и телевидения, сложно быть включенным в социальные обсуждения о важнейших событиях, поэтому важно повысить количество организаций для общественного информирования, вещания в целях обеспечения наибольшего процента населения средствами общественного телерадиовещания (кабельными парламентскими телеканалами, радиостанциями Министерства обороны, государственными вещательными организациями и др.).

6. *Защита физических лиц и организаций, выполняющих функции СМИ, права которых подверглись нарушению вследствие признания их иностранными агентами.* Под последними понимаются люди или организации, осуществляющие свою деятельность в интересах другого государства. Стоит отметить, что в результате

широкого применения ст. 6 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (с последующими изменениями) «О средствах массовой информации» большое количество физических лиц, объединений людей, организаций, не имеющих признаки иностранного агента, все же включаются в их список, что ограничивает их деятельность, а значит и нарушаются права на свободу распространения и сбора информации, выражения мыслей и мнений. К таким признакам относятся: наличие или отсутствие гражданства иностранного государства; финансирование из иностранных источников; публичное распространение сообщений и материалов, созданных иностранными СМИ и др. [16]. Данный вопрос остается открытым, ведь такие физические лица и организации не несут административной или уголовной ответственности как субъекты, работающие в интересах иностранного государства с целью причинить определенный вред РФ, что и создает проблему их включения в список иноагентов. Возникает вопрос о том, целесообразно ли признавать различные СМИ иностранными агентами и ограничивать их деятельность, при этом не привлекая их к ответственности за нарушения в данной сфере деятельности.

Решение вопроса возможно в случае изменения редакции статьи названного Закона в части определения статуса иностранного агента для того, чтобы данная норма более четко разграничивала их деятельность и СМИ, не имеющей своей целью передачу информации иностранному государству, а также причинение вреда информационного характера. Стоит установить четкие и ясные критерии признания лица иностранным агентом, а именно уточнить, что для получения такого статуса иностранное финансирование необходимо получать неоднократно, на протяжении определённого длительного периода и в достаточно больших объемах, чтобы устранить проблему получения журналистами и организациями данного статуса за небольшие или однократные перечисления денежных средств. Предлагаем также присвоение статуса иностранного агента решать на основании соответствующего решения суда, с возможностью обжалования такого решения в течение трехмесячного срока со дня его вступления в законную силу и предоставления необходимых доказательств о деятельности, не имеющей подтверждения признаков функционирования иностранного агента на территории РФ.

Существует множество и других направлений решения рассматриваемых проблем, нами рассмотрены лишь основные. Благодаря таким направлениям государство, а также гражданское общество, прежде всего СМИ, могут развить существующие, а также новые концепции и гипотезы, которые будут использованы для повышения эффективности действующего законодательства.

В заключение необходимо остановиться на основных выводах нашего исследования. Отмечая значение исследования проблем в области применения права на свободу мысли и слова и его места в системе конституционных прав, считаем, что право на свободу мысли и слова – важнейшее право человека и гражданина, вы-

полняющее одну из главных функций в построении демократического государства. Оно входит в общезначимую и универсальную систему прав и свобод общества и личности, тесно связано с различными сферами жизнедеятельности социума и оказывает серьезное влияние на развитие правового государства и построение гражданского общества.

Обращаясь к механизму реализации права на свободу мысли и слова и защите этого права, утверждаем, что центральное место в механизме составляет судебная власть, реализующая работу этого механизма через правосудие, при этом определяющее значение имеет деятельность Конституционного Суда РФ. Помимо правосудия, активную работу по претворению в жизнь положений ст. 29 Конституции РФ осуществляют Президент РФ и Уполномоченный по правам человека в РФ [17, с. 88]. Защита свободы слова и мысли в наибольшей степени осуществляется Конституционным Судом РФ, решения которого не подлежат обжалованию и имеют своей целью защиту вышеуказанного права.

Проблемы, возникающие в процессе исполнения права на свободу мысли и слова, в современном российском законодательстве продолжают существовать. На такие проблемы указывают и пробелы в законах РФ, однако они активно и своевременно выявляются, рассматриваются и решаются органами государственной власти и должностными лицами. В России эти вопросы не являются критичными и уже существуют направления по их устранению.

В настоящем исследовании предлагаются следующие пути решения существующих проблем в сфере реализации конституционного права на свободу мысли и слова:

1. Внедрение принципов плюрализма в сфере телерадиовещания, печатных и новых СМИ с особым акцентом на вопросах перехода на цифровое вещание. Предполагаемое решение – развитие СМИ после прохождения их регистрации в Роскомнадзоре, при этом проверка на соблюдение правил распространения информации должна быть объективной и справедливой. Есть также смысл уменьшить размеры государственной пошлины при регистрации подобных СМИ.

2. Защита свободы Интернет-СМИ и ведение борьбы с умышленным разжиганием ненависти и вражды в обществе. Решение проблемы мы видим в выработке модели, которая бы четко отграничивала деятельность опасных для общества СМИ от тех, которые выполняют основные функции передачи информации широкому слою населения. Такие модели были продемонстрированы в разработках Совета Европы, ЮНЕСКО, Альянса независимых советов прессы в Европе, «Артикле 19».

3. Защита лиц и организаций, чьи права были нарушены в результате признания их иноагентами. Решение: внести изменения в Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (с последующими изменениями) «О средствах массовой информации» [16] с целью установления более четких критериев признания лица или организации ино-

странным агентом, в том числе и источников их финансирования. Установить судебный порядок признания СМИ иностранным агентом и предусмотреть возможность обжалования решения суда по данной категории дел. Такие изменения повлекут внесение дополнений в уголовное и административное законодательство в части привлечения к юридической ответственности СМИ и их представителей.

Таким образом, право на свободу мысли и слова предполагает плюрализм мнений в государстве и является важной составляющей нормальной, открытой деятельности российского социума и государства, без которого невозможно полноценное функционирование социальных элементов страны, развитие гражданского, политически грамотного общества, дальнейшее развитие демократии.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/
4. Эктумаев А. Б. О месте свободы слова в системе конституционных прав и свобод // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 5 (95). DOI: 10.23670/IRJ.2020.95.5.068
5. Большаков Л. М. Значение конституционной свободы слова для реализации прав и свобод человека, развития гражданского общества и правового государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 4. С. 62–67. DOI: 10.14529/law180411
6. Процевский В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А. Влияние конституционных норм-принципов на конституционную экономику // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 5 (186). С. 89–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.089-097
7. Worldwide Press Freedom Index. URL: <https://rsf.org/en/index>
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
10. Хижняк В. С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное пра-

во». Саратов, 1998. 222 с.

11. Гаджиева З. Р. Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право». М., 2013. 170 с.

12. Травников Н. О. Конституционно-правовой анализ понятия «право на информацию» // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 18–22.

13. Андреев С. Д., Безуглая А. А. Право на свободу мысли и слова и его пределы в Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 5 (132). С. 57–60.

14. Третьяков В. Свобода русского слова // Российская газета. 19 ноября 2003 г. № 3349. URL: <https://rg.ru/2003/11/19/smi.html>

15. Большаков Л. М. Пределы ограничения свободы слова в целях защиты конституционного строя // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 1. С. 67–72. DOI: 10.14529/law180111

16. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 29 декабря 2022 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/

17. Федоров А. Д. Роль уполномоченного по правам человека в Российской Федерации при защите конституционных прав граждан на свободу мысли и слова // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 1 (11). С. 86–89.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the national vote on July 01, 2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (In Russ.).

2. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (In Russ.).

3. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (In Russ.).

4. Ektumaev A. B. O meste svobody slova v sisteme konstitutsionnykh prav i svobod [On the place of freedom of speech in the system of constitutional rights and freedoms]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, no. 5 (95). DOI: 10.23670/IRJ.2020.95.5.068 (In Russ.).

5. Bolshakov L. M. Znachenie konstitutsionnoi svobody slova dlya realizatsii prav i

svobod cheloveka, razvitiya grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The meaning of constitutional freedom of speech for the realization of human rights and freedoms, the development of civil society and the rule of law]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 62–67. DOI: 10.14529/law180411 (In Russ.).

6. Protsevsky V. A., Gorlov E. V., Zaporozhets S. A. Vliyanie konstitutsionnykh norm-principov na konstitutsionnyu ekonomiku [Influence of constitutional norms-principles on the constitutional economy]. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 5 (186), pp. 89–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.089-097 (In Russ.).

7. Worldwide Press Freedom Index. URL: <https://rsf.org/en/index>

8. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 16, 2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (In Russ.).

9. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on March 25, 2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (In Russ.).

10. Khizhnyak V. S. Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na informatsiyu v Rossiiskoi Federatsii [The constitutional right of a person and a citizen to information in the Russian Federation. Cand. Dis. (Legal Sci.). Saratov, 1998. 222 p. (In Russ.).

11. Gadzhiyeva Z. R. Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na informatsiyu o deyatelnosti organov gosudarstvennoi vlasti i organov mestnogo samoupravleniya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [The constitutional right of a person and a citizen to information about the activities of public authorities and local governments in the constituent entities of the Russian Federation]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2013. 170 p. (In Russ.).

12. Travnikov N. O. Konstitutsionno-pravovoi analiz ponyatiya «pravo na informatsiyu» [Constitutional and legal analysis of the concept of "right to information"]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 4 (97), pp. 18–22. (In Russ.).

13. Andreev S. D., Bezuglaya A. A. Pravo na svobodu mysli i slova i ego predely v Rossiiskoi Federatsii [The right to freedom of thought and speech and its limits in the Russian Federation]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2021, no. 5 (132), pp. 57–60. (In Russ.).

14. Tret'yakov V. Svoboda rossiyskogo slova [Freedom of the Russian word]. *Rossiiskaya gazeta*. November 19, 2003. No. 3349. URL: <https://rg.ru/2003/11/19/smi.html> (In Russ.).

15. Bolshakov L. M. Predely ogranicheniya svobody slova v tselyakh zashchity konstitutsionnogo stroya [Limits of restriction of freedom of speech in order to protect the constitutional system]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 67–72. DOI: 10.14529/law180111. (In Russ.).

16. On the mass media: Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No.

2124-1 (as amended on December 29, 2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (In Russ.).

17. Fedorov A. D. Rol' upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii pri zashchite konstitutsionnykh prav grazhdan na svobodu mysli i slova [The role of the commissioner for human rights in the Russian Federation in protecting the constitutional rights of citizens to freedom of thought and speech]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2013, no. 1 (11), pp. 86–89. (In Russ.).

Информация об авторах

В. А. Процевский – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Трудовое право», Юридический институт, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия.

Е. В. Горлов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Международное, морское и таможенное право», Юридический институт, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия.

А. А. Шириня – студент 3 курса, Юридический институт, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия.

Information about the authors

V. A. Protsevsky – Doctor of Law, Professor, Professor of the Labor Law Department, Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

E. V. Gorlov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International, Maritime and Customs Law, Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

A. A. Shirinya – 3rd year student, Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 83–96.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 83–96.

Научная статья

УДК 329.05:324(470+571)"20"

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/83-96>

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ 2016 И 2021 гг.

Антон Антонович Прасов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,

Институт общественных наук, Москва, Россия, prasovana@gmail.com,

<https://orcid.org/0009-0004-4530-4136>

Аннотация. В статье анализируется нынешнее состояние образов парламентских политических партий за последние пять лет посредством сравнения их активности в предвыборные периоды 2016 и 2021 гг. В ней представлены факторы, влияющие на образ парламентских политических партий во время электоральных кампаний 2016 и 2021 гг. Основными источниками исследования являются опросы и экспертные оценки, а также предвыборные программы, анализируемые для понимания, идеологического контекста и того, насколько актуальна для российских парламентских политических партий привязка к идеологическому контексту в современных политических условиях. Результаты данной работы могут быть полезны для использования в области политических (политического манипулирования, политического имиджмейкинга) и социальных исследований.

Ключевые слова: политические партии, политический образ, политические мифы, политические ценности, исследование программ партий, предвыборные программы, политические идеологии, политическое сознание, политические технологии, электоральный процесс

Для цитирования: Прасов А. А. Проблема изучения современного состояния образа политических партий на примере выборов в Государственную Думу РФ 2016 и 2021 гг. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 83–96.

Original article

THE PROBLEM OF STUDYING THE CURRENT STATE OF THE IMAGE OF POLITICAL PARTIES ON THE EXAMPLE OF ELECTIONS TO THE STATE DUMA IN 2016 AND 2021

Anton Antonovich Prasov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Institute of Social Sciences, Moscow, Russia,
prasovana@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4530-4136>

Abstract. The author analyzes the current state of parliamentary political parties' images over the past five years by comparing the parties' images through comparison of their activity during the pre-election periods in 2016 and 2021. The article provides a brief explanation of the factors influencing the image of parliamentary political parties during the electoral campaigns of 2016 and 2021. The main sources of research are surveys and expert assessments regarding the perception of political parties in society based on political myths and stereotypes, as well as pre-election programs analyzed in the article to understand the ideological context and to understand how relevant the attachment to the ideological context is for Russian parliamentary political parties in modern political conditions.

The conclusions of this work can be useful for research in the field of political (political manipulation, political image-making) and social research.

Keywords: political parties, political image, political myths, political values, research of party programs, election programs, political ideologies, political consciousness, political technologies, electoral process

For citation: Prasov A. A. The problem of studying the current state of the image of political parties on the example of elections to the State Duma in 2016 and 2021 // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 83–96.

Современные явления и события требуют от политических партий гибкости и подстраивания под реалии времени. Это находит отражение в корректировке политических программ партий, рекрутировании новых членов и подборе популярных политических лидеров, а также усилении пропагандистской деятельности по привлечению новых сторонников. В свою очередь, подобные действия также влияют на образ политической партии, показывают ее идеологическую приверженность, что приводит к противоборству между политическими партиями в электоральных циклах и вне их, а рассмотрение и анализ современного состояния образов и восприятий политических партий представляют бесспорный интерес для политолога.

Рассуждая на тему идеологических концептов в России, исследователи часто сталкиваются с проблемой понимания того, как корректно верифицировать политические течения, лозунги и партии с классическими положениями той или иной политической идеологии [1, с. 157; 2, с. 487]. Подобная проблематика неудивительна: в настоящее время изменились не только идеологии, но и понимание идеологий. Так, для лучшего утверждения в обществе в условиях большого потока информации и широкого разнообразия каналов ее передачи идеологии вынуждены конкурировать за внимание к себе, принимая формы все более массовых идеологических концепций, вовлекая в свои ряды новых участников и сторонников [3, с. 86]. Им приходится активно использовать различные инструменты и технологии, нацеленные на выполнение краткосрочных задач, особенно в период выборов [4, с. 3]. Подобные трансформации меняют приоритеты каналов воздействия на сознание индивидуумов, корректируют приоритеты использования инструментария и методологии конструирования политической идеологии, где догматика сменяется более гибкой системой – политической мифологией [5, с. 87].

Именно политическая мифология становится важным инструментом политической идеологии по развитию и генерированию идеологием, тем самым меняя фокус исследования, проводимого в рамках политологической науки, в понимании того, какие аспекты все больше влияют на политическое сознание.

Преимущества политического мифа лежат в его иррациональной, бессознательной природе, где стереотипные представления индивидуумов позволяют размывать барьеры между реальностью и фантазией, совершать манипулятивные воздействия на сознание людей без опоры на архаичную догматику, свойственную политическим идеологиям [6, с. 50]. К такого рода гибкому инструменту прибегают самые разные политические акторы, среди которых политические лидеры и политические партии. Они помогают адаптировать лозунги, которые приходят в виде запроса от населения, что является бесспорным преимуществом в условиях быстро изменяющихся реалий и необходимости перестраивать политическую активность партии и ее программно-целевую повестку.

Политические мифы окружают партию, связывают ее с электоратом, представляя населению свое видение на события в мире, позволяющее определить степень эмпатии к политической партии (от принятия до отторжения ее ценностей и лозунгов).

Образ политических партий, выстраивающихся на политических мифах и идеологическом пласте, в современном мире, и в частности в России, есть довольно динамичное явление. Особенно ярко это проявляется в электоральные периоды, когда политическое мифотворчество гораздо активнее используется членами политических партий для усиления своих позиций, что нередко приводит к разнице в

видении образа партии в целом с ее программными тезисами и лозунгами, декларируемыми на выборах.

На наш взгляд, подобная проблематика становится все очевиднее, что видно по «тихой» электоральной кампании в Государственную Думу (ГД) в 2021 г.

Подобное связано с многими параметрами, некую тенденцию, согласно которой программная риторика парламентских партий становится все менее подверженной собственному сконструированному идеологическому образу, постепенно заменяя мифы, привязанные к идеологии, на мифы универсального характера. Подобные изменения можно отследить, анализируя динамику трансформации партийных электоратов парламентских партий [7]. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть изменения, произошедшие в образе парламентских политических партий, сопоставив их с прошлыми выборами в ГД 2016 г.

Прежде всего стоит кратко охарактеризовать специфику самих выборов и изменения, произошедшие в них. Так, в выборах 2021 г. это успех партии-дебютанта «Новые люди», сумевшей пройти в ГД, использование системы электронного голосования в столице и ряде регионов, использование метода трехдневного голосования.

Отметим, что в рамках нашего исследования партия «Новые люди» не будет включена в сравнительный анализ динамики изменения образа политической партии по причине относительной молодости партии (возникла только в 2020 г.). Отсюда следует ее неучастие в думских выборах 2016 г. и отсутствие бэкграунда в отличие от прочих парламентских и непарламентских партий [8].

Один из этапов анализа прошедших выборов и соотнесения кампаний 2016 и 2021 гг. заключается в установлении факторов, влияющих на конструирование образа политических партий, их восприятие населением и привлекательность в глазах избирателя. В 2016 г. таким фактором в выборах в ГД все еще являлся «крымский консенсус», из-за которого рейтинги популярности «Единой России» (ЕР) оставались довольно высокими (по данным ВЦИОМ, 41% на 11 сентября 2016 г.). Другие значимые факторы, такие как события 2014 г. с начинающимися экономическими проблемами вкупе с санкциями со стороны ЕС и США, не возымели столь сильного эффекта на видение населением образа партии власти, возможно, из-за сформировавшегося «оборонительного уклона в умонастроениях значительного числа россиян» [9, с. 138].

Рейтинги других парламентских партий в результате внедрения смешанной избирательной системы, низкой явки на выборы (47,8%), а также вялотекущего предвыборного процесса оценивались населением довольно низко вплоть до итогов выборов в ГД 2016 г. Так, на 11 сентября 2016 г. «Либерально-демократическую партию России» (ЛДПР) поддерживали 12,6%; «Коммунистическую партию Российской Федерации» (КПРФ) – 7,4%; «Справедливую Россию» (СР) – 6,3%. Итоги выборов не сильно изменили данную картину: ЛДПР – 13,1%; КПРФ – 13,3%; СР – 6,2% [10].

За 5 лет до старта выборов в ГД 2021 г. ключевыми событиями, влияющими на восприятие населением образа партий, стали: 1) усугубляющийся экономический кризис последних лет, 2) пенсионная реформа 2018 г., 3) пандемия Covid-19 и 4) поправки в Конституцию РФ в 2020 г. Так, первые два фактора были причиной снижения популярности правящей партии, особенно после принятия пенсионной реформы, а последний фактор ассоциировался у населения с одобрением политики и курса действующего президента и социально-экономическими ориентациями поправок в Конституцию РФ, поэтому он был слабо привязан к образу и восприятию населением изменений в Конституцию как проекта ЕР [11].

Тем не менее влияние данных факторов парадоксальным образом незначительно сказывается на популярности партии ЕР и в то же время кардинально не меняет отношения населения к другим парламентским политическим партиям. Так, рейтинг одобрения партий на момент предвыборной гонки в ГД 2021 г. демонстрировал следующие показатели: ЕР – 37%; КПРФ – 17%; ЛДПР – 13%; «Справедливая Россия–Патриоты–За правду» (СРПЗП) – 10% [12]. Итоги выборов представлены в следующем порядке: ЕР – 49,8%; КПРФ – 18,9%; ЛДПР – 7,5%; СРПЗП – 7,4%.

По нашему мнению, отсутствие значительных изменений по отношению к партиям за последние годы объясняется распространением мнений об отсутствии интереса и доверия к парламентским политическим партиям среди большей части населения, что, в свою очередь, связано с преобладанием политических мифов и стереотипов по отношению к такому явлению, как политическая партия [13].

Это подтверждается и другими оценками различных экспертов и экспертных сообществ. Так, В.К. Саблин считает, что «смысловые сигналы, речевые модули по различным возрастным и социальным группам, доносимые до людей политическими партиями и кандидатами, в большей степени носили слабый и формализованный характер. Их коэффициент эффективности под большим вопросом» [7].

Подобные взгляды населения на политические партии связаны во многом с разочарованием от отсутствия существенных результатов в деятельности ГД на протяжении нескольких созывов, что дополнительно провоцирует и усиливает отчужденность и недоверие по отношению к политическим партиям, несмотря на политический окрас или положение в структуре политической власти той или иной партии.

Рассматривая образы парламентских политических партий, сошлемся на исследование, представленное «Левада-Центром»^{*} в рамках опроса населения по изучению «Образы парламентских партий в общественном сознании» [14], где приводятся характерные для каждой из партий мифологемы и стереотипы.

^{*} АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

1. В глазах сторонников ЕР воспринимается партией, «оказывающей значительное влияние на общественно-политическую жизнь страны и предлагающей лучшее решение проблем, стоящих перед Россией», отстаивающей интересы олигархии (40%), бюрократии (23%) и силовых структур (23%). Сторонники партии связывают свою поддержку ЕР с голосованием «по привычке» (22% в 2016 г., 39% в 2021), с олицетворением ее как «партия большинства» (27% в 2016 г. и в 2021 г.), а также с симпатией к ее ценностям (19% в 2016 г., 24% в 2021).

2. Образ КПРФ, по мнению ее сторонников, складывается как образ партии, «предлагающей полезные решения для решения проблем в стране, способной бороться за место в ГД и влиять на общественную и политическую жизнь в стране», защищающей интересы рабочих (33%), «среднего класса» (19%) и бедных слоев населения (18%). Среди причин поддержки партии сторонники называют согласие с ценностями партии (38% в 2016 г., 36% в 2021 г.), поддержку «по привычке» (29% в 2016 г., 31% в 2021 г.), способность партии защитить интересы людей (27% в 2016 г., 30% в 2021 г.).

3. Сторонники ЛДПР видят в партии организацию, «представляющую важные решения проблем, способную попасть в ГД». В то же время сторонники ЛДПР меньше остальных уверены в значительности влияния партии на общественно-политическую жизнь государства (всего 20%). Неоднозначные оценки сторонники дают категориям населения, на которые опирается партия. Среди них средний класс (20%), категория «просто населения» (20%), молодежь (14%), а 26% затруднились в определении группы сторонников партии.

Главным фактором поддержки партии сторонники ЛДПР назвали симпатию к лидеру (лидерам) партии (51% в 2016 г., 45% в 2021 г.), симпатию к программным заявлениям партии (30% в 2016 г., 28% в 2021 г.), поддержку партии «по привычке» (20% в 2016 г., 26% в 2021 г.).

4. Образ СРПЗП, несмотря на отсутствие большого количества сторонников партии, выстраивается как у партии, «имеющей шансы пройти в ГД, способной представить востребованные решения проблем в стране и обладающей определенным влиянием в политике страны». Также дана самая неоднозначная оценка о базе поддержки партии (37% затруднились ответить на вопрос). Среди выделенных – это «простые люди» (18%) и средний класс (17%). Сторонники партии симпатизируют ее ценностям (34% в 2016 г., 39% в 2021 г.), лидерам (19% в 2016 г., 32% в 2021 г.) и деятельности по защите интересов электората (29% в 2016 и 2021 гг.).

Приведенные цифры свидетельствуют о фактическом размытии идеологической структуры партий [4, с. 5]. Особенно ярко это проявляется на видении самих сторонников относительно электоральной базы всех четырех партий, где невозможно провести разграничительную линию, отделяющую одну группу сторонников

партии ЕР (для примера, чиновники) от группы сторонников партии КПРФ (например, рабочие). И в той и другой ситуации говорится об очень близких по социальному статусу группах населения, если брать во внимание довольно размытые характеристики различных социальных групп, разных по статусу даже внутри них самих (например, доход и социальный статус сотрудника младшей должности муниципальной службы не равен доходу и социальному статусу главной должности муниципальной службы) [15]. А включение «среднего класса», казалось бы, идеологически разными Партиями КПРФ и ЛДПР в собственное электоральное ядро лишний раз подчеркивает отход российских политических партий от идеологического нарратива в сторону популизма.

Данные здесь характеристики относительно образа политических партий не позволяют однозначно оценить ни электоральную базу, ни идеологическую окраску деятельности политических парламентских партий. В качестве объяснения подобных тенденций можно выдвинуть гипотезу о гомогенизации партийного пространства в современной России. На наш взгляд, парламентские политические партии, представленные в ГД более одного созыва, идентифицируют себя как неотъемную часть политического ландшафта, исходя из чего их деятельность приобретает более консервативный характер при неформальном сближении повесток формально конкурирующих между собой партий.

Эти факторы сказываются и на том, как партии перестраивают свой политический образ. Так, прежде всего это отражается на предвыборных программах партий, влияя одновременно на их качество и акценты, которые ставят партии при разработке положений предвыборной программы. В качестве наиболее релевантного источника, обозначающего позиционирование политических партий перед избирателями, стоит выделить их предвыборные программы.

В анализе предвыборных программ партий, прошедших в ГД в 2021 г., группой ЭИСИ было предложено рассмотреть наиболее часто упоминаемые тематики, использованные в предвыборных программах партий, что соответствует ценностным ориентациям партий и их электоральной базы. Группой ЭИСИ [16] установлено, что в программах основных парламентских политических партий центральной стала социально-экономическая повестка [17]: доступность и реализация прав в сфере образования/культуры (12 упоминаний); удовлетворение запросов на здравоохранение и изменение в налоговой политике государства (11 упоминаний); улучшение экологической обстановки и работа над пенсионной политикой (10 упоминаний); регулирование системы ЖКХ/жилищной политики и увеличение расходов на научную сферу (9 упоминаний).

Похожая ситуация сложилась в предвыборной агитации у партий в 2016 г. Для них характерен уклон в социально-экономическую тематику. В анализе предвыборных программ партий, проведенном Д.И. Северухиной, основным критерием

исследования был выделен ценностный фактор, отраженный в списке из 12 превалирующих ответов [18, с. 3]. Так, в качестве ценностей были определены: 1. «Свобода»; 2. «Патриотизм»; 3. «Равенство»; 4. «Экономическое благосостояние»; 5. «Приоритет традиционных и семейных ценностей»; 6. «Справедливость»; 7. «Обеспечение обороноспособности страны»; 8. «Толерантность»; 9. «Усиление роли религии»; 10. «Права человека»; 11. «Обеспечение безопасности внутри страны (борьба с преступностью)»; 12. «Политический плюрализм (возможность существования различных политических взглядов)».

В программе ЕР [19] количество упоминаний экономического благосостояния составило 46,08% от общего количества упоминаний всех остальных ценностей; у ЛДПР (самое высокое значение из всех партий) – 52%; у СР – 27,41%; у КПРФ – 25,53% [18, с. 8].

Подобные показатели демонстрируют, насколько сильно политические партии становятся подвержены популизму в попытке сохранить свое положение в политической жизни страны. Однако, говоря о предвыборных программах, стоит отметить, что многие партии при их разработке ограничиваются лишь декларированием самой цели, не погружаясь в описание механизмов реализации [16]. Для большинства программ характерно отсутствие или нарушение логики и структуры, многие из них носят декларативный характер без указания конкретных шагов и способов решения. Другими словами, программы носят популистский характер, а решение проблем страдает от абстрактности и гипотетичности [20].

Существует и другая проблема, связанная с непосредственным качеством предвыборных программ партий. По мнению аналитиков, положения предвыборных программ некоторых политических партий продолжают кочевать из одной программы в другую. К примеру, программа КПРФ, названная «Десять шагов к власти народа–2021», во многом повторяет положения предвыборной программы «Десять шагов к достойной жизни–2016» [21]. Такой подход характерен и для программ ЛДПР и СРПЗП [22].

Особый интерес представляет динамика изменений в концепции партии СРЗРП, так как именно она декларировала модернизацию своей повестки как результат интегрирования двух непарламентских партий. Необходимо отметить, что при сравнении программ 2016 и 2021 гг. наибольшие изменения претерпела преамбула, отображающая основные принципы, на которые опирается партия. В данной части документа партия особенно отмечает свой патриотизм. Рассматривая же непосредственно основную часть программы «Справедливой России» в 2016 г. и СРЗРП в 2021 г., можно найти идентичные цифры доли бюджета, необходимой на науку и образование (около 7% расходов), а также долю в бюджете в 3%, необходимую для развития культуры [23, с. 5].

Схожая картина наблюдается в разделе, касающемся снижения налогов. Однако

есть и различия, ключевым из которых является утроение предполагаемого размера МРОТ со 100 рублей в час по программе 2016 г. до 300 рублей по программе 2021 г. [24, с. 6]. При этом основные ценностные направления остаются неизменными, как и спектр направлений, в которых они развиваются, а дополнения, вносимые в соответствии с заявленной на тот момент повесткой (в частности, отказ от пенсионной реформы), не выходят за рамки предыдущих партийных проектов.

В итоге анализ эволюции программ данной партии показывает низкий уровень стремления к изменению своей повестки. Изложенное позволяет выдвинуть гипотезу о стремлении СРЗРП к консерватизму в вопросах развития партии даже при заметных внешних трансформациях. Резюмируя же образ партии, который она пытается создать, следует выделить несколько наиболее ярких стержневых пунктов, таких как позиционирование себя как социал-демократов с элементами солидаризма.

При разборе программ других основных парламентских партий можно выделить ряд общих сходств и различий с программой СРПЗП. Отличие программ трех оставшихся парламентских партий, присутствующих в ГД более одного созыва – перенос акцента в гораздо большей степени на внешнюю политику государства, на связь партии с ней. В целом данный ход можно интерпретировать как попытку лишний раз идентифицировать себя с государством, показав свою приверженность ему даже в вопросах, в меньшей степени являющихся предметом ведения ГД. Кроме того, зачастую именно апелляция к истории своей работы в парламенте является существенным элементом собственных политических образов, выраженных и в программах, где особенно в этом смысле выделяется программа ЛДПР [25, с. 4].

Тенденция к сохранению политической парадигмы и сути своих проектов проявляется в программах партий не в меньшей степени, чем у СРЗРП, что позволяет сделать вывод об общей тенденции к консервации имиджа партий-долгожителей в современной России. Также, несмотря на сильную разницу в используемых символах, партии в вопросе выбора основных тем для своей повестки, проявляют заметную схожесть: защита наименее обеспеченных слоев населения, реформы налоговой системы и увеличение объема инвестиций в экономику страны [26].

Основная разница в образах партий состоит именно в символической сфере, не относящейся к непосредственной компетенции парламента. В частности, полем столкновения партий являются исторические события, которые имеют раскалывающий потенциал в обществе. Партии способны даже на конфронтацию с общегосударственной линией, в частности в вопросах исторического примирения [27].

В качестве выводов можно привести несколько основных тезисов.

- Базовые положения теории мифов применимы к ситуации в современном парламентаризме в РФ. В качестве основных мифов, влияющих на образ парламентских политических партий, можно указать следующие: символическое значение партий в политической жизни, отсутствие четкого понимания роли политиче-

ских партий, проблема в самоидентификации с идейной повесткой той или иной партии, популизм и отсутствие реальных результатов деятельности партии.

- Тенденция к гомогенизации политической жизни в РФ влияет и на образы партий, в значительной степени унифицировавшие свои основные тезисы, которые прежде всего ориентируются на пропаганду социально-экономических тематик, непосредственно находящие свое отражение в программных положениях парламентских партий.

- Важным фактором является сохранение ключевой части своей повестки в неизменном виде. Подобная тенденция характерна для многих парламентских партий, но в особенности для ЛДПР, чья программа остается практически некорректируемой.

Программные положения проявляются в существенном различии символического и практического образов партий, что оказывает влияние и на оценку избирателей, теряющих доверие к парламентской системе в целом.

Список источников

1. Толпыгина О. А. Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. 2015. № 1. С. 157–171.
2. Головченко В. И. О структуре политических идеологий в условиях ценностной конвергенции российских партий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. № 4. С. 487–491.
3. Равочкин Н. Н. Проблема преодоления идеологического плюрализма в современном российском обществе // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 7. С. 85–87.
4. Власова О. Ю. Тенденции развития политических партий в условиях информационного общества // Studia Humanitatis. 2021. № 1. DOI: 10.24411/2308-8079-2021-00002
5. Рязанова С. В. Политический миф как явление: вчера, сегодня и всегда // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 5. С. 86–91.
6. Ершов Ю. Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 48–53.
7. Выборная кампания в Госдуму 2021 г. VS 2016 г. URL: <https://expert-club.online/news/vybornaya-kampaniya-v-gosdumu-2021-g-vs-2016-g/>
8. Партия «Новые люди» проходит в Госдуму 2021: кто это такие, что предлагают. URL: <https://top-rf.ru/people/614-politiki.html>
9. Холодильник vs. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г. / А. Н. Щербак, Д. О. Смирнова, Е. П. Озернова, Е. В. Лепешко, А. П. Купка, А. Н. Калинин // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 137–155.

10. Последние предвыборные рейтинги. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/poslednie-predvybornye-rejtingi>
11. Steshin P. Russia Briefing: In Anticipation of the 2021 Legislative Elections. URL: <https://www.hkstrategies.com/en/russia-briefing-in-anticipation-of-the-2021-legislative-elections/>
12. Электоральные рейтинги партий и президента. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/09/elektoralnye-rejtingi-partij-i-prezidenta/>
13. ВЦИОМ: Только треть респондентов заявляют об интересе к той или иной политической партии. URL: <https://tass.ru/politika/10452101>
14. Образ парламентских партий в общественном сознании. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/28/obraz-parlamentskih-partij-v-obshhestvennom-soznanii/>
15. Статья 8. Классификация должностей муниципальной службы. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/1428a9c99a37af1274d7c21bf0b288035a7019a4/
16. Эксперты ЭИСИ сравнили предвыборные программы партий. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3354546.html>
17. Предвыборная программа Партии «Единая Россия», 2016. 111 с. URL: <https://permkrai.er.ru/media/userdata/files/2016/08/03/240616-1.pdf>
18. Северухина Д. Д. Контент-анализ программ политических партий для выявления преобладающих ценностей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 107–111.
19. Предвыборная программа Партии «Единая Россия», 2021. 4 с. URL: <https://er.ru/media/documents/August2021/L4Sk4t74UXKF1MG1oFjh.pdf>
20. Эксперты назвали партии с самыми несодержательными программами. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6134c1909a7947d026c6de49>
21. Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html>
22. Программное многоборье. Эксперты фонда «Особое мнение» оценили содержательность предвыборных партийных манифестов. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/09/07/6134c1909a7947d026c6de49>
23. Предвыборная программа партии Справедливая Россия, 2016. 13 с. URL: https://mironov.ru/wp-content/uploads/2015/10/25_spravedlivyh_zakonov.pdf
24. Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», 2021. 6 с. URL: <https://storage.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf>
25. Программа ЛДПР. М.: ЛДПР, 2016. 64 с. URL: http://www.kurgan.izbirkom.ru/etc/programma_ldpr.pdf

26. Десять шагов к власти народа. Предвыборная программа Коммунистической партии Российской Федерации на выборах в Государственную думу ФС РФ VIII созыва. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html>

27. Публицист Иван Мизеров: о примирении. URL: <https://kprf.ru/party-live/opinion/166858.html>

References

1. Tolpygin O. A. Transformatsiya ideologicheskoi funktsii politicheskikh partii v sovremennoi Rossii [Transformation of the ideological function of political parties in modern Russia]. *Politicheskaya nauka*, 2015, no. 1, pp. 157–171. (In Russ.).

2. Golovchenko V. I. O strukture politicheskikh ideologii v usloviyakh tsennostnoi konvergentsii rossiiskikh partii [On the structure of political ideologies in the conditions of the value convergence of Russian parties]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, no. 4, pp. 487–491. (In Russ.).

3. Ravochkin N. N. Problema preodoleniya ideologicheskogo plyuralizma v sovremennom rossiiskom obshchestve [The problem of overcoming ideological pluralism in modern Russian society]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2016, no. 7, pp. 85–87. (In Russ.).

4. Vlasova O. Yu. Tendentsii razvitiya politicheskikh partii v usloviyakh informatsionnogo obshchestva [The development trends of political parties in the conditions of the information society]. *Studia Humanitatis*, 2021, no. 1. DOI: 10.24411/2308-8079-2021-00002 (In Russ.).

5. Ryazanova S. V. Politicheskii mif kak yavlenie: vchera, segodnya i vseгда [Political myth as a phenomenon: yesterday, today and always]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, 2016, no. 5, pp. 86–91. (In Russ.).

6. Ershov Yu. G. Mify v ideologii i politike [Myths in ideology and politics]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, 2015, no. 5 (55), pp. 48–53. (In Russ.).

7. The elected campaign in the State Duma of 2021 VS 2016 URL: <https://expert-klub.online/news/vybory-na-v-gosdumu-2021-vs-2016-g/> (In Russ.).

8. The New People party takes place in the State Duma 2021: who are it that they offer. URL: <https://top-rf.ru/people/614-politiki.html>. (In Russ.).

9. Shcherbak A. N., Smirnova D. O., Ozernova E. P., Lepeshko E. V., Kupka A. P., Kalinin A. N. Kholodil'nik vs. televizor? Ekonomicheskoe golosovanie na vyborah v Gosudarstvennyuyu dumu RF 2016 g. [Refrigerator vs. TV? Economic voting in the State Duma of the Russian Federation of 2016]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 2017, no. 3, pp. 137–155. (In Russ.).

10. The last election ratings. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheshi-obzor/poslednie-predvybornye-rejtingi> (In Russ.).

11. Steshin P. Russia Briefing: In Antiicipation of the 2021 Legislative Elections. URL: <https://www.hkstrategies.com/en/russia-briefing-in-onticipation-the-2021-legislative-elections/>
12. The electoral ratings of parties and the president. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/09/elektoralnye-rejtingi-partij-i-prezidenta/> (In Russ.).
13. All-Russian Cinthrough Studying General: Only a third of the respondents declare interest in a particular political party. URL: <https://tass.ru/politika/10452101> (In Russ.).
14. The image of parliamentary parties in public consciousness. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/28/obraz-parlamentskih-partij-v-obshhestvennom-soznani/> (In Russ.).
15. Article 8. Classification of the posts of municipal service. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_66530/1428a999a37AF1274D7C21BF0B288035A7019A4/ (In Russ.).
16. EISI's experts compared the pre-election programs of parties. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3354546.html> (In Russ.).
17. The pre-election program of the party "United Russia", 2016. 111 p. URL: <https://permkrai.er.ru/media/userdata/files/2016/08/03/240616-1.pdf> (In Russ.).
18. Severukhina D. D. Kontent-analiz programm politicheskikh partii dlya vyavleniya prevaliruyushchikh tsennostei [Content-analysis of the programs of political parties to identify prevailing values]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2017, no. 12, pp. 107–111. (In Russ.).
19. The pre-election program of the party "United Russia", 2021. 4 p. URL: <https://er.ru/media/documents/august2021/14sk4t74t74ut74ut74ut74ut1mg1omg1ofjh.pdf> (In Russ.).
20. Experts called parties with the most inconsistent programs. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6134C1909A7947D026C6DE49> (In Russ.).
21. Ten steps to a decent life. Emergency program of the Communist Party of the Communist Party. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html> (In Russ.).
22. Software all -around. Experts of the Special Opinion fund assessed the content of election party manifestos. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/09/07/6134C1909A7947D026C6DE49> (In Russ.).
23. The pre-election program of the party Fair Russia, 2016. 13 p. URL: https://mironov.ru/wp-content/uploads/2015/10/25_spravedlivyh_zakonov.pdf (In Russ.).
24. The election program of the Socialist political party "Fair Russia – Patriots – for Truth", 2021. 6 p. URL: <https://storage.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (In Russ.).
25. LDPR program. Moscow: LDPR Publ., 2016. 64 p. URL: http://www.kurgan.izbirkom.ru/etc/programma_ldPr.pdf (In Russ.).

26. Ten steps to the power of the people. The election program of the Communist Party of the Russian Federation in the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation VIII convocation. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html> (In Russ.).

27. Publicist Ivan Mizerov: On reconciliation. URL: <https://kprf.ru/partylive/opinion/166858.html> (In Russ.).

Библиографический список

1. 20 лет Путина: трансформация силовиков. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/21/809260-transformatsiya-eliti>

2. Аналитики оценили число миллионеров в регионах. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/09/2021/61375b869a7947129801f4e3>

3. Минфин назвал общую численность чиновников в России. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2019/5d8868bb9a7947414a3753bd>

Информация об авторах

А. А. Прасов – аспирант, аспирант кафедры политологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Information about the authors

A. A. Prasov – post-graduate student, post-graduate student of the Department of Political Science of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 97–105.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 97–105.

Научная статья

УДК 327((470+571):519.3)"20"

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/97-105>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ РОССИИ К КНДР В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Владимир Владимирович Красиков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт права и национальной безопасности, Москва, Россия,
krasikov88@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция подходов Российской Федерации (РФ) к Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) в первые десятилетия XXI в. Акцент сделан на политике Москвы в процессе урегулирования межкорейских отношений, и особенно на ее шагах по разрешению северокорейской ядерной проблемы. Источниками исследования являются соответствующие концепции и стратегии РФ, официальные сайты государственных органов, публикации российских и зарубежных СМИ. Проанализированы причины и неудачи действий Москвы по отношению к КНДР, которые оттолкнули северокорейский режим от России, способствовали еще большей ее международной изоляции. В последнее время Москва принимает меры по укреплению взаимопонимания с Пхеньяном с целью сделать его важным партнером по смягчению напряжения на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии (СВА) в целом. Не всегда эти шаги продуктивны, им не хватает поддержки других стран. В ходе исследования российско-северокорейских отношений автор приходит к выводу, что готовность и желание принимать активное и деловое участие в решении чувствительных проблем Корейского полуострова должны быть основаны на тщательном анализе прежней и нынешней политики по отношению к КНДР. Необходима более глубокая проработка опыта и уроков, особенно неудачных шагов российской дипломатии на северокорейском направлении. Это способствует выработке новых, нестандартных подходов к разрешению острого корейского кризиса.

Ключевые слова: Россия, КНДР, Северо-Восточная Азия, Корейский полуостров, стратегическое планирование, урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова, ядерная программа Северной Кореи, отношения с КНДР, нормализация отношений с Сеулом, политико-дипломатическая активность Москвы.

Для цитирования: Красиков В. В. Трансформация подходов России к КНДР в начале XXI века // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 97–105.

Original article

TRANSFORMATION OF RUSSIA'S APPROACHES TO THE DPRK AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Vladimir Vladimirovich Krasikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Institute of Law and National Security, Moscow, Russia,
krasikov88@mail.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of Russia's approaches to North Korea in the first decades of the 21st century. The emphasis is on Moscow's policy in the process of settling inter-Korean relations, and especially on its steps to resolve the North Korean nuclear problem. The sources of the study include the relevant concepts and strategies of the Russian Federation (RF), official websites of state bodies, and publications of the Russian media. The reasons and failures of Moscow's steps towards the DPRK, which pushed the North Korean regime away from Russia and contributed to its even greater international isolation, are analyzed. Recently, Moscow has been taking measures to strengthen mutual assistance with Pyongyang, with the aim of making it an important partner in easing tensions on the Korean Peninsula and in Northeast Asia as a whole. These steps are not always productive as they lack the support of other countries. While researching Russian-North Korean relations, the author comes to the conclusion that the willingness and desire to take an active and businesslike part in solving the sensitive problems of the Korean Peninsula should rely on a thorough analysis of the previous and current policy towards the DPRK. A profound study of experience and lessons is needed, especially the unsuccessful steps of Russian diplomacy in the North Korean direction. This contributes to the development of new, non-standard approaches to resolving the acute Korean crisis.

Keywords: Russia, Democratic People's Republic of Korea, Northeast Asia, Korean Peninsula, strategic planning, settlement of the nuclear issue of the Korean Peninsula,

North Korea's nuclear program, relations with North Korea, normalization of relations with Seoul, political and diplomatic activity of Moscow.

For citation: Krasikov V. V. Transformation of Russia's approaches to the DPRK at the beginning of the XXI century// Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 97–105.

До начала 1990-х годов сотрудничество двух соседних государств носило союзнический характер на основе Договора между СССР и КНДР (1961 г.). Экономические контакты базировались на долгосрочных межправительственных соглашениях с использованием клиринговой формы взаиморасчетов, что было экономически невыгодно для советской стороны, вело к неудовлетворительной для СССР структуре торгово-экономических связей. В 1990 г. советское правительство пересмотрело характер экономических связей с КНДР.

После развала СССР внешнеполитическая деятельность РФ, в том числе ее дальневосточный вектор, были существенно сужены и ослаблены. В 1990-е годы РФ и Северная Корея были заняты решением внутренних проблем и в новых исторических условиях до конца не определились в своих отношениях. Для этого этапа характерны эпизодические контакты на уровне высокопоставленных дипломатов, активность российских оппозиционных партий, занятых поисками союзников за рубежом, а также ослабление межгосударственных экономических связей и свертывание военно-технического обмена.

Для России отношения с КНДР имели второстепенное значение, им не уделялось необходимого внимания на правительственном, дипломатическом и экономическом уровнях. КНДР, испытывавшая внутриэкономические трудности, подвергшаяся ряду стихийных бедствий, отношения с Россией играли гораздо большую роль.

Из-за экономической слабости и ограниченности своих внешнеполитических действий Россия значительно сократила военную и политическую помощь КНДР. В таких условиях значимость России для КНДР, которая в области политики, а также в экономическом и военном развитии в решающей степени ориентировалась на нашу страну, резко снизилась, что неминуемо обусловило сокращение возможностей Москвы воздействовать на Пхеньян. Россия вследствие утраты своего влияния на КНДР оказалась практически вне зоны процессов урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Вопрос о пересмотре Договора о дружбе 1961 г. еще более ухудшил отношения между странами.

Новый этап политико-дипломатических и экономических отношений с КНДР связан с приходом к руководству Российской Федерацией президента В.В. Путина, который с 2000 г. начинает выстраивать обновленный дальневосточный вектор внешней политики РФ. В основе этого курса на корейском направлении утверждается бо-

лее четкое определение национальных интересов российского государства в Северо-Восточной Азии (СВА). По мнению аналитиков, именно с этим регионом «...связаны долгосрочные двусторонние интересы России как евразийской державы [1, с. 3].

Между двумя странами в начале 2000-х годов активизировался диалог. По инициативе президента В.В. Путина Россия пытается пересмотреть прежние подходы к КНДР. Характер и содержание несколько обновленных отношений Москвы и Пхеньяна были зафиксированы в новом Международном договоре о дружбе и сотрудничестве между РФ и КНДР (2001 г.). В этом Договоре уже отсутствует статья о военно-политическом союзе и не оговорены условия военно-технического сотрудничества двух стран. Российские власти в отношениях с КНДР руководствовались принципами равенства, взаимной выгоды, хотя северокорейская сторона продолжала попытки восстановления прежнего характера отношений: ценам превращение России в экономического донора, а территории, куда направлялась излишняя рабочая сила, в место, откуда КНДР получала бы по заниженным высокoликвидные сырьевые товары – нефть, нефтепродукты, лесоматериалы и др.

Идя на сближение с РФ в новых условиях, Пхеньян по-прежнему заинтересован не только в экономической помощи со стороны России, но и в тесном военно-техническом сотрудничестве с ней. Более того, он надеется на создание совместного с РФ и КНР проекта против системы ПРО США. Пхеньян предлагает создать в СВА многостороннюю организацию по обеспечению безопасности, подобную НАТО в Западной Европе, где КНДР как хорошо вооруженному государству отводилась бы авангардная роль. Однако эти предложения не были поддержаны ни РФ, ни КНР, ни другими странами СВА.

Политико-дипломатическая деятельность Москвы на Корейском полуострове в первый и особенно во второй период президентства В.В. Путина (с 2013 г.) направлена на восстановление политических и экономических позиций и активизацию роли России в этом регионе в последние 2–3 года. Усилия российской дипломатии сегодня направлены на создание здесь политических условий, упреждающих возможность превращения этого региона в очаг геополитических интриг против России и ее интересов.

Перспективными и для России, и для Северной Кореи стали действия в русле исторической традиции, заключающейся в том, что Россия не преследует на этой территории каких-либо корыстных, а тем более экспансионистских целей. Для нее важно, чтобы Северная Корея была независимым, политически и экономически стабильным государством, с которым Россия могла бы поддерживать добрососедские отношения и развивать взаимовыгодное сотрудничество в интересах мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

В Москве отчетливо осознают, что, несмотря на принадлежность РФ и КНДР к разным цивилизациям, политическим и культурным традициям, в целом отношения

между странами остаются дружественными. Неразрывности российско-северокорейских связей способствовал наработанный в прошлые десятилетия опыт советско-северокорейских отношений. Экономические приоритеты и политические интересы стран-соседей, стремящихся к безопасности своих границ, также служили факторами сближения. Хотя до последнего времени российское правительство, учитывая свои экономические интересы, продолжало по инерции больше ориентироваться на Республику Корея. В современных условиях КНДР уже не только не остается за скобками российских внешнеполитических действий, но становится для России важным стратегическим партнером, без которого нельзя решать вопросы региональной безопасности.

На северокорейском направлении перед российской дипломатией остается еще много нерешенных проблем. Это прежде всего логическое последствие той достаточно непростой ситуации, когда Россия зачастую оставалась в стороне от вопросов, требующих ее непосредственного участия. В современных сложных геополитических условиях Москва ведет поиск новых подходов к решению ядерной проблемы, улучшению отношений с КНДР. При поддержке Китая Москва надеется решить важную задачу: вывести КНДР из «оси зла» и показать, что дальнейшее продвижение к взаимопониманию на Корейском полуострове возможно лишь при эффективной международной поддержке этого процесса, без оказания какого-либо политического или иного давления на Северную Корею.

Но вернемся к северокорейской ядерной проблеме. Рано или поздно ее надо решать. Это, казалось, понимают все, кроме самой Северной Кореи.

«Не решив проблему гарантий безопасности постъядерной Северной Кореи, – считает профессор Г.Д. Толорая, – сложно говорить о дальнейшем прогрессе в процессе денуклеаризации Корейского полуострова» [2, с. 77]. Конфликтующим сторонам нужны важные компромиссные решения и, в первую очередь, признание Вашингтоном КНДР в качестве полноценного субъекта мировой политики, а также отказ Пхеньяна от ядерного оружия. Однако администрация США, начиная с Дж. Буша-младшего и заканчивая нынешним руководителем Америки Дж. Байденом, так и не выработала, а скорее всего не хочет вырабатывать приемлемые конструктивные подходы к Северной Корее. На смену политике «кнута и пряника» прежних лет пришла «твердолобая» политика устрашения и давления на КНДР. Мало что изменилось и в подходах Пхеньяна к денуклеаризации. Режим Ким Чен Ына не идет ни на какие уступки и компромиссы. Его позиция по ядерной проблеме за последние 20 лет практически не изменилась. Такой подход не только не перспективен, но, по сути, является тупиковым.

Однако времена меняются. Формирующаяся по-новому архитектура международных отношений в СВА начинает все больше влиять на ситуацию на Корейском полуострове, где наблюдается перегруппировка основных политических сил. Юж-

ная Корея все сильнее втягивается в орбиту США, а Северная Корея остается на распутье: продолжать ли развивать свою ядерную программу или разоружаться и решать острые социально-экономические проблемы.

Жизненная необходимость выхода из изоляции, реформирование внутренней социально-экономической жизни диктуют руководству КНДР задачу корректировать свою политику, в том числе отношение к ядерной программе в условиях ослабления влияния США в АТР. В условиях действенной поддержки Москвы и Пекина в ближайшие годы Пхеньян может получить реальные гарантии для своей безопасности. При более благоприятной обстановке на корейской земле у северо-корейского режима может появиться шанс выхода из тупика. Этому будет способствовать и возможный реальный процесс переформатирования системы безопасности в СВА, где в ближайшие годы могут возникнуть действенные механизмы и институты развития и безопасности. В их формировании активное участие вместе с Китаем принимает Российская Федерация. В России уверены, что эти механизмы и институты усилят гарантии безопасности и развития КНДР, и она, свернув свои ядерные амбиции, встанет в один ряд с другими народами в борьбе за мир и прогресс.

Итак, прошедшие два десятилетия – время трансформации подходов, болезненного поиска адекватной российской стратегии в отношении КНДР. В этих поисках были и неудачи, и серьезные ошибки. В последнее время эта стратегия стала больше отвечать национальным приоритетам, которые заключаются в сохранении статус-кво на Корейском полуострове, что в целом отвечает интересам безопасности российских дальневосточных территорий. Для России также важно, чтобы, поддерживая дружественные разносторонние отношения с КНДР, не быть втянутой в международный конфликт, который может возникнуть из-за непродуманных действий Пхеньяна.

В этом стремлении Москву стал поддерживать Пекин, который до последнего времени занимал по отношению к КНДР осторожную и выжидательную позицию. В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, зафиксировано беспокойство великих держав ситуацией на Корейском полуострове. В этом заявлении «старая и периферийная» тема вновь актуализирована. Стороны призвали США реальными мерами отвечать на правомерные действия Пхеньяна и создавать условия для цивилизованного диалога США и КНДР [3].

С учетом изложенного разделяем позицию А. В. Лукина и О. С. Пугачевой, что Россия в противовес США должна активнее поддерживать КНДР, «снять озабоченность Пхеньяна в области безопасности и угрозы суверенитета и способствовать выходу КНДР из изоляции, что создаст условия для внутренних экономических и политических изменений. Россия не поддерживает смены режима в КНДР и выражает понимание озабоченности Пхеньяна» [4, с. 13].

Дружеские отношения с КНДР позволяют РФ играть более значимую роль в корейском урегулировании и дают возможность участвовать в выстраивании системы безопасности в СВА. Не надо забывать, что сегодня КНДР – мощное в военно-стратегическом отношении государство, обладающее ядерным оружием и имеющее самую многочисленную армию в АТР (после РФ и Китая).

Сегодня у Северной Кореи и РФ общий главный противник – США. Все больше российских экспертов склоняются к убеждению, что КНДР становится важнейшим геополитическим партнером РФ в Азии в противостоянии формирующемуся военно-политическому союзу США – Япония – Южная Корея. Позицию экспертов разделяют российские дипломаты и политики. Сближение Северной Кореи с РФ создает условия для лучшего маневрирования Пхеньяна, для более автономных его действий в треугольнике РФ – КНДР – КНР.

В свою очередь, России выгодно сбалансированное китайское влияние на Северную Корею. Однако Москве следует учитывать тот факт, что «при условии дальнейшего сближения с Пекином и сохранении конфронтационных отношений с США и Японией Россия может столкнуться с ограниченными возможностями маневрировать в корейском вопросе, так как будет вынуждена принять во внимание базовые интересы безопасности Китая, влияние которого на полуострове значительно выше российского» [5, с. 182–191].

Да, Россия как никогда должна учитывать влияние на КНДР его главного спонсора и даже союзника – Китая. Координация действий по корейскому урегулированию с КНР, своим главным стратегическим партнером, дает России больше шансов на положительное решение корейского кризиса. Совместные действия двух великих держав по такому чувствительному вопросу, как корейское урегулирование в формате «Дорожной карты (2017 г.)», «Российско-китайского плана действия» (2019 г.), а также в сфере других общих инициатив принесет пользу делу мира на корейской земле.

Заключение

На современном этапе для России важна более продуманная, прагматичная политика в отношении Северной Кореи. Она должна быть направлена на восстановление прежних связей, переосмысление полученных уроков. Укрепление новых форм сотрудничества с КНДР должно основываться на незыблемом фундаменте стратегических целей – всестороннем учете и соблюдении национальных интересов России, сбалансированности ее политики в отношении двух корейских государств ради достижения регионального равновесия, а также на умении согласовывать российские национальные интересы с устремлениями других стран региона, проявляя при этом как взаимное уважение, так и способность к предвидению, пониманию диалектики международных отношений в Северо-Восточной Азии.

Список источников

1. Болятко А. В. Дальний Восток: в поисках стратегической стабильности: проблемы национальной безопасности России на Дальнем Востоке и стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока, 2003. 194, [1] с.
2. Толорая Г. Д. У восточного порога России = The eastern threshold of Russia: эскизы корейской политики начала XXI века: монография / Российская академия наук, Институт экономики. М.: Дашков и К°, 2019. 424 с.
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Администрация Президента России. 21 марта 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5920>
4. Лукин А. В., Пугачева О. С. Российские приоритеты и подходы к решению проблем Корейского полуострова // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 3. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013128120019297-7
5. Лукин А. Л. Россия и Корейский полуостров: политический реализм и эмпатия // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 182–191. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.12

References

1. Bolyatko A. V. Dal'nii Vostok: v poiskakh strategicheskoi stabil'nosti: problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii na Dal'nem Vostoke i strategicheskoi stabil'nosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Far East: In Search of Strategic Stability: Problems of Russia's National Security in the Far East and Strategic Stability in the Asia-Pacific Region]. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of the Far East, 2003. 194 p. (In Russ.).
2. Toloraya G. D. U vostochnogo poroga Rossii: eskizy koreiskoi politiki nachala XXI veka [The eastern threshold of Russia. Sketches of Korean politics at the beginning of the XXI century]. Moscow: Dashkov and Co. Publ., 2019. 424 p. (In Russ.).
3. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation, Entering a New Era. *Presidential Executive Office*, March 21, 2023. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5920> (In Russ.).
4. Lukin A. V., Pugacheva O. S. Rossiiskie priority i podkhody k resheniyu problem Koreiskogo poluostrova [Russian Priorities and Approaches to Solving the Problems of the Korean Peninsula]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2022, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013128120019297-7
5. Lukin A. L. Rossiya i Koreiskii poluostrov: politicheskii realizm i empatiya [Russia and the Korean Peninsula: Political Realism and Empathy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2021, no. 3, pp. 182–191. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.12 (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Красиков – аспирант Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Information about the authors

V. V. Krasikov – post-graduate student of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106–116.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 106–116.

ПРАВО

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/106-116>

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ

Виталий Анатольевич Номоконов

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия, nomoconov@tambler.ru

Аннотация. Низкая эффективность традиционных силовых вариантов решения проблемы преступности определяет необходимость поиска более широкого государственного подхода, разработки основ целостной антикриминальной политики. Цель данного исследования заключается в определении методологических и нравственных основ государственного воздействия на преступность. В авторском подходе уголовная политика представлена как важный, но всё же не главный, а подчинённый элемент антикриминальной политики. Исследован аспект, связанный, в частности, с духовно-нравственным наполнением политики в области борьбы с преступностью: воздействие на преступность должно иметь нравственное измерение, средства противодействия должны быть нравственными, а эффективность определяться, помимо прочего, степенью нравственного же воздействия на сознание граждан – как преступивших уголовный закон, так и всех остальных, включая потерпевших. Немаловажное значение должна иметь и нравственная «цена» воздействия на преступность, системы наказаний и её отдельных видов. Автор приходит к выводу, что не только российской, но и зарубежной политике в области противодействия преступности следует измениться радикально, повернуться в сторону всемерного содействия гармонизации общественной жизни, устранения причин возникающих конфликтов, снижения остроты социальных контрастов, обеспечения баланса интересов личности, общества и государства, социальной солидарности. Тенденции, происходящие в антикриминальной политике сегодня, могут иметь негативные, в том числе нравственные, последствия как для страны в целом, так и

для каждого отдельного гражданина. Задача криминологов – видеть возможные криминальные последствия и предупреждать общество об их угрозе.

Ключевые слова: уголовная политика, антикриминальная политика, методологические основы уголовного права, нравственные основы политики

Для цитирования. Номоконов В. А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106–116.

LAW

Original article

ANTI-CRIMINAL POLICY: METHODOLOGICAL AND MORAL FOUNDATIONS

Vitals Anatolyevich Nomokonov

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Federal University,

Doctor of Law, Professor

Vladivostok, Russia, nomokonov@rambler.ru

Abstract. The low efficiency of traditional power options for solving the crime problem determines the need to search for a broader state approach, to develop the foundations of a holistic anti-criminal policy. The purpose of this study is to determine the methodological and moral foundations of state influence on crime. In the author's approach, criminal policy is presented as an important, but still not the main, but a subordinate element of anti-criminal policy. The aspect is investigated, in particular, related to the spiritual and moral content of the policy in the field of combating crime: the impact on crime should have a moral dimension, the means of counteraction should be moral, and the effectiveness is determined, among other things, by the degree of moral impact on the consciousness of citizens - both those who have violated the criminal law and all others, including victims. The moral "price" of the impact on crime, the system of punishments and its individual types should also be of great importance.

The author comes to the conclusion that not only Russian, but also foreign policy in the field of combating crime should change radically, turn towards all-round assistance in harmonizing public life, eliminating the causes of emerging conflicts, reducing the severity of social contrasts, ensuring a balance of interests of the individual, society and the state, social solidarity. The trends taking place in the anti-criminal policy today can have negative, including moral, consequences both for the country as a whole and for each in-

dividual citizen. The task of criminologists is to see possible criminal consequences and warn society about their threat.

Keywords: criminal policy, anti-criminal policy, methodological foundations of criminal law, moral foundations of politics

For citation Nomokonov V. A. Anti-criminal policy: methodological and moral foundations // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 106–116.

Проблема нравственных начал уголовного права и уголовной политики в последнее время стала привлекать всё больше внимания [1; 2]. В конце 2022 г. в Институте сравнительного правоведения и законодательства при Правительстве РФ в рамках научных чтений, посвящённых памяти М. Н. Гернета, состоялось обсуждение проблемы нравственных основ уголовной политики. И хотя был рассмотрен довольно широкий круг вопросов, один из них, на наш взгляд, требовал особого подхода. В области государственного воздействия на преступность возможны две противоположные модели, которые можно обозначить условно как «репрессивно-силовая» и «гуманно-гармоничная». Первая модель является традиционной. Суть её – в опоре на различные варианты государственного принуждения к законопослушному поведению. Она возникла изначально и со временем модифицируется под влиянием тех или иных политических решений. Криминологические исследования показывают прямую зависимость состояния и динамики преступности не столько от хорошей или плохой работы правоохранительных органов, сколько от своеобразия причинного комплекса преступности. Исторически более перспективной представляется гуманно-гармоничная модель, акцентированная на решение социально-гуманитарных проблем в целях минимизирования криминогенных факторов. Однако реальная антикриминальная политика многих государств, в том числе и России, всё же пока мало опирается на эту модель.

Какой быть антикриминальной политике сегодня? Ответ на этот вопрос возможен, в двух основных аспектах: в аспекте цифровизации, информационных технологий. Это очень важный вопрос, и он сейчас широко обсуждается. Но не менее значим и другой аспект, который пока остаётся как бы в тени: каким должно быть духовно-нравственное наполнение этой политики.

Всё большим числом специалистов в области уголовного права и криминологии в мире делается вывод о неэффективности государственного противодействия преступности. Человечество давно и безрезультатно борется с наркоманией, алкоголизмом, коррупцией и другими социальными девиациями. О кризисе наказания как традиционного способа уголовно-правового воздействия уже не говорит только ленивый. Мы снова возвращаемся к поиску ответа на вопрос: какой быть антикриминальной политике. Это должна быть война, борьба, противодействие или кон-

троль? В разное время разные специалисты по-разному отвечали и отвечают на этот вопрос. Характер ответа зависит от того содержания, которое вкладывается в эту политику.

Традиционно политика в области борьбы с преступностью ассоциируется с уголовной политикой, включающей в себя уголовно-правовую, криминологическую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику [3–5]. Хорошо известно, что преступность есть следствие системной деформации как социума, так и отдельных индивидов. Поэтому и воздействие на преступность также должно носить системный характер и включать в себя не только правовые и специально-криминологические, но и политические, организационные, экономические и идеологические меры. Поэтому, вероятно, назрела необходимость обоснования более широкого государственного подхода, разработки основ целостной антикриминальной политики [6, с. 18–26]. При таком подходе уголовная политика может быть представлена как важный, но всё же не главный, а подчинённый элемент антикриминальной политики. До сего дня это, на наш взгляд, пока не сделано.

В широком значении криминологическая политика совпадает с антикриминальной социальной политикой, включает так называемые общесоциальные меры: политические, правовые (правовую политику: конституционные, административные, гражданско-правовые меры), организационные, экономические, социально-культурные, идеологические, образовательно-воспитательные (педагогические), психологические, религиозные.

Общесоциальные меры, по существу, есть меры *не столько против* преступности, сколько «за» утверждение законопослушного ответственного поведения, достойного духовно-нравственного облика граждан. Лучшая профилактика преступности – внедрение и закрепление позитивных факторов, направленных на всестороннее физическое, духовное и материальное развитие населения вообще и каждого гражданина в частности. Преступные варианты поведения замещаются, вытесняются как из сознания, так и реального поведения. Адекватная оптимальная социальная политика государства есть, в то же время, лучшая антикриминальная политика.

Изучение проблемы антикриминальной политики в широком социальном контексте показывает недостаточность традиционных подходов и, соответственно, необходимость более глубокого погружения в предмет с точки зрения сущностных характеристик самой политики и её объекта – преступности.

Антикриминальная политика имеет своим объектом преступность как негативное социальное явление, образованное массой совершаемых преступлений – деяний, выделенных уголовным кодексом из других вредоносных проступков по признаку их повышенной общественной опасности, а также их авторов – виновных лиц и (или) их объединений. Но остаётся вопрос, который криминологи вольно или не-

вольно обходят: а в чём сущность, главная, коренная, особенность преступлений? Часто под ней понимают общественную опасность – причинение преступлениями реального или возможного вреда обществу или личности. Опасными, как известно, могут быть действия малолетних, невменяемых, стихийных сил природы и т.п. Представляется, что любое преступление обладает свойством не только причинять физический, имущественный или политический вред, оно всегда есть *нравственное зло* [7]. Не зря К. Маркс называл преступность нравственной физиономией общества. Но отсюда вытекает важный вывод: если проблема преступности – это прежде всего нравственная проблема, то её *решение также должно находиться главным образом в нравственной же плоскости*. То есть воздействие на преступность должно иметь нравственное измерение, средства противодействия должны быть нравственными, а эффективность определяться, помимо прочего, степенью нравственного же воздействия на сознание граждан – как преступивших уголовный закон, так и всех остальных, включая потерпевших. Немаловажное значение должна иметь и нравственная «цена» воздействия на преступность, системы наказаний и её отдельных видов.

Сегодня в мире явно доминируют две основные тенденции с противоположными векторами – рост технологического могущества и духовно-нравственная деградация. Нынешняя преступность виртуализировалась (цифровизация, роботизация, чипизация). Из двух миллионов преступлений, которые регистрируются в стране, четвертая их часть сегодня совершается с использованием компьютерных технологий. Это порождает проблему повышения уровня цифровой грамотности и технологий противодействия преступности. Но пока остаётся без должного внимания другая, не менее, серьёзная проблема – общая духовно-нравственная деградация людей. Рост технической мощи человечества никак не увязан с адекватной идеологией и нравственностью, способствующей задаче выживания в будущем.

Сегодня Россия переживает острый кризис, который затрагивает буквально все сферы жизни общества и также отражается на состоянии общественной морали. В числе наиболее острых явлений, ослабляющих потенциал гуманизма современной России, по мнению экспертов, включаются: резкая социальная поляризация российского общества; массовая застойная бедность и нищета подавляющей части российского населения; кредитная зависимость значительной части населения от крупных финансовых организаций; фактическая коммерциализация многих фундаментальных прав человека; демонтаж или деградация систем социальной поддержки населения (детей, пенсионеров и др.); депопуляция населения и деградация национального здоровья; массовая безработица, особенно в сельской местности и малых городах; социальная маргинализация молодежи; идеологическая и нравственная дезориентация и профанизация населения с помощью СМИ; политическое отчуждение власти от народа, коррупция чиновников, фактическое свертывание

демократии и обратной связи власти с народом [8, с. 138]. Добавим к перечисленному также явно неадекватную антикриминальную политику. В наше очень непростое время, которое переживает страна, важно определить, какую роль в противодействии преступности играет или должна играть антикриминальная политика. Сегодня явственно ощутима тенденция применения неправовых методов, чрезмерная криминализация деяний, расширение сферы судейского усмотрения, наличие коррупциогенных норм в УК РФ и т.д.

На наш взгляд, в критическом переосмыслении нуждается устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов в решении социальных проблем, включая преступность. Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с ней по мнению проф. С. С. Босхолова, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Всякий призыв к войне с преступностью, означает призыв к насилию и жестокости. Между тем насилие в ответ порождает только насилие, а жестокость – только жестокость [9]. В этом плане репрессивно-силовая модель воздействия на преступность лишена исторической перспективы и требует поиска альтернативных вариантов решения проблемы.

Полагаем, что пора согласиться с теоретиками права в том, что насилие следует понимать как несправедливое принуждение. Принуждение же, исходящее от власти на справедливых основаниях, не должно расцениваться как насилие. Понятия «принуждение» и «насилие» имеют разную смысловую нагрузку. Насилие характеризует диктаторскую сторону государственной деятельности и отличается более высокой степенью подавления воли [10, с. 42–43].

В философии на необходимость четкого понятийного различения действий, опосредствованных применением разного рода принуждения, в том числе физической силы, и в частности насилия, специально указал И. А. Ильин. Он рассматривал «насилие» как явление более узкое, чем «заставление» или «принуждение». Насилие представляет собой предосудительное заставление, исходящее из злой души и направленное на зло. Не всякое заставление, даже предполагающее применение силы, является злом. Если заставлением человеку причиняется зло или он понуждается ко злу, или он необоснованно понижается в правах или беспричинно (с его стороны) унижается в достоинстве, то оно насильственно [11].

Всякое насилие есть проявление не столько силы, сколько, наоборот, слабости. Давно известно, что государство сильно «сознательностью масс» – их сплочённостью, высокой нравственностью и единой идеологией. Когда общество раздирают противоречия и конфликты, государство прибегает к насилию, чтобы добиться послушания. Ещё Сократ утверждал, что насилие идет от слабости, а не от силы; нужна определенная доля смелости и мудрости, чтобы отказаться от него [12, с. 23].

Я. И. Гишинский верно замечает, что требуются новое мышление и новая политика, основывающиеся на понимании того, что, во-первых, противоречия интересов (обществ и государств, социальных групп и индивидов) и социальные конфликты неизбежны; во-вторых, способы разрешения конфликта должны носить ненасильственный характер; при этом; в-третьих, неизбежны компромиссы; следовательно, в-четвертых, для этого должны быть созданы механизмы, социальные организации по выработке компромиссных, ненасильственных средств и способов разрешения, постоянно возникающих конфликтов. Но для этого в мире должны победить представления о приоритете общечеловеческих ценностей и интересов (по сравнению с национальными, классовыми, религиозными и любыми другими), об абсолютной ценности каждой человеческой жизни, толерантности, терпимости как благе, о насилии как абсолютном зле [13].

Известный американский исследователь, врач-психиатр Д. Хокинс, на обширном практическом и теоретическом материале пришёл к выводу, что самую могущественную силу представляет собой простая доброта к себе и всему сущему. Сила всегда ассоциируется с тем, что выступает в поддержку жизни. Она вызывает к благородному началу в человеке в противоположность насилию, которое обращается к тому, что мы называем грубыми энергиями. Сила стремится к тому, что возвышает и делает человека достойным – к благородству. Насилие отождествляется им с ущербностью, а сила – с целостностью и совершенством. Насилие всегда порождает силу противодействия; его влияние заключается в том, чтобы разделять, а не объединять. Разделение всегда подразумевает конфликт, поэтому его цена бывает очень высокой. Если сила вызывает к нашей высшей природе, то насилие обращается к низменным инстинктам. Оно ограничено, сила же не имеет границ. Духовность всегда сопровождается отсутствием насилия [14].

Представляется, что не только российской, но и зарубежной политике в области противодействия преступности следует измениться радикально, повернуться в сторону всемерного содействия гармонизации общественной жизни, устранения причин возникающих конфликтов, снижения остроты социальных контрастов, обеспечения баланса интересов личности, общества и государства, социальной солидарности.

Д. Андреев в «Розе мира» пришёл к выводу, что «насилие может быть признаком годным лишь в меру крайней необходимости, только в смягчённых формах и лишь до тех пор, пока наивысшая инстанция путём усовершенствованного воспитания не подготовит человечество при помощи миллионов высокоидейных умов и воля к замене принуждения – добровольностью, окриков внешнего закона – голосом глубокой совести, а государства – братством». И далее: «нужно понимание недугов человеческой души и правильное понятие о способах их устранения. Вошедшее в плоть и кровь представление о ценности человеческой личности и о дол-

ге судьи-врачевателя будет стимулировать предельно осторожный, бережный, теплый подход к подсудимому. Потому что на него утвердился взгляд как на больного, доступного лечению, не обязательно больного в современном психиатрическом смысле, а больного в смысле поврежденности этической структуры души. Роль таких судебных деятелей невозможно переоценить: это спасители человеческих душ, и человечество нуждается в них не менее, чем во врачах, педагогах и священниках. Смягчится шкала наказаний, и сам принцип наказания начнет уступать место принципу врачевания преступника», чтобы «карательная система» (до чего гнусно одно уже это выражение!) превратилась в систему излечения» [15, с. 15, 349–350]. Это всё писал человек, находившийся в сталинском лагере!

Разумеется, говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, надо видеть и определённую границу, порог, черту, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности.

Криминологи давно увидели связь преступного поведения с феноменом так называемого отчуждения. Отстранённость от общества, других людей, собственно-сти и даже нередко от собственной личности лежит в основе такого поведения [16]. Вот этот разрыв органической связи личности с социумом травмирует и деформирует её, делает человека несчастным и ущербным.

Любое преступление (и всегда) – *это не только вина, но и беда*, драматическая ошибка лица (или как исключение – государства) в выборе жизненного пути или конкретного варианта поведения. Но как добиться осознания этого самим виновным? Как добиться покаяния, без которого остаётся высокой вероятность повторения подобной ошибки?

Человек идёт на нарушение норм морали и права в попытках компенсировать собственную внезапно возникшую или хроническую, социальную, психологическую, моральную, психическую или даже физическую *неадекватность* (ущербность). Возникают две основные мотивации – агрессия и/или корысть. Агрессия позволяет как бы возвыситься самому за счёт ближнего – унижения потерпевшего и/или насилия над ним. Корысть заключается в стремлении к личной имущественной выгоде, присвоении чужого, получении незаслуженного/незаконного преимущества, то есть подняться над другими (или даже всеми) в материальном плане. И первая и вторая мотивации возможны постольку, поскольку другие люди воспринимаются лишь как средства для достижения своих целей.

Возможно, для формирования принципиально новой концепции антикриминальной политики в целом был бы полезен так называемый синергетический подход. Синергетические представления, в частности, позволяют объяснить, почему нередко очень сильное внешнее воздействие на систему оказывается гораздо менее

эффективным, чем в тысячи раз более слабое, и наоборот. Согласно традиционным подходам, управляющее воздействие на что-либо зависит главным образом от величины затраченных энергии и усилий. Но на самом деле оно должно быть не столько сильным, сколько резонансным, то есть в максимальной степени согласованным со свойствами управляемой системы. Как известно, стремление к предельной управляемости, централизации, насильственной переделке всего и вся уже привели в своё время наше общество к глубочайшему кризису. Усилия правящей власти оказались тщетными, так как шли вразрез с собственными тенденциями саморазвития общества. В этом плане одна из самых важных задач государства – найти те «болевые точки» социального организма, воздействие на которые максимально способствовало бы нравственному оздоровлению и социальному прогрессу общества, более успешному противодействию преступности.

Надо понимать: тенденции, происходящие в антикриминальной политике сегодня, могут иметь негативные, в том числе нравственные, последствия как для страны в целом, так и для каждого отдельного гражданина. Задача криминологов – видеть возможные криминальные последствия и предупреждать общество об их угрозе.

Список источников

1. Голик Ю. В. Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 5–13.
2. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. А. И. Чучаев. Т. 1. М., 2022. 728 с.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2018. 296 с.
4. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. 352 с.
5. Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России. СПб., 2017. 413 с.
6. Нудель С. Л. Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 1. С. 18–26.
7. Александров А. И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2020. 484 с.
8. Поломошнов А. Ф., Поломошнов П. А. Судьба гуманизма в XXI веке. Персиановский: Донской ГАУ, 2021. 155 с.
9. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999. 293 с.
10. Чашников В. А., Фалькина Т. Ю. О соотношении понятий «принуждение» и «насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 41–43.
11. Опыт ненасилия в XX столетии. М.: Аслан, 1996. 288 с.

12. Конухова А.В. Ненасилие как идеал и принцип человеческого бытия: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2014. 181 с.
13. Гишинский Я. И. Социальное насилие. СПб., 2017. 280 с.
14. Хокинс Д. Сила против насилия. СПб., 2010. 303 с.
15. Андреев Д. Роза мира. М., 1991. 286 с.
16. Антонян Ю. М. Психологическое отчуждение и преступность. М., 1987. 202 с.

References

1. Golik Yu. V. *Filosofiya, нравstvennost', bor'ba s prestupnost'yu* [Philosophy, morality, fight against crime]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2021, vol. 25, no. 12, pp. 5–13. (In Russ.).
2. Savenkova A. N. (gen. ed.), Chuchaev A. I. (sci. ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs* [Criminal law of the Russian Federation: problem course]. Vol. 1. Moscow, 2022. 728 p. (In Russ.).
3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki* [Problems of Russian criminal policy]. M., 2018. 296 p. (In Russ.).
4. Korobeev A. I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis]. Moscow, 2019. 352 p. (In Russ.).
5. Tretyakov I. L. *Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii* [Criminal policy of modern Russia]. St. Petersburg, 2017. 413 p. (In Russ.).
6. Nudel S. L. *Tendentsii sovremennoi rossiiskoi ugolovnoi politiki v kontekste kriminalizatsii* [Trends in modern Russian criminal policy in the context of criminalization]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2019, vol. 27 (1–4), no. 1, pp. 18–26. (In Russ.).
7. Alexandrov A. I. *Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti* [Philosophy of evil and the philosophy of crime]. St. Petersburg, 2020. 484 p. (In Russ.).
8. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P. A. *Sud'ba gumanizma v KhKh1 veke* [The fate of humanism in the xx1 century]. *Persianovskii: Donskoi GAU Publ.*, 2021. 155 p. (In Russ.).
9. Boskholov S. S. *Osnovy ugolovnoi politiki* [Fundamentals of criminal policy]. Moscow, 1999. 293 p. (In Russ.).
10. Chashnikov V. A., Falkina T. Yu. *O sootnoshenii ponyatii "prinuzhdenie" i "nasilie"* [On the ratio of the concepts of "coercion" and "violence"]. 2015. No. 1. P. 41–43. (In Russ.).
11. *The experience of non-violence in the twentieth century*. Moscow: Aslan, 1996. 288 p. (In Russ.).
12. Konukhova A. V. *Nenasilie kak ideal i printsip chelovecheskogo bytiya: sotsial'no-filosofskii analiz* [Non-violence as the ideal and principle of human existence: socio-philosophical analysis]. Cand. Dis. (Philos. Sci.). Krasnoyarsk, 2014. 181 p. (In Russ.).

13. Gilinsky Y. I. Sotsial'noe nasilie [Social violence]. St. Petersburg, 2017. 280 p. (In Russ.).
14. Hawkins D. Sila protiv nasiliya [Strength against violence]. St. Petersburg, 2010. 303 p. (In Russ.).
15. Andreev D. Roza mira [Rosa of the World]. Moscow, 1991. 286 p. (In Russ.).
16. Antonyan Yu. M. Psikhologicheskoe otchuzhdenie i prestupnost' [Psychological alienation and crime]. Moscow, 1987. 202 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Номоконов – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

V. A. Nomokonov – Doctor of Law, Professor of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 117–126.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 117–126.

Научная статья

УДК 343.988

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/117-126>

ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩАЯ ЖЕРТВА КАК ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Дмитрий Витальевич Жмуров

Байкальский государственный университет экономики и права,

Иркутск, Россия

zdevraz@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0493-265X>, Researcher ID: ABH-8471-2020

Аннотация. Статья посвящена теме противодействующей жертвы. Под этим термином понимается тип пострадавшего, который сопротивляется насилию, дискриминации или другим формам нарушения своих прав, но при этом указанная активность способствует его виктимизации (ревиктимизации).

В статье дается авторское определение понятия «противодействующая жертва» и предложен ряд доводов в пользу изучения указанного типа жертвы. Проанализированы случаи, когда сопротивление пострадавшего может вызвать неблагоприятные для него последствия. Проведено разграничение дефиниций противодействующей и агрессивной жертв. На основании изучения виктимизации в киберсреде предложена классификация противодействующих жертв, предполагающая их деление на четыре группы: жертвы превенции, жертвы отмены, жертвы оппозиционного поведения и жертвы репрессивных побуждений.

Ключевые слова: противодействующая жертва, жертва преступления, кибервиктимизация, кибервиктимология, кибержертва.

Для цитирования: Жмуров Д. В. Противодействующая жертва как виктимологический феномен // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 117–126.

THE CONFRONTATIONAL VICTIM AS A VICTIMOLOGICAL PHENOMENON

Dmitriy Vitalyevich Zhmurov

Baikal State University, Irkutsk, Russia

zdevraz@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0493-265X>, Researcher ID: ABH-8471-2020

Abstract. This article is devoted to the topic of the confrontational victim. This term refers to the type of victim who resists violence, discrimination or other forms of violation of their rights, but at the same time the specified activity contributes to their victimization (revictimization). The paper offers the author's definition of this concept and puts forward a number of arguments in favor of studying this type of victims. A number of hypothetical cases are analyzed and listed, when the resistance of a victim can cause unfavorable consequences for him/her. A distinction is made between the definitions of resisting and aggressive victims. Based on the study of victimization in the cyber environment, a classification of counteracting victims is proposed, suggesting their division into four groups: victims of prevention; victims of cancellation; victims of oppositional behavior and victims of repressive motives.

Keywords: confrontational victim, crime victim, cybervictimization, cybervictimology, cybervictim.

For citation: Zhmurov D. V. The confrontational victim as a victimological phenomenon // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 117–126.

Введение

Противодействие преступнику, оказываемое жертвой, порой оценивается как позитивная активность и сугубо положительное явление [1]. Под термином «противодействие» в данном случае понимается поведение потенциального пострадавшего, препятствующее криминальному воздействию. Эти поступки могут быть реактивными (в ответ на актуальное преследование, например самозащита при посягательстве) или отложенными (перенесенными на неопределенное время, такими как самостоятельный поиск преступника с целью вернуть похищенное или пресечь его дальнейшую деятельность).

Действительно, пассивность и неспособность лица дать отпор в ситуации преступления могут ассоциироваться с не самыми лучшими человеческими качествами (трусостью, инертностью, неадекватностью, отсутствием чувства самосохранения и пр.). Некоторые в непротивлении видят путь к усугублению положе-

ния жертвы, а иногда и прямому поощрению действий виновного. Другие утверждают, что сопротивление преступнику остается сегодня наиболее целесообразной стратегией [2]. Часть исследователей сексуальной агрессии высказывают, например, мысль о целесообразности сопротивления. Утверждается, что женщины, которые вступают в противоборство с насильником, чаще получают травмы (помимо самого акта изнасилования), чем женщины, которые не сопротивляются [3]. Однако, если учесть само изнасилование как травму, разница в показателях травматизма между уступчивыми и сопротивляющимися жертвами составляет от 10 до 50% [4]. Это связано с тем, что лица, дающие отпор, с меньшей вероятностью будут изнасилованы. Корреляция между сопротивлением и недоведением преступного замысла до конца обнаруживается для таких составов преступления, как изнасилование, ограбление, различные формы причинения вреда здоровью [3]. По мнению экспертов, лишь в 9% случаев сопротивление преступнику вредит пострадавшему [5].

Вместе с тем не секрет, что оппозиционная активность вероятной жертвы по отношению к посягающему лицу иногда может осложнить её непростое положение. В науке это поведение закрепилось как *проблемно-усугубляющее* [6]. Это определение предложено для описания одного из типов несовершеннолетних жертв насилия, которые «своим активным сопротивлением усугубляют виктимную ситуацию» [7]. В том же контексте данный термин применим и к поведению взрослых. Идея возникновения рисков при сопротивлении не раз упоминалась в научной литературе. Так, в работе Р. Л. Ахмедшина и Н. В. Ахмедшиной, посвященной виктимологической профилактике серийных преступлений, утверждается, что «активное, в том числе силовое, противодействие является неэффективной тактикой» взаимодействия жертвы как минимум с тремя типами преступных личностей [8]. Д. В. Ривман упоминал о чем-то подобном, разъясняя, что «положительное поведение, в частности противодействие преступнику, может сыграть роль толчка к преступным действиям, направленным на противодействующее лицо» [9].

Поэтому вопрос о том, является ли сопротивление преступнику действенным средством пресечения его поведения или наоборот, до сих пор остается дискуссионным.

Исходя из сказанного, учитывая смысловые, личностные и мотивационные особенности пострадавших лиц, с некоторой долей условности можно выделить *противодействующий тип жертвы*, то есть лицо, которое неэффективно сопротивляется возможным угрозам со стороны преступника, форсируя собственную виктимизацию.

Данный тип отличается от агрессивной жертвы, которая также проявляет враждебность по отношению к правонарушителю. Однако действия последней выражаются в нападении на будущего причинителя вреда или совершении опасных провокаций [10], детерминирующих преступное поведение.

С противодействующей жертвой дело обстоит иначе. Во-первых, она прибегает к *обструкции после криминального акта или в ходе покушения на него*. Иногда в реальности этого недружественного акта пострадавшего пытаются убедить, к примеру, мошенники. Во-вторых, обязательным признаком противодействующей жертвы является *получение вреда в результате осуществляемых ею контрмер, направленных на нейтрализацию возможного уголовно наказуемого посягательства* и пресечение деликта. Иногда такой вред может приобретать «субсидиарный» или «дополненный» характер, как бы присоединяясь к основному ущербу от преступления. К примеру, сопротивление насильнику может быть опасным для женщины, если оно создает риск увеличения интенсивности насилия или нанесения серьезных травм. Нередко это приводит к более жестоким действиям со стороны посягающего. В другом варианте жертва, выступая против вооруженного грабителя, может спровоцировать его на применение оружия, подвергнув опасности не только свое имущество, но и жизнь.

Если попытки противодействия оказываются удачными и обращают преступника в бегство (пресекают его действия, заставляют отказаться от антиобщественных намерений), то целесообразно говорить об эффективной «самозащитной деятельности» [11], нивелируя виктимную составляющую.

Противодействие не обязательно проявляется в форме самозащитных реакций (действий). Оно может объективизироваться в следующих модальностях:

- физическая защита себя и близких;
- минимизация наступивших отрицательных последствий;
- поведение, направленное на защиту ущемленных прав, упреждающая защита от подобных правонарушений в будущем;
- стремление к пресечению дальнейшей деятельности преступника исходя из собственного понимания социальной справедливости;
- попытка привлечения нарушителя к ответственности;
- реализация намерений, связанных с наказанием преступника за понесенное унижение и ущерб.

При этом случается так, что некоторые потерпевшие, пытаясь самостоятельно решить вышеперечисленные задачи, сами могут оказаться нарушителями закона. В такой ситуации предложенное определение жертвы использовано быть не может.

Итак, *противодействующая жертва – это индивид, который пытается сопротивляться насилию, дискриминации или другим формам нарушения своих прав, но при этом указанная активность способствует его виктимизации (ревиктимизации)*.

Указанный тип пострадавшего не остаётся пассивным участником криминального конфликта, не способен эффективно использовать стратегии избегания, напротив, он принимает меры для защиты своих интересов и достижения справед-

ливости, но в силу определенных обстоятельств эти попытки только ухудшают его положение.

Противодействие преступнику может иметь пагубные последствия для жертвы в некоторых случаях:

- *непродуктивное сопротивление*, приводящее к ответному всё возрастающему насилию, когда нападающий отвечает еще большей жестокостью, причиняя физический вред;

- *вооруженность преступника*, когда слишком интенсивная защита может привести к тому, что он решает воспользоваться оружием, нанося пострадавшему серьезный урон;

- *неподготовленность жертвы* – выражается в несопоставимых с делинквентом показателях физического развития, нехватке опыта борьбы и отсутствии необходимых навыков самообороны, в результате чего пострадавший может потерять жизнь или получить травмы при попытке сопротивления;

- *неадекватность ответного воздействия* (например, попытки использования орудий самообороны, которые пострадавший не может эффективно эксплуатировать; громкие крики о помощи в безлюдном месте, которые лишь ожесточат нападающего; угрозы покарать и найти злоумышленника в дальнейшем, что может спровоцировать превентивную агрессию с его стороны);

- *неполнота оценки обстановки* (в случае, если преступник получает поддержку со стороны третьих лиц, сопротивление может привести к тому, что пострадавший не справится со всеми нападающими);

- *нерациональность поствиктимного поведения* (когда жертва пытается найти нелегальные пути наказания преступника или минимизировать причиненный ущерб, при этом снова подвергаясь виктимизации).

Отдельного внимания заслуживают особенности поведения противодействующих жертв в киберпространстве и их классификация.

Мотив избегания виктимизации в виртуальной среде является одним из важнейших. Исследование компании Ipsos в 28 странах (в том числе в России) показало, что взлом в целях мошенничества или шпионажа назван главным страхом абсолютного большинства респондентов-пользователей Всемирной Сети – 75%. Страх оказаться жертвой киберпреступников оказался весомее угроз ядерной или химической атаки, по поводу которых высказали опасения 68% участников опроса [12]. Именно эти фобии злоумышленники обратили в свою пользу и успешно их используют.

Итак, всех противодействующих кибержертв можно разделить на несколько подтипов:

- *жертвы превенции* – стараются обезопасить себя от реальных или мнимых преступных посягательств, но своими неумелыми и некомпетентными действиями

приводят ситуацию к обратному). Одним из примеров использования мотивов противодействия в криминальных схемах являются случаи фишинга, когда мошенники представляются службой безопасности банка и похищают деньги клиента под видом профессиональной защиты. Сначала запугивают жертву рассказывая, что некто снимает деньги со счета, затем успокаивают, гарантируя защиту, а в итоге путем разных уловок получают необходимую платежную информацию. Таким образом, противодействуя мнимым преступникам, потерпевший передает все данные в руки преступников настоящих. Другим примером использования мотивов противодействия является обман при установке квазиполезных программ. Это группа приложений с разными декларируемыми задачами: одни защищают компьютер от вирусов, вторые оптимизируют его работу, третьи призваны сделать сетевой серфинг более безопасным и т.п. Пользователь, устанавливая эти продукты, считает, что заблаговременно защищает и ограждает себя от опасностей. Но на деле такие программы оказываются вредоносными. Это могут быть фальшивые антивирусы (псевдоантивирусы), представляющие собой разновидность троянских программ. Они имеют собственные наименования или маскируются под настоящие утилиты (например, Security Essentials вместо «Microsoft Security Essentials» или AntiVirus XP вместо «Norton AntiVirus») [13]. Сюда же входят программы оптимизации и различного рода тулбар-ассистенты, которые могут «подсовывать» рекламу, обеспечивать скрытые переходы на нужные хакерам сайты, навязывать покупки и т.д.;

- *жертвы отмены* – пытаются изменить или минимизировать уже наступившие последствия криминального акта; осуществляют поствиктимное поведение, опасное для них с точки зрения ревиктимизации.

Здесь нельзя не упомянуть такое явление, как фальшивые интернет-центры защиты прав потерпевших. Своей целью они объявляют «поддержку» обманутых вкладчиков (дольщиков, инвесторов, пайщиков). В работе ориентируются на противодействующих жертв – тех, у кого после криминального инцидента не «опустились руки» и кто готов дальше бороться за свои права. Особый интерес представляют желающие компенсировать убытки, вернуть вклады или наказать виновных. Им предлагаются услуги подобного рода за отдельную плату. По сути, это рецидивная виктимизация, когда обманутый человек уже второй раз платит мошенникам. В рекламе они стараются использовать официальные названия, например, «Комитет по защите акционеров», «Центр по защите прав обманутых вкладчиков». Часто ссылки в их сообщениях ведут на фишинговые сайты. Там людей убеждают, что им положены крупные суммы компенсации: нужно лишь оплатить юридические услуги. Но как только клиент вводит данные карты, преступники получают доступ к счету и похищают его содержимое [14]. Только один такой центр способен причинить вреда на сумму более сотни миллионов рублей [15].

Схожей формой обмана является схема с выплатой компенсаций после реальной утечки данных. Например, пользователь, у которого сведения были похищены, получает письмо якобы из «Фонда защиты персональных данных», созданного «Американской торговой комиссией», в котором сообщается, что ему положено возмещение за раскрытие персональной информации. Уверенный в собственной правоте и восстановленной справедливости, он заполняет анкету на солидную выплату в несколько тысяч долларов. Все, что требуется для получения этой суммы – американский номер соцстрахования (SSN), а купить его можно за 9 долларов на подставном сайте [16]. Этот случай наглядно подтверждает то, что поствиктимное поведение жертвы, мотивированное компенсаторными побуждениями, «культурой отмены» деликта, может быть использовано для её повторной дискредитации;

- *жертвы оппозиционного поведения* – те, кто в ситуации киберпосягательства своим неэффективным сопротивлением вызывают ещё больший ущерб от виктимизации. Таковыми становятся лица, которые реагируют на кибербуллинг ответной агрессией и провоцируют реальное физическое насилие офлайн, дают новые поводы для киберпреследования и пр.;

- *жертвы репрессивных побуждений* – лица, которые решили самостоятельно расследовать совершенные в их отношении интернет-деликты и наказать виновных, спровоцировав тем самым нежелательные для себя последствия. В поисках «хакерских программ» для осуществления «возмездия» они могут установить на свой ПК вирусы и трояны; оплачивать несуществующие услуги мошенников, выдающих себя за компьютерных специалистов и обещающих помочь в их деликатном деле; стать мишенью обвинений в производимых кибератаках и т.д. Жертвы репрессивных побуждений и отмены являют яркий пример отложенного противодействия, когда отпор злоумышленникам по времени отсрочен от преступного акта.

Таким образом, можно утверждать, что сопротивление жертв криминальным эксцессам эпизодически обнаруживает побочные виктимогенные эффекты. Последние как раз и определяют реальность противодействующего типа жертвы. Процесс ее виктимизации – это результат отсутствия достаточных знаний и навыков в области личной безопасности; значительно превосходящей физической силы преступника или наличия у него оружия; состояния шока или паники, из-за которых жертва не всегда способна вести себя адекватно ситуации; превосходящего опыта и умения преступника, способного обратить в свою пользу желание пострадавшего не быть таковым.

Список источников

1. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 831 с.

2. Tark J., Kleck G. Resisting crime: the effects of victim action on the outcomes of crimes // *Criminology*. 2004. No. 42. P. 861–910. DOI: 10.1111/j.17459125.2004.tb00539.x
3. Disentangling the effects of self-protective behaviors on the risk of injury in assaults against women / R. Bachman, L. Saltzman, M. Thompson, D. Carmody // *Journal of Quantitative Criminology*. 2002. No 18. P. 135–157. DOI: 10.1023/A:1015254631767
4. Ghiglieri M. P. The Dark side of man: tracing the origins of male violence. Reading, MA: Perseus Books, 1999. 323 p.
5. U.S Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. Criminal Victimization in the United States, 1999 Statistical Tables. NCJ 184938, Table 72. URL: <https://bjs.ojp.gov/library/publications/criminal-victimization-united-states-statistical-tables-1999>
6. Клейберг Ю. А. Девиантное поведение в вопросах и ответах. М.: МПСИ, 2008. 287 с.
7. Теоретические подходы к обоснованию существования буллинга в детской и подростковой среде: монография / под ред. Е. В. Везетиу. Ялта, 2021. 175 с.
8. Ахмедшин Р. Л., Ахмедшина Н. В. Виктимологическая профилактика серийных преступлений // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2020. № 35. С. 29–42.
9. Ривман Д. В. Криминальная виктимология: Жертвы преступлений. Мошенничество. Хулиганство. Кражи. Разбой. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
10. Черепяхин В. А. Провоцирующее поведение потерпевшего и его отличие от провокации преступления // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 1 (33). С. 272–277.
11. Зуева Ю. В. Самозащита права: к вопросу о правомерности и противозаконности // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2019. № 3. С. 130–135.
12. Bricker D. Future of the world. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2019-11/a-more-dangerous-world-fear-2019.pdf>
13. Лжеантивирус // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лжеантивирус>
14. Лунин А. Юристы-аферисты. Как разводят на деньги «борцы» с мошенниками. URL: <https://clck.ru/sXnLD>
15. Сахмеев В. В Москве накрыли колл-центр, сотрудники которого разводили «обманутых вкладчиков». URL: <https://sobesednik.com/private-finance/20220614-v-moskve-nakryli-koll-centr-sotrudniki/>
16. Грустный Л. Бесплатный сыр: топ-6 разводов в Интернете. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/top-scam-schemes-2021/31551/>

References

1. Malkina-Pykh I. G. *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Psychology of victim behavior]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter Publ., 2017. 831 p. (In Russ.).

2. Tark J., Kleck G. Resisting crime: the effects of victim action on the outcomes of crimes. *Criminology*, 2004, no. 42, pp. 861–910. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2004.tb00539.x
3. Bachman R., Saltzman L., Thompson M., Carmody D. Disentangling the effects of self-protective behaviors on the risk of injury in assaults against women. *Journal of Quantitative Criminology*, 2002, no. 18, pp. 135–157. DOI: 10.1023/A:1015254631767
4. Ghiglieri M. P. The Dark side of man: tracing the origins of male violence. Reading, MA: Perseus Books, 1999. 323 p.
5. U.S Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. Criminal Victimization in the United States, 1999 Statistical Tables. NCJ 184938, Table 72. URL: <https://bjs.ojp.gov/library/publications/criminal-victimization-united-states-statistical-tables-1999>
6. Kleiberg Yu. A. Deviantnoe povedenie v voprosakh i otvetakh [Deviant behavior in questions and answers]. Moscow: MPSI Publ., 2008. 287 p. (In Russ.).
7. Vezetiu E. V. (ed.). Teoreticheskie podkhody k obosnovaniyu sushchestvovaniya bullinga v detskoj i podrostkovoi srede [Theoretical approaches to substantiate the existence of bullying in children and adolescents]. Yalta, 2021. 175 p. (In Russ.).
8. Akhmedshin R. L., Akhmedshina N. V. Viktimologicheskaya profilaktika seriinykh prestuplenii [Victimological prevention of serial crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2020, no. 35, pp. 29–42. (In Russ.).
9. Rivman D. V. Kriminal'naya viktimologiya: Zhertvy prestuplenii. Moshennichestvo. Khuliganstvo. Krazhi. Razboi [Criminal victimology: Victims of crimes. Fraud. Hooliganism. Theft. Robbery]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 304 p. (In Russ.).
10. Cherepakhin V. A. Provotsiruyushchee povedenie poterpevshego i ego otlichie ot provokatsii prestupleniya [Provocative behavior of the victim and its difference from the provocation of a crime]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 1 (33), pp. 272–277. (In Russ.).
11. Zueva Yu. V. Samozashchita prava: k voprosu o pravomernosti i protivozakonnosti [Self-defense of law: on the issue of legality and illegality]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2019, no. 3, pp. 130–135. (In Russ.).
12. Bricker D. Future of the world. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2019-11/a-more-dangerous-world-fear-2019.pdf>.
13. Rogue antivirus. *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Rogue_antivirus (In Russ.).
14. Lunin A. Yuristy-afelisty. Kak razvodyat na den'gi «bortsy» s moshennikami [Lawyers-swindlers. How “fighters” with scammers are bred for money]. URL: <https://clck.ru/sXnLD> (In Russ.).
15. Sakhmeev V. V Moskve nakryli koll-tsentr, sotrudniki kotorogo razvodili “obmanutykh vkladchikov” [In Moscow, a call center was covered, the employees of which bred “deceived depositors”]. URL: <https://sobesednik.com/private-finance/20220614-v-moskve-nakryli-koll-centr-sotrudniki/>

16. Grustnyi L. Besplatnyi syr: top-6 razvodov v Internetе [Free cheese: top 6 scams on the Internet]. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/top-scam-schemes-2021/31551/>

Информация об авторах

Д. В. Жмуров – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, руководитель проекта «Национальная энциклопедическая служба России», г. Иркутск, Россия.

Information about the authors

D. V. Zhmurov – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University of Economics and Law; Coordinator of Project «National Encyclopedic Service of Russia», Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 127–132.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 127–132.

Научная статья

УДК 340.142(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/127-132>

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В РОССИИ

Кристина Владимировна Грибкова

Костромской государственный университет,

Кострома, Россия, kmazurova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-0606>

Аннотация. В статье представлен анализ основных положений нормотворчества высших судебных органов, позволяющий определить судебную практику как источник права. Рассмотрены направления совершенствования законодательного регулирования определения судебной практики как источника права. Установлено, что правом нормотворческой деятельности обладают не все судебные органы. Признано, что субъектами судебного нормотворчества выступают Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ. Именно их решения признаются и применяются иными судебными органами, а также являются основой для совершенствования законодательства. Стоит отметить, что акты данных судебных органов носят нормотворческий характер, то есть приравниваются к закону и обладают обязательным характером их исполнения. Единого понимания судебной практике до сих пор не сложилось. Ряд теоретиков относит ее к судебному прецеденту, другие определяют как постановления и решения высших судебных органов, третьи говорят о том, что судебная практика равна с остальным массивом судебных решений. Сделан вывод о необходимости признания судебной практики в качестве факультативного источника права в тех случаях, когда закон не может в полной мере дать оценку определенному правоотношению.

Ключевые слова: нормотворчество, правотворчество, судебные органы, толкование, коллизии и пробелы, узаконивание.

Для цитирования: Грибкова К. В. Судебная практика как источник права в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 127–132.

JUDICIAL PRACTICE AS A SOURCE OF LAW IN RUSSIA

Kristina Vladimirovna Gribkova

Kostroma State University

Kostroma, Russia, kmazurova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-06>

Abstract. The author analyzes the main provisions of the rulemaking of the supreme judicial bodies, which allow us to define judicial practice as a source of law. The author considers the directions of improving the legislative regulation of the definition of judicial practice as a source of law. The study found that not all judicial bodies have the right to rule-making activities. It was found that there was no common understanding of judicial interpretation. In addition, the ultimate goal of interpretation is defined: the elimination of conflicts and gaps in the rules of law for the uniformity of their application. The role of rulemaking of the highest judicial bodies in improving legislative regulation in our country is underestimated, although from our analysis of the main directions of the impact of judicial rulemaking on legislation, it is clear that it occurs permanently. Constitutional Court of the Russian Federation would solve the problem of competition between the legislative and judicial branches of government, would create an effective mechanism for their interaction and would become the foundation for new legislative initiatives. The role of rulemaking of the highest judicial bodies in improving legislative regulation in our country is underestimated, although from our analysis of the main directions of the impact of judicial rulemaking on legislation, it is clear that it occurs permanently. Constitutional Court of the Russian Federation would solve the problem of competition between the legislative and judicial branches of government, would create an effective mechanism for their interaction and would become the foundation for new legislative initiatives.

Keywords: rulemaking, law-making, judicial bodies, interpretation, collisions and gaps, legitimization.

For citation: Gribkova K. V. Judicial practice as a source of law in Russia // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 127–132.

Введение

Проблема определения источников права для любого современного общества весьма актуальна. Институт образования правовых норм имеет долгую историю, тем не менее до сих пор по данному вопросу возникают дискуссии, в частности о роли судебной практики и ее отношении к источникам права. Некоторые теоретики обосновывают необходимость признания судебной практики как источника права,

другие же исключают такую позицию [1, с. 9]. Для уяснения роли нормотворческой деятельности судебных органов в совершенствовании законодательного регулирования необходимо определить характер и цель издаваемых судебными органами правовых актов.

Статьей 10 Конституции РФ продекларировано, что вся власть в государстве разделена на три ветви: судебную, исполнительную и законодательную. Конституционный принцип разделения властей в государственном устройстве России гласит, что суды как органы власти независимы и самостоятельны в отправлении правосудия.

Суд как орган судебной власти не формирует систему общеобязательных норм, а использует их для разрешения возникших правовых споров. В случаях, установленных законом, судебные органы имеют право разъяснять, толковать и признавать недействительными нормы права, а также осуществлять ряд других полномочий. Содержание ч. 2 ст. 118 Конституции РФ указывает на осуществление судебной власти с помощью конкретных видов судопроизводства, что подчеркивает организационные особенности судебной системы в целом, то есть ее единство.

Результаты исследования

Судебная деятельность организована по принципу ответственности государства в случае допущения судебной ошибки. Этот принцип означает, что государство несет ответственность за ошибочное судебное решение или неправильное осуществление правосудия. При возникновении судебной ошибки государством возмещается ущерб, причиненный неправильными действиями. В реализации данного принципа особое место занимает институт судебного конституционного контроля. Реализация обязательного судебного конституционного контроля может осуществляться в двух видах.

Во-первых, учитывая императивность требований законодательства, судебный конституционный контроль признается неотъемлемой частью юридических решений государственно-властных органов, которые имеют конституционно-правовое значение. В данном случае важно наличие того факта, что принятие подобного решения осуществляется посредством конституционного контроля.

Второй вид обязательного конституционного контроля связывают с правом суда общей юрисдикции, арбитражного суда с учетом определенной правоприменительной ситуации обратиться в орган конституционного контроля. В данном случае цель проведения проверки решений заключается в соблюдении принципа законности и соответствия нормативно-правых актов положениям Конституции РФ.

Правом нормотворческой деятельности обладают не все судебные органы. Субъектами судебного нормотворчества выступают Конституционный Суд РФ (КС РФ) и Верховный Суд РФ (ВС РФ) [2, с. 119]. Именно их решения признаются и

применяются иными судебными органами, а также являются основой для совершенствования законодательства. Мы полагаем, что акты данных судебных органов носят нормотворческий характер, то есть приравниваются к закону и обладают обязательным характером их исполнения.

Анализ деятельности КС РФ за январь-декабрь 2022 г. показывает, что им вынесено 37 постановлений в порядке реализации положений ч. 4 ст. 125 Конституции РФ. При этом 29 постановлений вынесено в связи с рассмотрением обращений граждан, 8 постановлений – при обращении органа исполнительной власти. Примечательно, что в 17 случаях спорные положения законодательных актов КС РФ были признаны полностью или частично неконституционными.

Рассмотрим некоторые полномочия КС РФ, в частности те, которые способствуют проверке соблюдения юридических гарантий.

15 января 2020 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ было предложено осуществить конституционную реформу. Основной целью реформы стало внесение изменений в Конституцию РФ. Сама реформа касалась нескольких направлений, одним из которых было реформирование судебной системы, что в большей степени относилось к КС РФ. 20 января 2020 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен на рассмотрение законопроект № 885214-7, содержащий направления развития правовых актов в сфере публичной власти, который после внесения поправок был принят 23 января 2020 г. Субъектами РФ данный законопроект был одобрен в марте 2020 г.

В числе изменений, касающихся полномочий КС РФ, был решен вопрос о неточности формулировки полномочий, связанных с рассмотрением жалоб от граждан. Среди результатов проведения реформы судебной власти 2020 г. в контексте деятельности КС РФ выделим изменения, которые отнесены к полномочиям, связанным с принятием КС РФ итоговых решений и оценкой их юридических последствий [3, с. 159]. Решения КС РФ были определены как акты окончательного толкования, не подлежащие какому-либо иному истолкованию.

С закреплением данной новеллы российским законодателем усиливается влияние суда на судебную практику, поскольку КС РФ наделяется чертами надзорной инстанции в судебной системе по решению вопросов, связанных с соответствием действующего законодательства положениям Конституции РФ.

Таким образом, КС РФ играет решающую роль в реализации Конституции РФ, в обеспечении ее верховенства в России. Кроме того, КС РФ обладает исключительными полномочиями по проверке конституционности законодательных актов государственных органов и может признать недействительными акты или их отдельные положения, признанные неконституционными.

Решения ВС РФ также имеют особое значение в судебной практике. Так, своими постановлениями ВС РФ утверждает обзоры судебной практики, где отражены

основные положения по рассматриваемым делам, выявлены пробелы законодательства, даны рекомендации, которые используются в деятельности судов. Так, за 2022 г. принято 43 постановления Пленума ВС РФ, в которых даны рекомендации о применении законодательства по разным категориям дел. Президиумом ВС РФ утверждены за 2022 г. три обзора судебной практики.

Подводя итоги исследованию, необходимо сделать ряд выводов.

Единого понимания юридической природы категории «судебная практика» до сих пор не сложилось. Ряд теоретиков относит ее к судебному прецеденту, другие определяют как постановления и решения высших судебных органов, третьи говорят о том, что судебная практика есть весь массив судебных решений.

Судебная власть является самостоятельной правовой основой государства и выступает гарантом равновесия всех ветвей власти, она вправе реализовывать судопроизводство на территории Российской Федерации на основе принципов, которые определены в Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ от 31 декабря 1996 г.

Вместе с тем судебные органы помимо осуществления правосудия наделены, на наш взгляд, правом судебного нормотворчества. Правом нормотворческой деятельности обладают не все судебные органы. Субъектами судебного нормотворчества выступают КС РФ и ВС РФ. Именно их решения признаются и применяются иными судебными органами, а также являются источниками права.

Судебная практика как источник права характеризуется четким соотношением внутренних и внешних признаков. Внутренними признаками являются законность, обоснованность, справедливость; внешними – юридическая сила, ответственность, исключительность, презумпция истины.

Выводы

В заключение отметим, что наша жизнь постоянно меняется, изменения же в законодательство вносятся не всегда своевременно ввиду того, что требуют достаточно большого количества времени для их принятия. В данном случае на помощь приходит именно судебная практика как более гибкий инструмент реализации правовой политики государства.

Таким образом, несмотря на отсутствие официального признания судебной практики источником права, она обладает признаками такового. Это выражается в деятельности суда по устранению противоречий и пробелов в законодательстве путем применения различных инструментов: аналогия закона, аналогия права, а также вынесение высшими судебными инстанциями судебных актов, содержащих правовые положения, которые в значительной степени могут поменять направленность действия законодательного акта, его сущность и повлиять на эффективность его применения. Судебная практика играет важную роль в системе правового регулирования.

ния Российской Федерации, так как посредством принятия судебного решения осуществляется защита прав и свобод граждан, обеспечивается правопорядок.

Список источников

1. Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 5–9.
2. Васильев С. Л., Дроздова А. Д. Судебная власть и судоустройство: некоторые аспекты осуществления правосудия в Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 11. С. 117–123.
3. Никоненко С. А. Конституционная реформа 2020 года в России: перспективы трансформации партийно-политического спектра и новые тренды институционального развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2–2 (104). С. 156–161.

References

1. Garnet N. L. Istochniki prava [Sources of law]. Yurist, 1998, no. 9, pp. 5–9. (In Russ.).
2. Vasiliev S. L., Drozdova A. D. Sudebnaya vlast' i sudoustroistvo: nekotorye aspekty osushchestvleniya pravosudiya v Rossiiskoi Federatsii [Judicial power and the judiciary: some aspects of the administration of justice in the Russian Federation]. Obrazovanie i pravo, 2019, no. 11, pp. 117–123.
3. Nikonenko S. A. Konstitutsionnaya reforma 2020 goda v Rossii: perspektivy transformatsii partiino-politicheskogo spektra i novye trendy institutsional'nogo razvitiya [The constitutional reform of 2020 in Russia: prospects for the transformation of the political party spectrum and new trends in institutional development]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2021, no. 2–2 (104), pp. 156–161. (In Russ.).

Информация об авторах

К. В. Грибкова – аспирант Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

Information about the authors

K. V. Gribkova – postgraduate student of Kostroma State University, Kostroma, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 133–142.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 133–142.

Научная статья

УДК 347.12

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/133-142>

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИМЕНЕНИЯ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ася Ашотовна Аракелян

Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь, Россия,
asek2304@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-8264>

Аннотация. Возросшая в последние годы тенденция к применению более гибкого диспозитивного подхода к регулированию гражданских отношений требует научного обоснования необходимости и пределов применения оценочных понятий в гражданском законодательстве. Настоящая работа посвящена исследованию основ применения оценочных понятий в гражданском праве. В целях выявления и обоснования причин, обусловивших существование оценочных понятий в праве, автор, используя общенаучный, формально-юридический и системный методы, проанализировал предпосылки и цели закрепления этих понятий в законодательстве, морально-этическую составляющую гражданского оборота. Обосновываются особенности применения таких морально-этических понятий гражданского права, как добросовестность, разумность и справедливость. Сложность в применении оценочных понятий требует как доктринального обоснования, так и законодательного закрепления приблизительных критериев, основных признаков и содержания отдельных оценочных понятий в нормах права в целях единообразного их применения и ограничения свободы усмотрения правоприменителя.

Ключевые слова: оценочные понятия, мораль, добросовестность, разумность, справедливость

Для цитирования: Аракелян А. А. Предпосылки применения и основания для закрепления в законодательстве оценочных понятий гражданского права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 133–142.

PREREQUISITES FOR THE APPLICATION AND GROUNDS FOR FIXING THE EVALUATION CONCEPTS OF CIVIL LAW IN THE LEGISLATION

Asya Ashotovna Arakelyan

North Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia,
asek2304@mail.ru

Abstract. The growing trend in recent years to apply a more flexible dispositive approach to the regulation of civil relations requires a scientific justification of the need and limits of the use of evaluative concepts in civil legislation. This paper is devoted to the study of the basics of the application of evaluative concepts in civil law. In order to identify and substantiate the reasons for the existence of evaluative concepts in law, the author relied on the general scientific, formal legal and system methods to analyze the prerequisites and goals of fixing these concepts in legislation, the moral and ethical component of civil turnover. The article substantiates the features of applying the moral and ethical concepts of civil law: good faith, reasonableness and justice. The complexity of applying evaluation concepts requires both doctrinal justification and legislative consolidation of approximate criteria, main features and content of individual evaluation concepts in the rules of law in order to apply them uniformly and limit the discretion of the law enforcer.

Keywords: evaluative concepts, morality, conscientiousness, reasonableness, justice

For citing: Arakelyan A. A. Prerequisites for the application and grounds for fixing the evaluation concepts of civil law in the legislation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 133–142.

Эффективность национальной правовой системы России обусловливается тем, какие именно средства использует законодатель для построения правовой системы в целом и гражданского законодательства в частности, как и насколько чётко сформулированы нормы права. Характерным признаком современного гражданского законодательства является широкое использование оценочных понятий, таких как добросовестность, разумность и справедливость.

На практике положения гражданского законодательства, прежде всего оценочные понятия, которые формально определены лишь частично, толкуются и реализуются субъектами правоприменения по-разному, что не характерно для права. В этой связи оценочные понятия как важная составляющая понятийного аппарата гражданского права становятся одним из основных предметов исследования учёных.

Вопросы теоретического обоснования и практического применения оценочных понятий всегда привлекали внимание отечественных правоведов. Исследованию этого вопроса посвящены труды С. С. Алексеева, В. Е. Жеребкина, Е. В. Богданова, Е. Е. Богдановой, В. П. Грибанова, Т. Ю. Дроздовой, М. Ф. Лукьяненко, Р. М. Нигматдинова, А. А. Малиновского и др.

Оценочные понятия являются абстрактными, не конкретизированными по содержанию, что позволяет в процессе их применения учитывать особенности конкретной ситуации, то есть «осуществлять индивидуальную регламентацию общественных отношений» [1, с. 27].

Появление в гражданском праве оценочных понятий, таких как «свобода воли», «равенство», «добросовестность», «разумность» и «справедливость», не только послужило толчком для развития всей системы гражданского права, но и стало поводом для дискуссий среди учёных. Использование оценочных понятий приводит к расширению сферы применения судебного усмотрения и, по мнению И. А. Покровского, может довести до «полного судебного контроля над всей областью оборота с точки зрения совершенно субъективных и произвольных представлений о «справедливости», «социальном идеале» и т.д.» [2, с. 163].

Разделяя данную позицию, В. П. Грибанов отмечает, что благодаря осуществлению прав, всецело подчиненному морали, появляется возможность «создания таких каучуковых, неопределенных правил, которые позволяют значительно расширить рамки свободного судебного усмотрения и тем самым в необходимых случаях выйти за формальные рамки... законности» [3, с. 19].

Наиболее ярко эта проблема проявляется в случае квалификации поведения участников гражданско-правовых отношений в форме злоупотребления правом, в частности в контексте ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Шикана – единственное гражданское правонарушение, совершаемое исключительно с прямым умыслом. Вместе с тем и в данном случае нарушитель может пытаться заверить суд в том, что действовал без цели причинения вреда другим, а лишь с целью добросовестной реализации и осуществления собственных субъективных гражданских прав. В результате вопрос о добросовестности либо злоупотреблении правом будет зависеть исключительно от судебного усмотрения.

Стоит отметить, что построение всей системы частного права базируется на принципах нравственности и добросовестного поведения участников правоотношений. «Любовь к ближним, к согражданам» приводит в качестве основного ориентира развития частного права Л. И. Петражицкий [5, с. 28].

И. Б. Новицкий отмечает, что соотнесение «собственного интереса с чужим, установление известных границ для проявления эгоизма, признание интересов общества; именно такое признание интересы общества и должны получить в доброй совести» [6, с. 131–132].

В оценочном понятии обобщаются явления, факты, действия. Каждое из них обретает качественную определённую благодаря большому количеству характеристик, свойств и признаков. Качественная определённая является основой познания явлений и предметов.

Использование правовых понятий предполагает обеспечение одинакового их понимания и применения. В оценочных понятиях фиксируются лишь наиболее общие признаки обобщенных явлений.

Содержание оценочных понятий («добросовестность», «разумность», «справедливость» и т.п.), будучи не раскрытым в законе, определяется научной теорией и правоприменительной практикой. Вместе с тем, несмотря на большое количество выделенных характерных признаков оценочного понятия, они никогда не исчерпывают содержание этого понятия. Оно будет оставаться открытым, и к нему «всегда может быть добавлен еще один новый элемент, существенный признак, его характеризующий, на основании которого единичный предмет относят к классу, определяемому этим понятием» [7, с. 27].

Несомненно, оценочные понятия объективно необходимы в правовом регулировании и способны обеспечить определенную степень регулятивной прочности и устойчивости, являясь, как отмечал Н. А Власенко, «...мостиком, естественной связкой начал нормативно-правового формализма и практической жизни... Это важнейшее юридическое средство, с помощью которого правовому регулированию придается гибкость и эластичность» [8, с. 57].

С. С. Алексеев считал, что законодательное закрепление оценочных понятий «...в одних случаях является показателем юридической неотработанности текста, неоправданного включения в него идеологических положений, «теории». В других же случаях подобные выражения представляют собой вполне оправданную конструкцию юридических норм» [9, с. 105].

Закон не раскрывает, что есть «действовать добросовестно», «разумный срок», «справедливая цена» и т.п. Законодатель предоставил возможность правоприменителю, в первую очередь суду, оценить все особенности конкретной ситуации и сделать вывод о наличии либо отсутствии в данном случае «добросовестности», «разумности» и «справедливости». Эти оценочные понятия, имеющие общий, не в полной мере определённый характер и содержание, нельзя считать недостатком в формулировках норм права. Задача их состоит в том, чтобы, учитывая детали и особенности конкретной ситуации, судебные органы оценивали фактические обстоятельства дела и «конкретизировали общую формулу закона» [9, с. 105].

А. А. Малиновский к основаниям законодательного закрепления «оценочных» понятий относит: «1) объективную невозможность точного определения некоторых явлений и процессов в силу их своеобразия, 2) многогранность правовой действительности и невозможность четко выделить все её характерные признаки, 3) кажу-

щуюся очевидность содержания понятия на момент принятия нормативного предписания и сложность его дальнейшего применения, 4) нецелесообразность исчерпывающей детальной регламентации общественных отношений, что предоставляет судье или другому органу правоприменения право самостоятельно определить их содержание и урегулировать конкретную ситуацию» [10].

Безусловно, оценочные понятия способствуют определённой гибкости правового регулирования, но использование подобного рода конструкций в тексте закона создает некоторые трудности при их толковании, обусловленные спецификой оценочных понятий, и поэтому их использование должно быть обоснованным в каждом конкретном случае.

Изучая оценочные понятия цивилистики, необходимо установить предпосылки закрепления этих понятий в действующем гражданском законодательстве. Как правило, учёные, исследующие различные аспекты существования оценочных понятий, выделяют объективные и субъективные причины их появления в законе.

Так, Т. В. Кашанина к объективным причинам существования оценочных понятий относит социальные факторы, которые не зависят от воли и усмотрения законодателя, а являются результатом общественного развития. Социальными факторами она считает следующие: «1) многообразие явлений общественной жизни; 2) быструю текучесть общественной жизни, вариативность явлений социальной действительности; 3) органическое взаимодействие права и морали» [11].

К субъективным причинам, обусловившим существование в праве оценочных понятий, Т. В. Кашанина относит «обстоятельства, зависящие от воли законодателя, или социальные факторы, которые не вытекают из самого общественного развития» [11]. В качестве таких факторов, по ее мнению, можно рассматривать «ошибки при составлении норм права, недостаточную степень развития юридической науки и юридической техники, правового инструментария, практики применения норм права» [11].

Разделяя позицию Т. В. Кашаниной в выделении объективных и субъективных причин существования оценочных понятий в гражданском праве, Д. А. Гараймович к объективным причинам относит «видоизменяемость явлений социальной действительности, к субъективным – ошибки, допускаемые при формулировании норм гражданского права, различные недостатки юридической техники, пробелы в праве» [12, с. 135].

Подобный подход представляется спорным, поскольку как объективные, так и субъективные причины и предпосылки существования оценочных понятий в праве и закрепления их в законе могут рассматриваться лишь в их взаимной связи и совокупности, поскольку воля и законодателя, и правоприменителя (в том числе участников правоотношений, суда) будет характеризовать обе группы причин – субъективную и объективную.

В этой связи следует согласиться с Д. М. Левиной, которая к предпосылкам закрепления оценочных понятий в законодательстве относит такие явления, как: «1) динамизм общественных отношений, 2) изменчивость экономической и социальной обстановки в стране, 3) многообразие форм человеческого поведения и его результатов» [13].

Оценочные понятия, такие как добросовестность, разумность и справедливость, известны в цивилистике еще со времен римского права. В той или иной степени они всегда были предметом научных дискуссий. Во многих научных трудах эти понятия анализируются как принципы или основы построения системы гражданско-правовых отношений, как фундаментальные морально-этические или морально-правовые составляющие всего гражданского оборота.

Понятия добросовестности, разумности и справедливости являются морально-этическими и оценочными. Учитывая это, пытаться жёстко определить их в законе, договоре или решении суда практически невозможно, а в отдельных случаях и не стоит. В частности, И. А. Покровский, разделяя позицию Е. Эрлиха, приводит следующее высказывание немецкого исследователя по поводу определения понятия добросовестности: «Что такое, по германскому праву, представляет злоупотребление правом, в каких случаях есть нарушение "Treu und Glauben" или "добрых нравов" – этого мы сейчас не знаем, так как закон ничего об этом не говорит; мы узнаем это только из судебных решений через сто лет» [3, с. 275].

В результате своего исследования категории добросовестности Б. Зеллер пришёл к выводу, что «добросовестность, несмотря на её “соблазнительную простоту”, – неуловимый термин» [14].

Этическую природу добросовестности и разумности также отмечал профессор П. Эльцбахер, который писал: «Вопрос о том, противоречит ли известный способ действий добрым нравам, есть вопрос этического характера» [15, с. 489].

В то же время следует отметить, что такие оценочные понятия, как добросовестность, разумность и справедливость, при закреплении их в текстах нормативно-правовых актов приобретают значение общих основ или принципов. Перед гражданско-правовой наукой встаёт вопрос теоретического и содержательного обоснования практики применения этих оценочных понятий, особенно при учете их значительного морально-этического влияния на всю систему регулирования гражданско-правовых отношений. Закрепление в правовых актах таких оценочных понятий, как добросовестность, разумность и справедливость, создает условия для расширения дискреции правоприменителей и вместе с тем создает предпосылки для устранения пробелов в законодательстве. Закрепление данных понятий в Гражданском кодексе РФ [4] позволяет использовать их в качестве регуляторов на уровне правоприменительной практики всех судов. Суды имеют конкретные нормативные ориентиры для применения при решении конкретных дел норм, ко-

торые в силу внутреннего убеждения приводят к восстановлению и защите прав и свобод граждан. Сфера правового регулирования при правоприменении данных оценочных понятий значения не имеет, поскольку их содержание определяется в процессе индивидуального правоприменения. Вместе с тем анализ оценочных понятий с позиции цивилистической науки предоставляет возможность их интерпретационного применения и при регулировании других групп общественных отношений на основе закрепленных в статье 6 ГК РФ [4] аналогии закона и аналогии права.

В заключение следует отметить, что переход к новой политической, экономической и правовой формации вызвал изменение отношения к месту и роли оценочных понятий в системе права. Это связано прежде всего со стремлением нашего государства к достижению мировых стандартов в построении гражданского общества и правового государства.

Наличие оценочных понятий в гражданском праве объективно необходимо и обоснованно. Важно, что субъектами применения, уполномоченными раскрывать их характерные признаки и содержание, выступают не только судебные и государственные органы, но и сами участники гражданских правоотношений, которые самостоятельно определяют условия возникающих между ними правоотношений и критерии соблюдения баланса интересов. При этом закон прямо закрепляет, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается (ст. 10 ГК РФ) [4]. Таким образом, законодатель не только наделяет участников правоотношений свободой выбора вариантов поведения, но и исходит из того, что участники правоотношений честны в своём поведении и следуют, наряду с правовыми, морально-этическим и нравственным нормам.

Как справедливо отмечает М. И. Бару, правильное применение оценочных понятий должно основываться на выработанных наукой критериях [16, с. 105]. Именно исходя из этого изучение и выяснение правовой природы, сущности, признаков и пределов использования оценочных понятий становится наиболее актуальной темой современных научных исследований как ученых-теоретиков, так и представителей цивилистической практики.

Список источников

1. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. 1976. № 1. С. 25–31.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд. М.: Статут, 2013. 349 с.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30.11.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
5. Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. 426 с.
6. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 1, № 6. С. 124–181.
7. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. 150 с.
8. Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 70 с.
9. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
10. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: материалы научно-методического семинара: сборник статей в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород: НА МВД России, 2001. С. 29–35.
11. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 17 с.
12. Гараймович Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. М., 2001. С. 134–136.
13. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 216 с.
14. Zeller B. Good Faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG. 2000. URL: <https://vuir.vu.edu.au/83/3/Zeller2.pdf>
15. Сливицкий В. И. Право на честное к себе отношение (из уроков западноевропейской гражданско-правовой мысли) // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти проф. Г. Ф. Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 489.
16. Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 104–108.

References

1. Kashanina T. V. Otsenochnyye ponyatiya v sovetskom prave [Evaluative concepts in Soviet law]. *Pravovedeniye*, 1976, no. 1, pp. 25–31. (In Russ.).
2. Pokrovskiy I. A. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava [Main problems of civil law]. 6th ed. Moscow: Statut Publ., 1998. 349 p. (In Russ.).
3. Gribanov V. P. Osushchestvleniye i zashchity grazhdanskikh prav [Implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut Publ., 2001. 410 p. (In Russ.).
4. Civil Code of the Russian Federation. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (In Russ.).

5. Petrazhitskiy L. I. Prava dobrosovestnogo vladeltsa na dokhody s tochek zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava [The rights of a bona fide owner to income from the point of view of dogma and civil law policy]. Moscow: Statut Publ., 2002. 426 p. (In Russ.).
6. Novitskiy I. B. Printsip dobroy sovesti v proyekte obyazatelstvennogo prava [The principle of good conscience in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2006, vol. 6, no. 1, pp. 124–181. (In Russ.).
7. Zherebkin V. E. Logicheskiy analiz ponyatiy prava [Logical analysis of legal concepts]. Kiev: Vishcha shkola, 1976. 150 p. (In Russ.).
8. Vlasenko N. A. Problemy tochnosti vyrazheniya formy prava (lingvo-logicheskiy analiz) [Problems of accuracy of expression of the form of law (linguistic and logical analysis)]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Ekaterinburg, 1997. 70 p.
9. Alekseyev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya [Law: Alphabet – theory – philosophy. Comprehensive research experience]. Moscow: Statut Publ., 1999. 712 p.
10. Malinovskiy A. A. Otsenochnyye ponyatiya v zakonodatelstve [Evaluation concepts in legislation]. In: Baranova V. M. (ed.). *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoy Rossii: sostoyaniye. problemy. Sovershenstvovaniye* [Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement. Materials of the scientific and methodological seminar: collection of articles in 2 vol.]. Nizhnyi Novgorod, 2001, vol. 1, pp. 29–35. (In Russ.).
11. Kashanina T. V. Otsenochnyye ponyatiya v sovetskom prave [Evaluative concepts in soviet law]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Sverdlovsk, 1974. 17 p.
12. Garaymovich D. A. Otsenochnyye ponyatiya v sovremennom grazhdanskom prave [Evaluative concepts in modern civil law]. In: *Tsivilisticheskiye zapiski: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Civilistic notes: interuniversity collection of scientific papers]. Moscow, 2001, pp. 134–136. (In Russ.).
13. Levina D. N. Teoreticheskiye problemy tolkovaniya i primeneniya otsenochnykh ponyatiy [Theoretical problems of interpretation and application of evaluative concepts]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Nizhnyi Novgorod, 2007. 216 p. (In Russ.).
14. Zeller B. Good faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG. URL: <https://vuir.vu.edu.au/83/3/Zeller2.pdf>.
15. Slivitskiy V. I. Pravo na chestnoye k sebe otnosheniye (iz urokov zapadnoyevropeyskoy grazhdansko-pravovoy mysli) [The right to be treated fairly (from the lessons of Western European civil law thought)]. In: *Sbornik statey po grazhdanskomu i trgovomu pravu. Pamyati prof. G.F. Shershenevicha* [Collection of articles on civil and commercial law. In memory of prof. G. F. Shershenevich]. Moscow: Statut Publ., 2005, pp. 489. (In Russ.).

16. Baru M. I. Otsenochnyye ponyatiya v trudovom zakonodatelstve [Evaluation concepts in labor legislation]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1970, № 7, pp. 104–108. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Аракелян – аспирант кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского социального института, г. Ставрополь, Россия.

Information about the authors

A. A. Arakelyan – postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 143–151.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 143–151.

Научная статья

УДК 342.732.037:343(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/143-151>

ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ (ст. 144 УК РФ): ПУТИ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Юлия Владимировна Каримова

Тихоокеанский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения России, Владивосток, Россия, karimovayv@mail.ru

Аннотация. Анализ современного законодательства, а именно Конституции РФ, ФЗ «О СМИ» от 27 декабря 1991 г., действующих УК РФ, ГК РФ, НК РФ, КоАП РФ и т.д. показывает, что в настоящее время на законодательном уровне закреплены нормы, служащие гарантией свободы слова, свободы массовой информации, охраняющие законную профессиональную деятельность представителей СМИ и выражающиеся в запрете цензуры, свободе слова, свободе массовой информации, наличии у представителей СМИ законных прав и обязанностей. Все это является необходимой составляющей демократии. Провозглашение свободы слова предоставило журналистам новые возможности для реализации себя как профессионалов, а также закрепило представителей СМИ как полноправных участников во взаимоотношениях, возникающих между государством, частными организациями и гражданами. В целом СМИ считаются четвертой властью, так как именно от них зависит восприятие и понимание обществом той или иной информации, а как следствие – все это влияет на формирование общественного мнения. Вместе с тем в УК РФ в настоящее время предусмотрена лишь одна норма, закрепляющая наступление уголовной ответственности в случае нарушения законных прав журналистов. Отсутствие единообразной практики применения ст. 144 УК РФ, а также разное ее толкование свидетельствуют о необходимости ее совершенствования.

Ключевые слова: воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, журналист, преступление против конституционных прав и свобод

человека и гражданина, защита прав журналиста, средства массовой информации, свобода слова

Для цитирования: Каримова Ю. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): пути и способы совершенствования уголовно-правовой нормы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 143–151.

Original article

OBSTACLING THE LEGAL PROFESSIONAL ACTIVITIES OF JOURNALISTS (Art. 144 of the criminal code of the russian federation): WAYS AND WAYS TO IMPROVE THE CRIMINAL LEGAL REGULATION

Yulia Vladimirovna Karimova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Pasific State Medical University of the Ministry of the Health of Russia, Vladivostok, Russia, karimovayv@mail.ru

Abstract. Analysis of modern legislation, namely the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On the Mass Media" of December 27, 1991, the current Criminal Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, etc. shows that at present, at the legislative level, norms are enshrined that serve as a guarantee of freedom of speech, freedom of the media, protecting the legitimate professional activities of media representatives and expressed in the prohibition of censorship, freedom of speech, freedom of the media, and the presence of media representatives of legal rights and obligations. All this is a necessary component of democracy. The proclamation of freedom of speech provided journalists with new opportunities to realize themselves as professionals, and also secured media representatives as full participants in the relationships that arise between the state, private organizations and citizens. In general, the media are considered the fourth power, since it is on them that the perception and understanding of this or that information by the society depends, and as a result, all this affects the formation of public opinion. At the same time, the Criminal Code of the Russian Federation currently provides for only one provision that establishes the onset of criminal liability in case of violation of the legal rights of journalists. Lack of uniform practice of application of Art. 144 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as its different interpretation shows the need for its improvement.

Keywords: obstruction of the legitimate professional activities of a journalist, journalist, crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen, protection of the rights of a journalist, mass media, freedom of speech

For citation: Karimova Y. V. Obstacle the legal professional activities of journalists (Art. 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): ways and ways to improve the criminal legal regulation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 143–151.

С развитием информатизации российского общества средства массовой коммуникации начинают оказывать все более осязаемое воздействие на различные сферы жизни социума, быстро превращаясь в реальную власть [1, с. 33]. Считается, что, предоставляя обществу разностороннюю и достоверную информацию о его развитии, СМИ тем самым способствуют созданию у граждан объективной картины действительности, вовлечению членов общества в социально-экономическое развитие страны, усилению общественного контроля за деятельностью государства [2, с. 159]. Именно журналисты являются «оценщиками» событий, происходящих как в России, так и в мире. Однако при этом их права достаточно часто ущемляются. В ст. 58 ФЗ «О средствах массовой информации» под ущемлением свободы массовой информации понимается воспрепятствование в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей редакций, издателей и распространителей продукции средств массовой информации, а также журналистов [3].

Вместе с тем действующее уголовное законодательство РФ закрепляет лишь один состав преступления, потерпевшим от которого является журналист, осуществляющий законную профессиональную деятельность. Только законная профессиональная деятельность журналистов подлежит, согласно ст. 144 УК РФ, охране. В апреле 2022 г. Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело о покушении на убийство Владимира Соловьева, которое готовили представители неонацистской группировки, по ч. 1 ст. 30 пп. «б», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [3]. А 15 июля 2023 г. ФСБ России предотвратила убийство главреда RT Маргариты Симоньян и журналистки Ксении Собчак по заказу украинских спецслужб. По данным суда, фигурантам предъявлено обвинение в хулиганстве (ч. 2 ст. 213 УК РФ) [4].

Мониторинги Фонда защиты гласности показывают масштабную статистику нарушений прав журналистов, которые выражаются в угрозах, порче имущества, принадлежащего как самим журналистам, так и их близким, нападениях и т.д. В Фонд защиты гласности вносятся все случаи насильственной гибели журналистов в связи с исполнением ими профессионального долга, если следствие не предоставило убедительных доводов того, что гибель произошла в результате несчастного случая, исследованного в том числе и с точки зрения содержания материалов, добытых журналистами или уже опубликованных [5, с. 21]. Ситуация с охраной закон-

ных прав журналистов заметно обострилась в период проведения Россией Специальной военной операции на Украине.

Несмотря на наличие в уголовном законе соответствующей нормы, вопросы применения на практике ст. 144 УК РФ до сих пор не решены однозначно и рассматриваемое преступление зачастую квалифицируется по другим статьям Уголовного кодекса. Указанные обстоятельства свидетельствуют как о несовершенстве самой уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, так и о дефектах правоприменительной деятельности. Этим продиктована необходимость разработки предложений, направленных на совершенствование доктрины, закона и практики его применения в интересующей нас сфере.

На сегодняшний день в уголовном законодательстве РФ можно найти ряд норм, которые так или иначе охраняют профессиональную деятельность представителей СМИ. Уголовным законодательством РФ предусматривается охрана жизни в ст. 105, 107, здоровья в ст. 111, 112, 113 и др., телесной неприкосновенности в ст. 117 УК РФ, имущественных прав представителя СМИ и т.д. Однако способы защиты, прямо закрепляющие права на свободу мысли, слова, защищающие журналиста при осуществлении им своей профессиональной деятельности, отраженные в ст. 144 УК РФ, используются пока довольно слабо. Вероятно, это происходит от того, что указанное преступление очень сложно раскрывается, так как достаточно сложно доказать, что совершенные в отношении журналиста деяния в действительности связаны именно с осуществлением им его профессиональной деятельности. В некоторых случаях, возможно, свою роль играет менталитет российского человека: в России представителя СМИ привычнее преследовать за «инакомыслие» и подвергать цензуре информационный поток, предназначенный для широкой аудитории, чем защищать свободу слова и СМИ [6, с. 210].

В результате сложившейся ситуации по ст. 144 УК РФ возбуждается в лучшем случае 1–3 дела в год. Разумно поэтому предположить, что действующая уголовно-правовая норма, призванная защищать журналистов, нуждается в переосмыслении и, как следствие, в доработке. Статья 144 УК РФ находится в главе 19 УК РФ, посвященной преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина. В целом данная глава предусматривает основания для применения уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, направленные на нарушения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на наличие в УК РФ главы, прямо предусматривающей преступления против указанных прав, нормы, защищающие конституционные права и свободы, содержатся и в других главах УК РФ.

Можно выделить несколько признаков потерпевшего от воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов.

1. Потерпевшим от данного преступления выступает физическое лицо, занимающееся журналистской деятельностью, то есть редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации.

2. Потерпевший должен заниматься профессиональной деятельностью в настоящее время, так как в статье указаны действия, направленные на распространение или отказ от распространения информации, имеющей значение для виновного непосредственно в настоящий момент.

3. Исходя из текста статьи следует сделать вывод, что деятельность журналиста должна иметь законные основания. Журналист должен быть связан с редакцией трудовым договором или иным трудовым соглашением.

4. Потерпевшим является лицо, пострадавшее от преступления. Посягательство должно причинять вред или создавать угрозу причинения вреда профессиональной деятельности потерпевшего.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ст. 144 УК РФ введена часть 3, которая содержит прямое указание на то, что одним из способов принуждения журналиста к распространению или отказу от распространения информации может быть физическое или психическое воздействие на близких ему людей. Близкие люди журналиста, таким образом, также входят в круг потерпевших от этого преступления.

Анализируя статистику мониторинга Фонда гласности, можно увидеть, что само по себе понятие журналиста не является достаточно полным и согласно ФЗ «О СМИ» не включает всех работников, занятых в сфере СМИ. Так, данный Закон не отождествляет понятие журналиста с издателем, главным редактором и т.д. Помимо указанных разновидностей представителей СМИ в настоящее время не следует забывать и о блогерах. Под ними понимаются специалисты, развивающие онлайн-ресурсы, а именно создающие личный сайт, страницу в соцсетях, корпоративный портал, издательскую площадку, размещающие свои материалы в текстовых блогах, в логах, подкастах и микроблогах. На законодательном уровне деятельность блогеров регулировалась ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ. Согласно данному закону владельцы всех интернет-ресурсов с аудиторией, превышающей 3000 пользователей в день, обязаны были регистрироваться в Роскомнадзоре, исполнять российское законодательство вне зависимости от профиля сайта или страницы, места его размещения и регистрационной зоны, а также следить за тем, чтобы пользователи ресурса, оставляющие комментарии, не нарушали законодательство. В 2017 г. нормы, посвященные блогерам, утратили силу. Данное решение законодателя нельзя назвать удачным. Так, 2 апреля 2023 г. был убит военный блогер Т. Следственный комитет РФ возбудил сначала уголовное дело по ч. 2 ст. 105 УК РФ, а затем переква-

лифицировал его на ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 222.1 УК РФ. Несмотря на то, что основная деятельность убитого была связана с освещением военных событий, дополнительной квалификации по ст. 144 не последовало [7]. А.В. Курсаев в этой связи предлагает внести в формулировку ст. 144 УК РФ следующее изменение: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста или иного лица, на которое распространяется профессиональный статус журналиста...» [8, с. 24].

Такое изменение закона, естественно, позволит расширить круг лиц, подлежащих охране. Как нам представляется, уголовный закон должен охранять интересы и законные права всех без исключения представителей СМИ, имеющих редакционное удостоверение или иной документ, подтверждающий полномочия представителя организации СМИ, осуществляющей выпуск подготовленных материалов для неопределенного круга лиц. Вот почему есть резон внести соответствующие изменения как в само название комментируемой статьи УК РФ, так и в ее диспозицию. Думается, что там же термин «журналист» имеет смысл заменить на «журналист, издатель, редактор, распространитель средств массовой информации, а также иное лицо, обладающее профессиональным статусом журналиста». Данная формулировка будет включать в себя всех лиц, связанных со СМИ трудовыми или иными договорными отношениями и осуществляющих журналистскую деятельность.

Не выдерживает критики и ныне используемое законодателем название ст. 144 УК РФ: журналисты в нем указаны во множественном числе, что может привести правоприменителя к абсурдному выводу о возможности возбуждения уголовного дела по данной статье лишь при наличии как минимум двух потерпевших. Поэтому представляется целесообразным изменить название статьи на «воспрепятствование законной профессиональной деятельности представителя средств массовой информации либо лица, обладающего профессиональным статусом журналиста...».

Что касается диспозиции ст. 144 УК РФ, то ее в порядке *de lege ferenda* предлагается изложить в следующей редакции: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, издателя, редактора, распространителя средств массовой информации, а также иного лица, обладающего профессиональным статусом журналиста...». Такая трактовка уголовно-правового запрета позволит охватить гораздо больший круг потенциальных потерпевших, связанных с осуществлением законной профессиональной журналистской деятельности, и, как следствие, защитить журналистов от посягательств на их права, связанные с осуществлением ими своей трудовой деятельности.

Часть 2 ст. 144 УК РФ предлагаем дополнить несколькими пунктами, в результате чего она будет выглядеть следующим образом:

«то же деяние, совершенное:

- а) лицом с использованием своего служебного положения;
- б) в отношении двух или более лиц;

в) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

Часть 3 ст. 144 УК РФ, в свою очередь, будет предусматривать наступление уголовной ответственности за деяния, указанные в ч. 1 и ч. 2 ст. 144 УК РФ, соединенные с насилием над журналистом и его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой применения такого насилия.

Вполне логичным кажется и добавление к ст. 144 УК РФ примечания с указанием в нем точного перечня возможных потерпевших, а также расшифровки самого понятия «воспрепятствование» в рассматриваемом нами составе, которое отталкивалось бы в своих формулировках от положений ФЗ «О СМИ» и звучало бы следующим образом:

«Под журналистом в настоящей статье следует понимать лицо, которое занимается сбором, созданием, редактированием или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовым договором или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию.

Под издателем понимается издательство, иное учреждение, предприятие, предприниматель, осуществляющие материально-техническое обеспечение производства продукции средства массовой информации.

Под редактором понимается лицо, которое принимает окончательное решение в отношении производства и выпуска средства массовой информации.

Распространителем является лицо, осуществляющее распространение продукции средств массовой информации по договору с редакцией, издателем или на иных законных основаниях.

Лицо, обладающее профессиональным статусом журналиста – это штатный сотрудник редакции, занимающийся редактированием, созданием, сбором, подготовкой сообщений и материалов для многотиражных газет и других средств массовой информации, продукция которых распространяется исключительно в пределах одного предприятия (объединения), организации, учреждения; а также авторы, которые не связаны с редакцией средства массовой информации трудовыми или иными договорными отношениями, но признаваемые ею своими внештатными авторами или корреспондентами при выполнении ими поручений редакции.

Профессиональный статус журналиста распространяется на представителя средств массовой информации, являющегося лицом, имеющим редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий его полномочия представителя организации, осуществляющей выпуск средств массовой информации (п. 52) 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»). В данном случае представитель СМИ обладает профессиональным статусом журналиста, даже если сам он не пишет статьи, а только занимается сбором материалов.

Под воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналиста следует понимать любые действия, направленные на ущемление прав журналистов, закрепленных в ст. 58 ФЗ «О СМИ».

Подводя итог изложенному, отметим, что изначально неудачная формулировка рассматриваемой нами уголовно-правовой нормы влечет за собой возможность для правоприменителей отказывать в возбуждении уголовного дела либо осуществлять квалификацию содеянного по смежным составам преступлений. Вот почему диспозиция статьи в целях ее совершенствования нуждается во внесении предложенных изменений.

Список источников

1. Задоркина С. Средства массовой информации в контексте инновационного развития современного общества // Власть. 2012. № 10. С. 32–34.
2. Запесоцкий А. Четвертая власть (о роли СМИ в современном мире) // Москва. 2009. № 12. С. 159–173.
3. О средствах массовой информации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1: Федеральный закон РФ ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812>
4. Суд арестовал подозреваемых в подготовке нападения на Симоньян и Собчак. URL: <https://www.interfax.ru/amp/911763>
5. Симонов А. Профессия – мишень: безнаказанность преступлений против журналистов – прямое следствие качества правопорядка и качества правосудия // Журналист. 2007. № 8. С. 21.
6. Ишимова Р. Д. Признаки потерпевшего от воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (16). С. 209–214.
7. Следственный комитет РФ назвал организатора теракта, в котором погиб военкор Татарский // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/-2023/06/02/978271-skr-nazval-organizatora-terakta-v-kotorom-pogib-tatarskii>
8. Курсаев А. В. Проблемы определения признаков потерпевшего в составе воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 21–25.

References

1. Zadorkina S. Sredstva massovoi informatsii v kontekste innovatsionnogo razvitiya sovremennogo obshchestva [Mass media in the context of innovative development of modern society]. *Vlast'*, 2012 no. 10, pp. 32–34. (In Russ.).
2. Zapesotskii A. Chetvertaya vlast' (o roli SMI v sovremennom mire) [The fourth power (on the role of the media in the modern world)]. *Moskva*, 2009, no. 12, pp. 159–173. (In Russ.).

3. On the mass media of December 27, 1991 No. 2124-1: Federal Law of the Russian Federation FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812>. (In Russ.).

4. Sudebnoye razbiratel'stvo po podozreniyu v podozrenii na podozreniye na Simon'yan i Sobchak [The court arrested the suspects in the preparation of the attack on Simonyan and Sobchak]. URL: <https://www.interfax.ru/amp/911763>

5. Simonov A. Professiya – mishen': beznakazannost' prestuplenii protiv zhurnalistov – pryamoe sledstvie kachestva pravoporyadka i kachestva pravosudiya [Profession is a target: impunity for crimes against journalists is a direct consequence of the quality of law and order and the quality of justice]. *Zhurnalist*, 2007, no. 8, pp. 21. (In Russ.).

6. Ishimova R. D. Priznaki poterpevshego ot vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov [Signs of a victim of obstruction of the legal professional activities of journalists]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2012, № 2 (16), pp. 209–214. (In Russ.).

7. The Investigative Committee of the Russian Federation named the organizer of the terrorist attack in which military commander Tatarsky died. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/06/02/978271-skr-nazval-organizatora-terakta-v-kotorom-pogib-tatarskii> (In Russ.).

8. Kursaev A. V. Problemy opredeleniya priznakov poterpevshego v sostave vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF) [Problems of determining the signs of the victim as part of the obstruction of the legal professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 2 (84), pp. 21–25. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. В. Каримова – старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Тихоокеанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения России, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

Yu. V. Karimova – Senior Lecturer, Department of Economics and Management, PacificState Medical University, Ministry of Health of Russia, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 152–161.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 152–161.

Научная статья

УДК 343.58.03(73+5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/152-161>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США И СТРАН АЗИИ

Дмитрий Владимирович Ксенофонов

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, xenofontov-dv@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5695-6530>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся жестокого обращения с животными в соответствии с зарубежным законодательством. Основное внимание уделено законодательству США и стран Азии, а также механизмам реализации законов, направленных на охрану прав животных. Особое внимание уделяется стандартам Международной экономической безопасности по благополучию животных, поскольку они направлены на улучшение состояния и здоровья животных во всем мире.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, наказание, благополучие животных, стандарты, законы

Для цитирования: Ксенофонов Д. В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными по законодательству США и стран Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 152–161.

Original article

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ANIMAL CRUELTY UNDER THE LEGISLATION OF THE USA AND COUNTRIES OF ASIA

Dmitry Vladimirovich Xenofontov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia, xenofontov-dv@rudn.ru

Abstract. The article considers cruelty to animals in accordance with foreign legislation. The focus is on US and Asian legislation. To date, many countries have enacted laws to protect the rights of animals and have developed clear mechanisms to implement these laws. The article pays special attention to the OIE standards for animal welfare as they are aimed at improving animal welfare and health worldwide.

Keywords: animal cruelty, punishment, animal welfare, standards, laws

For citing: Xenofontov D. V. Criminal responsibility for animal cruelty under the legislation of the USA and countries of Asia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 152–161.

Введение

Жестокое обращение с представителями фауны является распространённой проблемой, поскольку во всех странах мира встречаются случаи жестокого отношения к животным. Однако законодательство разных стран регулирует данный вопрос по-разному, а в некоторых государствах полностью отсутствуют меры, направленные на защиту животных. Данные мировой статистики [1] показывают: а) ради еды ежедневно убивают 150 000 000 наземных животных; б) 96% жизни циркового животного проходит в клетке; в) ради меха отлавливают и убивают ежегодно 10 000 000 диких животных; г) выращивают на зверофермах или отлавливают в дикой природе ради шкур 1 000 000 000 кроликов и 50 000 000 других животных (норки, лисы, енотовидные собаки и др.); д) в лабораториях ежедневно истязают 15 000 000 теплокровных животных; е) ради еды ежегодно убивают 77 000 000 000 животных (2442 животного в секунду).

Следует обратить внимание на показатели индекса жестокого обращения с животными без голоса (VACI) [2] (рис. 1). Данный индекс отражает показатели благополучия животных в 50 странах мира, являющихся производителями продуктов животноводства. Впервые данный индекс был опубликован в 2017 г.

С увеличением потребления продуктов животного происхождения количество животных, выращиваемых ради еды, постоянно растет. Большинство таких живот-

ных выращивается на фабричных фермах, где их содержат в клетках, подвергают неестественной диете и болезненным процедурам (нередко без обезболивания).

На рисунке 2 представлены данные индекса VACI по показателю «потребление жестокости».

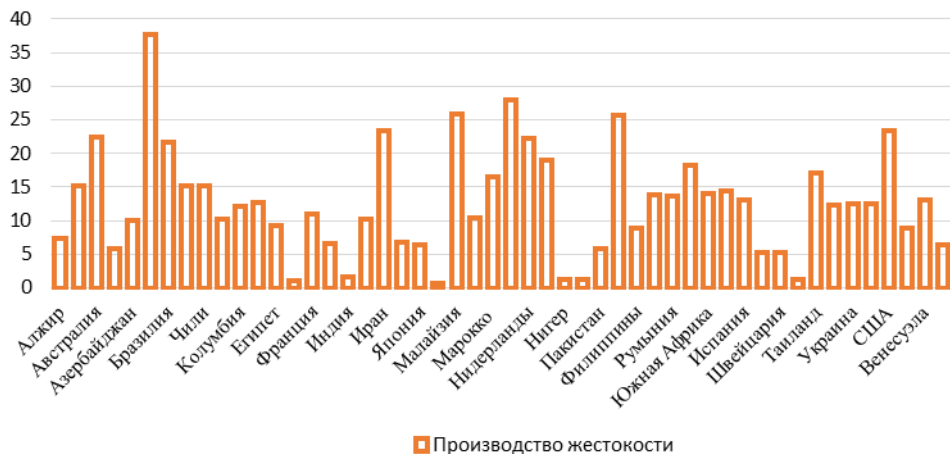

Рис. 1. Индекс жестокого обращения с безмолвными животными (VACI)

Источник: [2]

Fig. 1. The Voiceless Animal Cruelty Index (VACI)

Source: [2]

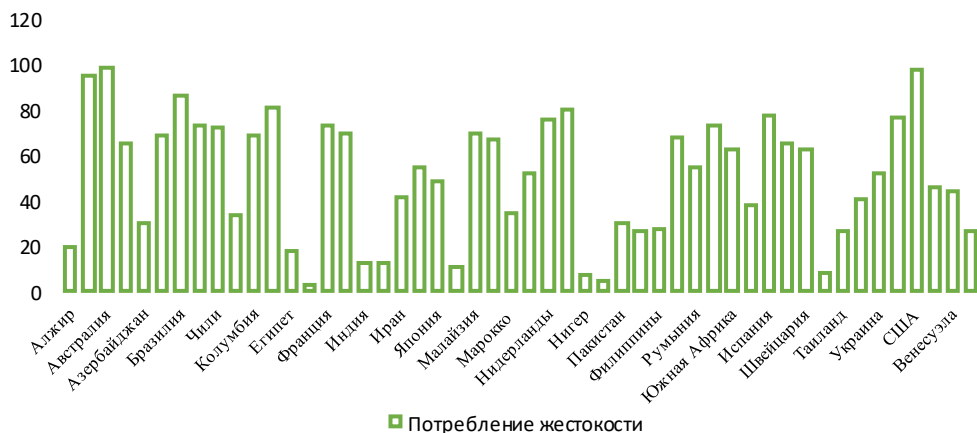

Рис. 2. Индекс жестокого обращения с безмолвными животными (VACI)

Источник: [2]

Fig. 2. The Voiceless Animal Cruelty Index (VACI)

Source: [2]

На рисунке 3 представлены данные индекса VACI по показателю «наказание за жестокость».

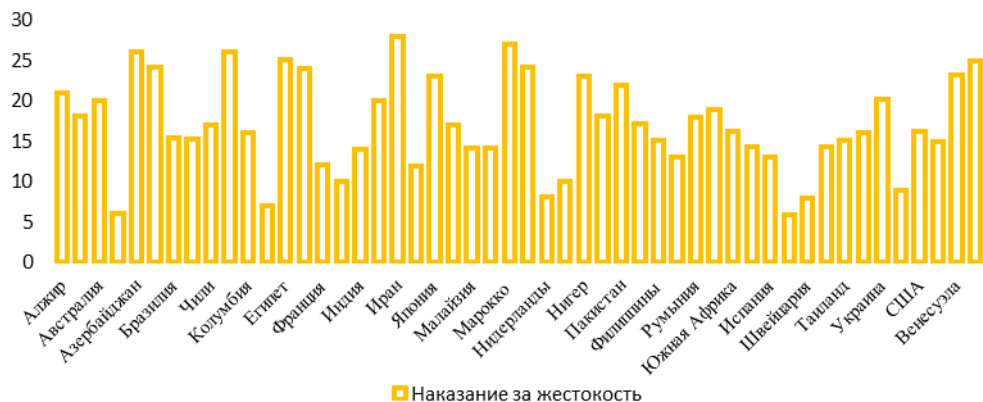

Рис. 3. Индекс жестокого обращения с безмолвными животными (VACI)
Источник: [2]

Fig. 3. The Voiceless Animal Cruelty Index (VACI)
Source: [2]

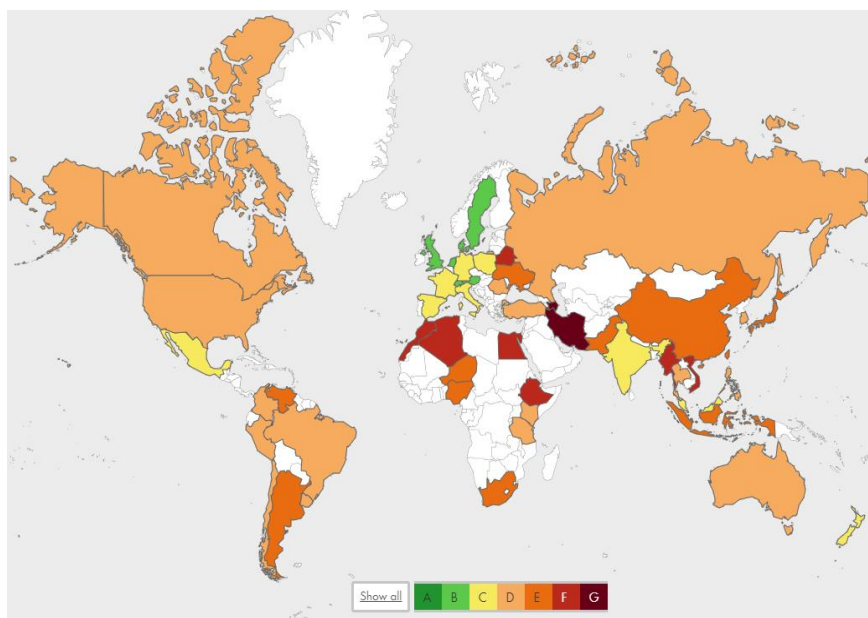

Рис. 4. Индекс защиты животных
Источник: [3]

Fig.4. Animal Protection Index
Source: [3]

1. В категории «Производство жестокости» страны ранжируются по количеству сельскохозяйственных животных, забиваемых в пищу каждый год, в расчете на душу населения;

2. В категории «Потребление жестокости» страны ранжируются на основе потребления ими сельскохозяйственных животных исходя из соотношения потребляемого белка растительного происхождения и белка сельскохозяйственных животных, а также количества потребляемых животных в каждой стране на душу населения;

3. В категории «Наказание за жестокое обращение» страны ранжируются с учетом их общественного и культурного отношения к животным, что отражается в качестве нормативно-правовой базы, действующей для защиты животных.

Наряду с тем, как индекс VACI ранжирует страны по показателям жестокого обращения с животными, следует отдельно рассмотреть индекс защиты животных (API), в котором анализируется законодательство 50 стран мира в области защиты прав животных (рис. 4).

В интерактивной карте, подготовленной международной организацией по защите животных “World Animal Protection”, представлен рейтинг стран по наличию законодательства в сфере защиты животных: страны, которым присвоена категория «А», представляют самые высокие результаты, а страны с категорией «G» характеризуются максимальным потенциалом для улучшения.

Жестокое обращение с животными в Азии

В Азии мясо кошек и собак продается во многих ресторанах и на рынках. Азиатский континент, представленный многими развивающимися странами, где проживает половина населения и животных в мире, ранее регулярно сообщал о значительном количестве случаев жестокого обращения с домашними животными, домашним скотом и дикими животными. Это недоедания, перегрузки, истязания, забои негуманным образом и пр. Глобальная организация по защите животных FOUR PAWS опубликовала отчет, согласно которому в Индонезии, Вьетнаме и Камбодже жестоко убивают 1 000 000 кошек и 9 000 000 собак. Нередко это происходит с домашними животными, которых выкрадывают у владельцев. В отчете исполнительного директора FOUR PAWS Джозефа Пфабигана сказано, что каждый аспект торговли кошачьим и собачьим мясом связан с крайней степенью жестокости. Кроме того, воздействие чрезвычайно жестоких методов забоя может повлиять на психологическое благополучие взрослых, детей и туристов, которые становятся их свидетелями. Все это может оказать негативное влияние на туризм и экономику в указанных странах.

В некоторых азиатских странах отсутствует четкая политика с определенными стратегиями для проведения мероприятий по защите животных, а в отдельных из них даже отсутствует соответствующее законодательство. Вместе с тем есть страны, имеющие законодательство, но страдающие от его неэффективного осуществления из-за ограниченности ресурсов, будь то нехватка людей для регулирования или нехватка финансовых средств, необходимых для реализации этой цели.

В Малайзии в 1953 г. был принят Закон о животных, направленный на предотвращение жестокого обращения с ними. В то же время в разделе 377 Уголовного кодекса Малайзии закреплено наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет, штраф или порка за сексуальные отношения с животными. В 2015 г. был принят Закон о защите животных (AWA), закрепляющий ответственность за жестокое обращение с животными. В соответствии с нормами данного закона лицо признается виновным в совершении преступления в случае, если оно жестоко обращается или избивает, пинает, перегружает, провоцирует агрессию или пугает любое животное. Предусмотрены исключения, в частности для охоты, во время которой не запрещается использовать болезненные ловушки, а также убийства животных в целях употребления в пищу. Закон о защите животных (AWA) запретил разведение животных для обучения и проведения исследований, отстрел бродячих собак, а также предоставил судам возможность лишать любого права на владение животным на неопределенный срок. Кроме того, наказание за жестокое обращение с животными было увеличено с максимальной суммы штрафа в 200 ринггитов и (или) тюремного заключения на 6 месяцев до штрафа в 20 000–100 000 ринггитов и (или) тюремного заключения на срок до 3 лет.

В Республике Корея с момента принятия в 1991 г. Закона о защите животных формулировки его неоднократно пересматривались, в частности в 1996, 1998, 2005, 2008, 2010, 2012, 2014 и 2015 гг. [4]. Закон Южной Кореи о защите животных гласит, что любой, кто жестоко обращается с животными, может быть приговорен максимум к 3 годам тюремного заключения или оштрафован на 30 млн вон (25 494 доллара США). Данный закон был принят в конце XX в., он позволяет применять профилактические меры в борьбе с жестоким обращением с животными.

В Китае принято несколько законодательных актов для улучшения благополучия животных. Закон о животноводстве (2006 г.) регулирует перевозку животных таким способом, чтобы обеспечить безопасность скота и предоставить ему необходимое пространство, пищу и воду. Положение об управлении убоем свиней (2008 г.) обязывает скотобойни проводить гуманный убой в соответствии с национальными стандартами. Также Положение о практикующем ветеринарном враче (№ 18) требует, чтобы такой врач любил и защищал животных, а также распространял знания о здоровье и благополучии животных.

В мае 2014 г. Китай ввел Требования к благополучию сельскохозяйственных животных для свиней (CAS 235-2014). Это был первый Стандарт благополучия сельскохозяйственных животных в Китае. В секторе образования многие университеты предлагают различные курсы по благополучию животных. К университетам, предлагающим такие курсы, как «поведение животных», «закон о благополучии животных» и «защита животных», относятся Китайский сельскохозяйственный

университет, Шанхайский университет Цзятун, Университет Гуанси и Нанкинский сельскохозяйственный университет.

В 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции в Китае был введен в действие запрет на незаконную торговлю дикими животными. В Гонгконге за убийство кошек и собак может грозить тюремное заключение. Однако в некоторых провинциях до сих пор сохраняется традиция проведения ежегодного фестиваля собачьего мяса, что представляет собой воплощение чудовищной жестокости. С введением в действие запрета ожидается, что в скором времени данный фестиваль полностью прекратит свое существование, а тенденция совершенствования китайского законодательства в сфере защиты прав животных продолжит свое развитие. Настало время радикального изменения политики Китая в отношении защиты животных. Вместо того, чтобы игнорировать растущее общественное сознание о благополучии животных, законодательный орган Китая должен активизировать свои усилия и рассмотреть вопрос о принятии антижестоккого законодательства.

Жестокое обращение с животными в США

В Соединенных Штатах Америки нет федерального закона о жестоком обращении с животными. Такие законы вводятся в действие и применяются штатами в индивидуальном порядке. Уголовные законы неэффективны по многим причинам: их часто трудно применять в судебном порядке или они не применяются к конкретным областям использования, таким как животные в исследованиях. Как правило, все определения жестокого обращения с животными в штатах включают запрет на причинение вреда, пыток, убийств и оставления животных без внимания. Формулировки, используемые штатами при определении психического состояния преступника в момент совершения актов жестокого обращения с животными, имеют много общего: использование слова «намеренно» встречается в законах 26 штатов, «сознательно» – 20, «жестоко» – 32.

Таким образом, в законодательстве США более чем в 30 штатах жестокое обращение с животными относится к категории особо тяжких преступлений. В штате Техас, помимо убийства, нанесения тяжких увечий, намеренного применения пыток, организации боев и отравления животного, к жестокому обращению относится оставление животного в опасности и ограничение его в еде. Помимо прочего, животного запрещается подвергать непосильным работам. Также принят «Закон о стерилизации животных», согласно которому хирургическую стерилизацию должны пройти все животные, имеющие хозяев. Наказание за нарушение данного закона – штраф до 500 долларов и (или) принудительные работы сроком до 40 часов.

Следует отметить, что большинство законов штатов освобождает сельскохозяйственных животных от защиты, в результате чего практически отсутствует

правовая защита сельскохозяйственных животных на государственном уровне. От правовой защиты во многих штатах также освобождаются животные, используемые на выставках или в исследованиях. В результате большинство законов о жестоком обращении с животными распространяется только на домашних животных, таких как собаки и кошки.

На сегодняшний день уголовные законы, запрещающие жестокое обращение с животными, существенно различаются в зависимости от штата, но, как правило, содержат положения, запрещающие такие деяния, как оставление без внимания и пренебрежение, жестокость при отягчающих обстоятельствах, организация и проведение боев животных. Степень успешности применения уголовных законов, запрещающих жестокое обращение с животными, зависит, в частности, от строгости наказания, допустимого в соответствии с законом, и от того, применяется ли этот закон сотрудниками местной полиции или прокурорами.

Стандарты МЭБ по благополучию животных

С мая 2005 г. Всемирная ассамблея делегатов МЭБ (представляющая 180 стран-членов и территорий) приняла десять стандартов благополучия животных в Наземном кодексе и четыре стандарта благополучия животных в Водном кодексе. Некоторые из этих стандартов предназначены для оценки степени нарушений функционирования, связанных с травмами, заболеваниями и недоеданием. Другие стандарты содержат информацию о потребностях животных и аффективных состояниях, таких как голод, боль и страх, часто путем измерения силы предпочтений, мотивации и отвращения животных. Есть и такие стандарты, которые оценивают физиологические, поведенческие и иммунологические изменения или эффекты, которые животные проявляют в ответ на различные вызовы. В Санитарном кодексе МЭБ закреплены следующие стандарты:

1. *Перевозка животных наземным, морским и воздушным транспортом.* Эти стандарты описывают различные аспекты, которые необходимо учитывать перед перемещением животных. В нем определяются обязанности, компетенция, планирование поездки, необходимая документация, период до поездки, погрузка, сама поездка, разгрузка и обработка после поездки, действия в случае отказа от поездки и вопросы, касающиеся конкретных видов

2. *Убой животных.* В Статье 7.7.1 Кодекса МЭБ по охране здоровья наземных животных сказано, что необходимо обеспечить благополучие пищевых животных во время предубойных и убойных процессов до момента их гибели на бойнях. За животными, забитыми вне скотобоен, необходимо следить, чтобы их транспортировка, предубойное содержание, фиксация и убой проводились без чрезмерного стресса для животных.

3. *Убой животных в целях борьбы с болезнями.* Убийство животных в случае болезни или в чрезвычайной ситуации требует, чтобы благополучию животных уделялось должное внимание в отношении использования соответствующего метода умерщвления.

4. *Контроль популяции бродячих собак.* Важно, чтобы бродячие животные находились под контролем, чтобы гарантировать, что они не создают проблем со здоровьем людей и животных и, в частности, таких заболеваний, как бешенство. При контроле популяции следует избегать ненужных страданий животных. Для борьбы с бродячими животными могут применяться различные меры контроля.

5. *Использование животных в исследованиях и образовании.* Должна существовать Необходимы нормативно-правовая база и связь с комитетом по надзору для тщательного изучения потребности в животных в целях исследования и обеспечения использования животных в соответствии с общеприемлемыми правилами.

Системы содержания животных и производства мясного скота. Эти рекомендации относятся к выращиванию мясного скота и охватывают различные аспекты, такие как биобезопасность и здоровье животных, окружающая среда (тепловой и холодовой стресс, освещение, качество воздуха, шум, питание, пол/подстилка, социальная среда, плотность посадки и защита от хищников), управление (генетика, воспроизводство, молозиво, отлучение от груди, процедуры выращивания, обработка и осмотр, обучение персонала, планы действий в чрезвычайных ситуациях, местонахождение, конструкция и оборудование, гуманное умерщвление).

Заключение

Многие считают, что ни одно животное не должно страдать от боли из-за деятельности человека. Другие убеждены, что некоторое использование животных допустимо, если ни одному животному не причиняют ненужной боли. По мнению третьих, любая человеческая потребность важнее, чем благополучие животных. Эти противоречивые в политическом плане взгляды приводят к различным юридическим последствиям.

Исследования отношения к благополучию и правам животных, проведенные в университетах 11 стран Европы и Азии, выявили различия между студентами их европейских и азиатских стран. Студенты из европейских стран больше заботятся о благополучии животных, чем студенты из стран азиатских, что может быть частично объяснено ростом благосостояния европейских студентов, поскольку существует позитивная корреляция между расходами студентов и заботой о благополучии животных и их правах.

Несмотря на различия в общественной оценке жестокого обращения с животными и в законодательстве разных стран, можно сделать вывод о том, данная проблема является актуальной во всем мире. Наблюдается постепенная тенденция со-

вершенствования законодательства в сфере защиты животных в разных странах, что свидетельствует о том, что мировое сообщество стремится к законодательному закреплению ответственности за жестокое обращение с животными и развитию противодействия указанным деяниям. Во многих странах уже приняты законы, направленные на охрану прав животных, а также разработаны четкие механизмы по их реализации. Некоторым странам еще предстоит длительный процесс развития в данной области. Правовые изменения редко происходят быстро, поэтому важно помнить, что не закон изменяет общество, а общество меняет закон.

Список источников

1. Сиваков Д. О. Гуманное обращение с животными по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 158–170.
2. The Voiceless Animal Cruelty Index (VACI). URL: <https://vaci.voiceless.org.au/>
3. Animal Protection Index. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/>
4. Animal Protection Act in Korea. URL: <http://www.law.go.kr/>

References

1. Sivakov D. O. Gumannoe obrashchenie s zhivotnymi po zakonodatel'stvu zaru-bezhnykh gosudarstv [Humane treatment of animals according to the legislation of foreign countries]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2020, no. 5, pp. 158–170. (In Russ.).
2. The Voiceless Animal Cruelty Index (VACI). URL: <https://vaci.voiceless.org.au/>
3. Animal Protection Index. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/>
4. Animal Protection Act in Korea. URL: <http://www.law.go.kr/>

Информация об авторах

Д. В. Ксенофонтов – аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

Information about the authors

D. V. Xenofontov – graduate student of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Для заметок